

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2023, №3

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН,
Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Председатель Редакционного совета: Бабаев К.В., д.филол.н.

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Нелидов В.В., к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Трубникова Н.Н., д.филол.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Гришачев С.В., к.и.н.; Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.

Специальности ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика

5.2.5 Мировая экономика

5.5.2 Политические институты, процессы, технологии

5.5.4 Международные отношения

5.6.2 Всеобщая история

5.6.4 Этнология, антропология и этнография

5.6.7 История международных отношений и внешней политики

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов

© ИККА РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation): ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Head of Editorial Council: Babaev K.V., DSc (Philology)

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishek Elena E., DSc (History)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Grishachev Sergei V., PhD (History); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History)

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© ICCA RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2023, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Борькина А.Ю. Понять себя и другого: метаморфоза и поиск утраченной идентичности в прозе Каваками Хироми	6
Суслов А.В. Истоки архаической японской поэзии: «длинная песнь» (<i>нагаута</i> / <i>тё:ка</i>)	17
Трубникова Н.Н. «Бессмертные» и бессмертие: соединение буддийской и даосской традиций в «Собрании стародавних повестей»	34
Луговской А.В., Пестушко Ю.С., Савелова Е.В. Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии)	49
Серебрякова С.Г., Османов Е.М. Вопросы размещения японских пленных в России во время русско-японской войны (1904–1905 гг.)	63
Шуплецова К.В. Методология исследования мифов (<i>синва</i>) в работах историка Цуда Сокити (1873–1961)	76
Трунов Ф.О. Подход НАТО к выстраиванию сотрудничества с Японией: трудности и перспективы	88

Книжная полка

Перминова В.А. Колониальное развитие Тайваня глазами современных японских исследователей (на примере книги Т. Ватанабэ «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань») Рецензия на: Watanabe T. The Meiji Japanese who made modern Taiwan	103
Юкляевских Е.С. Открывая неизвестные страницы истории айнов Рецензия на книгу В. В. Щепкина «Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А. В. Григорьева»	112

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2023, № 3

CONTENTS

Borkina A.Y. To understand yourself and the other: Metamorphosis and the search of the lost identity in the literary works of Kawakami Hiromi	6
Suslov A.V. Origins of Japanese archaic poetry: Japanese long song (<i>nagauta</i> / <i>chōka</i>)	17
Trubnikova N.N. Immortals and immortality: Combining Buddhist and Taoist traditions in <i>Konjaku Monogatari-shū</i>	34
Lugovskoy A.V., Pestushko Y.S., Savelova E.V. Insularity as a core of ethnocultural identity (a comparative study of Great Britain and Japan)	49
Serebryakova S.G., Osmanov E.M. About choosing places of stay for the Japanese prisoners of war in Russia during the Russo-Japanese War (1904–1905)	63
Shupletsova K.V. The methodology of research of Japanese myths (<i>shinwa</i>) in the studies of historian Tsuda Sōkichi (1873–1961)	76
Trunov Ph.O. NATO's approach to develop cooperation with Japan: Difficulties and prospects	88

Book Review

Perminova V.A. Colonial development of Taiwan as viewed by contemporary Japanese scholars (using the example of the book by Toshio Watanabe <i>The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan</i> . Review of: Watanabe T. <i>The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan</i>	103
Yuklyayevskikh E.S. Unknown pages of history of the Ainu. Review of the book <i>Ainu Through the Eyes of Japanese: An Unknown Collection</i> by A.V. Grigoriev by Vasily V. Shchepkin	112

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-6-16

Понять себя и другого: метаморфоза и поиск утраченной идентичности в прозе Каваками Хироми

А.Ю. Борькина

Аннотация. В статье проанализированы три произведения современной японской писательницы Каваками Хироми («Хокусай», «Наступить на змею», «Некий»), в которых в качестве центрального элемента выступает мотив метаморфозы. Метаморфоза в работах Каваками воспринимается в равной степени как неотъемлемая часть мифологического сознания и как метод, наглядно демонстрирующий путь преобразования героя. В рассказе «Хокусай» главный герой встречается с осьминогом-оборотнем с гравюры художника Кацусика Хокусай. Волею случая оказавшийся на земле осьминог в погоне за любовными приключениями принимает облик человека, с течением времени утрачивая способность к перевоплощению. Осьминог вовлекает героя в свои развлечения, и они вместе отправляются наблюдать за женщинами в темном переулке у станции, а затем преследуют одну из них. Неустойчивый, изменчивый оборотень выступает в произведении в качестве зеркального отражения героя, а также служит катализатором для его возвращения к деятельной жизни, пусть и посредством раскрытия «темной» стороны героя. Главная героиня новеллы «Наступить на змею», Хивако, также встречает на своем жизненном пути оборотня – змею, утверждающую, что она ее мать, и приглашающую Хивако отправиться в «теплый мир змей». Героиня в связи с этим вынуждена задуматься как о собственной семейной истории – дед ее жил с женщиной, превращавшейся в птицу, так и об образе жизни окружающих – оказывается, многие из ее знакомых живут со змеями. В финале героиня так и не находит в себе сил пройти окончательную трансформацию и вступает в борьбу с фигурой «лже-матери» в стремлении сохранить собственную человечность. Главный герой романа «Некий» в связи со своей генетической мутацией проходит семь последовательных перевоплощений разного возраста, пола и социального положения. Каждое из них, по сути, представляет собой пластическую метафору определенного этапа жизненного цикла. В итоге протагонист приходит к осознанию необходимости последовательного развития, а не скачкообразных превращений, позволявших ему убежать от проблем в коммуникации с окружающими, обретая полноту существования в самом себе и выходя из ряда перевоплощений.

Ключевые слова: японская литература, Каваками Хироми, постмодернизм, литература женского потока, метаморфоза, магический реализм.

Автор: Борькина Анастасия Юрьевна, старший преподаватель, кафедра японоведения, Институт востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (СПб). (адрес: 190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123). ORCID: 00-002-9445-1958; E-mail: an_borkina@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Борькина А.Ю. Понять себя и другого: метаморфоза и поиск утраченной идентичности в прозе Каваками Хироми // Японские исследования. 2023. № 3. С. 6–16. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-6-16.

To understand yourself and the other: Metamorphosis and the search of the lost identity in the literary works of Kawakami Hiromi

A.Y. Borkina

Abstract. The paper analyzes three works of Japanese author Kawakami Hiromi, in which the motive of metamorphosis is the central element. Metamorphosis in Kawakami's fiction is viewed as both the essential part of the mythological worldview and the method, demonstrating the life path of characters. In the short story "Hokusai" the protagonist meets a shapeshifter octopus. On the seashore, the octopus, craving for the love of women, turns into a human, later becoming unable to return to his primal shape. The octopus engages the protagonist in his game and the two of them go to a dark alleyway near a station to secretly watch the women passing by and then to follow one of them. The unstable shapeshifter is a mirror reflecting the main character as well as the catalyst pushing him back to active life, even if by means of revealing the protagonist's "dark" side. The main character of "Tread on a Snake," Hiwako, also meets a shapeshifter – a snake, claiming to be her mother and inviting her to a "warm world of snakes." Because of this, the protagonist has to rethink her family history and to consider the life of people surrounding her, who have shapeshifter-snakes in their houses. In the end, Hiwako resists the final transformation and fights the snake in order to keep her own humanity. The main character of the novel "Someone" transforms seven times during the course of his life due to a genetic mutation, with each form having its own personality and being a metaphor of different stages of life cycle. Finally, the protagonist faces the necessity of consistent development, rather than abrupt changes, which earlier helped him to avoid the communicative issues with others. Thus, the protagonist manages to stop the series of shapeshifts, finding the ultimate integrity in his own being.

Keywords: Japanese literature, Kawakami Hiromi, postmodernism, women's fiction, metamorphosis, magical realism.

Author: Borkina Anastasia Yurievna, Senior Lecturer, Department of Japanology, Institute of Asian and African Studies, National Research University "Higher School of Economics" (HSE) (Saint Petersburg). Address: Russia, 190068, Saint Petersburg, Kanala Griboediva emb., 123. ORCID: 00-002-9445-1958; E-mail: an_borkina@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Borkina A.Y. (2023). Ponyat' sebya i drugogo: metamorfoza i poisk utrachennoi identichnosti v proze Kavakami Khiromi [To understand yourself and the other: Metamorphosis and the search of the lost identity in the literary works of Kawakami Hiromi]. Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia], 2023, 3, 6–16. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-6-16.

Идея метаморфозы как пластической метафоры, изображающей переходные состояния, повсеместно встречается в литературных произведениях и, в том числе, функционирует как одно из ведущих художественных средств в современной прозе. Прежде всего, важно отметить, что прием метаморфозы относится к одним из наиболее древних в человеческом мировосприятии в целом и в литературе в частности. В.В. Иванов отмечает, что метаморфоза есть отражение «существеннейших черт ранней мифопоэтической мысли» [Иванов 1994, с. 148]. Существует несколько основных видов мифологической метаморфозы – к ним относятся превращение (в частности, оборотничество), смерть, метемпсихоз – переселение душ. Метаморфоза в такой парадигме становится, в первую очередь, средством преодоления границ между мирами – сакральным и обыденным – и достижением некоторого равновесия между ними. С другой стороны, М.М. Бахтин, например, говоря о литературных формах прошлого, выделяет метаморфозу как вариант представления жизненного пути героя в авантюрно-бытовом

хронотопе, часто сопряженного с реальным путем его странствований и имеющего в финале перерождение героя в результате череды не похожих друг на друга образов или форм одного и того же в изолированных отрезках времени [Бахтин 1975, с. 271]. Таким образом, возникает тип изображения человеческой жизни в ее основных, переломных, кризисных моментах; приобретающая «частный, изолированный и магический» [Бахтин 1975, с. 265] характер метаморфоза становится методом, позволяющим наглядно продемонстрировать, как именно человек становится другим.

В постмодернистской прозе обращение к мотиву метаморфозы происходит чаще всего в рамках жанра научной фантастики, а также метода магического реализма, имеющего чрезвычайно широкое хождение, в том числе, в современной японской литературе. Современные авторы в своих работах часто используют мифологическую метаморфозу как символ кризиса человеческой идентичности. Метаморфоза в таких произведениях характеризует многомерность, противоречивость внешнего и внутреннего пространства героя и поиск им подлинной реальности, а также себя в ней. Ярким представителем такого подхода является и писательница Каваками Хироми 川上弘美 (р. 1958), в своих работах нередко прибегающая к магическим образам из традиционной японской и общемировой мифологии и фольклора, которые она вписывает в совершенно будничные, тривиальные декорации. Ниже будут рассмотрены три произведения Каваками, разных по форме (короткий рассказ, новелла и роман), но сходных по принципу выстраивания сюжета и репрезентации проблематики с помощью ведущего мотива метаморфозы.

«Хокусай»: метаморфоза как освобождение от обыденности

Первое из анализируемых произведений – рассказ «Хокусай» 北斎, опубликованный впервые в составе сборника «Дворец морского царя» (яп. 龍宮, Рю:гу:) в 2002 г. Главный герой рассказа, неназванный молодой человек (что, в целом, нетипично для творчества Каваками, которая обычно ведет повествование от лица лирической героини), в ветреные дни регулярно посещает пустынное морское побережье. Однообразные виды нагоняют на него тоску – «одна волна неотвратимо похожа на другую, и время словно останавливается, кажется, будто я заперт в этом отрезке времени, где и влачу свое жалкое существование» [Kawakami 2005, р. 12]. Существование у героя действительно непримечательное – в течение долгого времени он испытывал проблемы с работой, что, в конечном итоге, закончилось увольнением; проживал до последнего момента в полном одиночестве, так что, по собственному замечанию, «уже и двух слов в разговоре связать не мог» [Kawakami 2005, р. 13]. Однажды в беспросветную тривиальность существования героя вторгается нечто экстраординарное – на берегу он встречает мужчину, который затем за выпивкой в баре рассказывает, что он на самом деле – знаменитый осьминог с гравюры японского художника Кацусика Хокусай 葛飾北斎 (1760–1849). Речь здесь идет об известной гравюре «Сон жены рыбака» (яп. 蛸と海女, «Тако то ама», букв. «Осьминог и ныряльщица», 1814) в жанре *сюнга* 春画. По одной из версий, на гравюре изображена героиня японских легенд Таматори-химэ 玉取姫, ныряльщица за жемчугом, ставшая женой аристократа Фудзивара-но Фухито 藤原不比等 (659–720). Таматори помогает мужу в нелегком деле возвращения чудесной жемчужины, украденной у рода Фудзивара морским царем – драконом Рю:дзин 竜神. Она пробирается в подводный дворец и, пока дракон спит, похищает драгоценность, но морские чудовища-стражи замечают ее и отправляются в погоню. Чтобы спрятать жемчужину, она разрезает себе грудь и скрывается в окрашенной потоком крови воде, а затем, уже вернувшись на поверхность, умирает от полученных ран. Впоследствии этот сюжет был несколько переосмыслен – погоня морских обитателей

за Таматори стала восприниматься в сексуализированном ключе. Это нашло свое отражение, в том числе, и на гравюре Хокусай.

Мужчина-осьминог рассказывает главному герою свою историю. Оказывается, что однажды его выловили рыбаки, но ему удалось вырваться и, прямо в ловушке, в которую его поймали, его прибило к берегу. Осьминог, когда-то слышавший, что люди на суше выращивают вкусный батат, решил проверить, так ли это на самом деле (по легенде, батат – любимая еда осьминогов, ради которой в лунные ночи они выползают на поля; их часто иносказательно называют *имо-доробо*: 芋泥棒 – «похитители батата»). На поле он встречает привлекательную женщину, отмечая, что «женщины – существа простые. Ах, было бы у них только побольше ног...» [Kawakami 2005, p. 19]), и, восплавав страстью, преследует ее. После этого осьминог решает принять человеческое обличье – так жить в мире людей гораздо проще, учитывая, что привлекают его самые банальные, плотские удовольствия. В то же время его первая женщина оставляет его и заводит нового любовника, осьминог же становится всеобщим посмешищем.

«И тогда я заплакал. А ведь, когда я был осьминогом, такого со мной не случилось ни разу. Но люди – они такие создания, проживают свою жизнь, проливая над ней слезы» [Kawakami 2005, p. 24].

Тогда осьминог начинает вести двойную жизнь – ночью в людском обличье поедает батат на полях, а днем в своем исконном теле погружается в воду. Непреодолимая страсть к земным женщинам вновь влечет его на поверхность; он находит новую страсть, а также открывает свое дело – начинает выращивать и продавать разных животных и насекомых. Вскоре, однако, возлюбленная опять покидает его, сбегав с деньгами; дело его прогорает, а сам осьминог окончательно решает вернуться в море.

Загадочный мужчина-осьминог и рассказчик переходят из одной прибрежной забегаловки в другую, история похождения осьминога шаг за шагом приоткрывается и, в конце концов, он предлагает герою «пойти поразвлечься с женщинами». Осьминог увлекает рассказчика в узкий проулок за станцией, по которому можно сократить путь к вокзалу, – и персонажи принимаются следить за женщинами, проходящими по этой дорожке. Наконец, осьминог останавливается на одной, и герои отправляются за ней. Погоня приводит их на место первой встречи – морское побережье. Здесь осьминог заканчивает рассказывать свою историю, начатую ранее. Оказывается, что в тот момент, когда он остался в полном одиночестве, вернуться к прежней жизни он так и не смог – слишком «человеческим» стали его существование и чувства: «пролитая вода в миску не вернется» [Kawakami 2005, p. 32]. Однако теперь ему это, наконец, удастся, и он покидает человеческий мир, оказавшийся таким «изменчивым». Рассказчик же в одиночестве отправляется домой.

С одной стороны, в рассказе «Хокусай» представлена типичная для Каваками проблема сосуществования и взаимоотношений с «другими видами» *ируй 異類*. Как и во многих других произведениях писательницы, магистральным становится мотив разрушения антропоцентричного мифа и признания человека неотъемлемой (но не центральной) частью окружающего мира, а также мотив многообразия и текучести возможных форм жизни в этом мире [Kubiak 2018, p. 91]. При этом в характерной для литературы постмодернизма манере традиционные фольклорные представления о взаимодействии с «другими видами» переворачиваются – так, говоря о сюжете «Хокусай», нужно отметить, что, если в древности сожительство с подобными существами должно было приносить богатство и счастье, то в случае с осьминогом из рассказа все обернулось для него, его женщин и протагониста с точностью до наоборот.

С другой стороны, на протяжении всего рассказа подчеркивается одновременно потерянности, лиминальности, неопределенности положения самого рассказчика, а также соответствующая ей пластичность, неустойчивость оборотня-осьминога.

«Все его тело было словно каким-то **обмякшим**. Может, это потому, что он напился? Все возможно, да только все-таки было в нем что-то **странное**... Руки его как будто то становились длиннее, то короче; голова то казалась округлой, то угловатой» [Kawakami 2005, p. 16].

Зеркальным отражением становится история осьминога, оказавшегося в конечном итоге в полном одиночестве, оторванным от своей реальности – так же и главный герой словно существует в «утраченном времени», неправильном ходе миропорядка, так свойственном мифологической реальности подводного мира («дворца Морского царя»), откуда происходит осьминог. В финале рассказа, когда осьминог ведет протагониста в темный переулок, тот первоначально испытывает некоторое отвращение, но затем все больше втягивается в развлечение – «выставление оценок» проходящим мимо женщинам. Коммуницируя с оборотнем – пограничной, текучей сущностью, функционирующей в архаической парадигме «взаимооборачиваемости» различных элементов действительности [Неклюдов 1994, с. 235], рассказчик открывает в себе новую сторону, темную по меркам общепринятой морали, но для него совершенно естественную. Мир его снова приходит в движение, пусть и в несколько мрачной, извращенной форме – люди вокруг и, прежде всего, женщины, видятся ему теперь лишь телами, объектами, способными измениться в одно мгновение. Наконец, в финале протагонист, поднимающийся по лестнице с пляжа, сам начинает ощущать «мягкость, текучесть собственного тела» – познав через оборотня иной тип существования, герой переходит в новую реальность, где обретает всю полноту собственной личности. Характер этой метаморфозы, ко всему прочему, носит несколько гротескный, шизофренический характер, что характерно для постмодернистского ироничного восприятия действительности в целом.

«Наступить на змею»: метаморфоза как средство обретения утраченной «персональной истории»

В центре повествования новеллы «Наступить на змею» (яп. 蛇を踏む, «Хэби-о фуму», 1996), удостоенной в 1996 г. престижной литературной премии имени Акутагава Рюноскэ (вручается начинающим литераторам, работающим в области так называемой чистой литературы *дзюнбунгаку* 純文学) – молодая женщина по имени Хивако ヒワ子; раньше она была учителем естествознания (как и сама Каваками Хироми) в школе для девочек, а теперь работает в лавке, торгующей четками, при буддийском храме. Лавку содержит семейная чета: муж, господин Косуга コスガ, занимается закупками и контактами с храмом, а его жена Нисико ニシ子 изготавливает четки. Однажды вечером по дороге домой в парке Хивако случайно наступает на змею, которая неожиданно отвечает протагонистке человеческим голосом: «Ну, коли наступила, тогда всему конец... Наступила, так что ничего уже не поделаешь» [Kawakami 2003, p. 10]. Затем змея превращается в женщину лет пятидесяти и отправляется в сторону дома протагонистки. Хивако рассказывает об этом случае на работе, и один из буддийских монахов, посещающих их лавку, отмечает, что в последнее время возле храма появилось множество змей, согнанных с прежнего места обитания. Вернувшись домой в тот же вечер, Хивако обнаруживает у себя в квартире змею, принявшую человеческое обличье. Змея утверждает, что она является матерью протагонистки, хотя Хивако уверена, что ее настоящая мать жива и находится сейчас в префектуре Сидзуока. Героиня даже звонит матери, чтобы убедиться в своей правоте, при этом становится понятно, что отношения в ее семье достаточно прохладные – Хивако признается, что обычно лишь дежурно звонит родным по выходным и праздникам; она даже не может сразу вспомнить их номер телефона. На следующий день на работе Хивако получает от Косуга предупреждение насчет змеи – он просит героиню избавиться от незваной гостьи как можно быстрее. Вернувшись домой, Хивако обнаруживает женщину-змею на прежнем месте. В один из последующих дней, возвращаясь домой по тому же парку, где она

повстречала змею, Хивако вспоминает историю своего прадеда, который тоже некоторое время жил с женщиной-оборотнем, птицей, иногда принимавшей человеческий облик. Также от Косуга Хивако узнает историю еще одной змеи. Оказывается, женщина-змея проживает с Косуга и его женой, назвавшись теткой Нисико. С ее появления прошло уже много лет, и она, постарев, утратила способность превращаться в человека, однако избавиться от нее у супругов не получается, как бы они ни старались. Дома женщина-змея приглашает Хивако отправиться в другой мир: «Хивако, в мире змей так тепло...Хивако, не хочешь ли ты отправиться в мир змей?» [Kawakami 2019, p. 37]. На следующее утро в лавке Нисико показывает Хивако свою змею, упоминая также, что Косуга в последнее время ведет себя странно – все время спит, «будто бы и не человек вовсе». С каждым днем Косуга выглядит все хуже. Змея же, живущая в их семье, погибает в результате несчастного случая, в котором травмируется и Нисико. Хивако начинают мучать ночные кошмары, в которых ее квартира заполняется змеями, и сама она также постепенно начинает превращаться в змею. В один из дней Косуга и Хивако по делам лавки отправляются в храм, где настоятель рассказывает им историю о змеях. Оказывается, однажды настоятель взял себе в жены женщину-змею.

«Такие жены – лучше всех. Они заботливы. Понимают в домашних делах, и семейный бюджет ведут умело. В постели тоже им равных нет. Вспыльчивый нрав им не свойствен, а главное, они молчаливы...» [Kawakami 2019, p. 54].

Спустя некоторое время Нисико и Косуга приходят в себя, их самочувствие и настроение улучшаются. Лже-мать Хивако начинает посещать главную героиню на работе. Однажды змея заявляет Хивако, что больше не может ждать, обвивается вокруг ее горла и требует ответа на приглашение в «теплый мир змей». В квартире, где происходит действие, начинается нечто невообразимое: в воздухе летают предметы, а змея и Хивако дерутся. В конце концов комната стремительно начинает заполняться водой. Вода затапливает квартиру, парк, движется к лавке, где работает Хивако.

Представления о змеях-оборотнях в японском фольклоре весьма древние. Одна из наиболее распространенных версий подобных легенд была зафиксирована писателем Уэда Акинари 上田秋成 (1734–1809) в новелле «Распутство змеи» (яп. 蛇性の姪, «Дзясэй-но ин») из знаменитого сборника «Луна в тумане» (яп. 雨月物語, «Угэцу моногатари», 1768). Главный герой ее – молодой ученик монаха Тоёо – случайно знакомится с женщиной, госпожой Манаго, и ее служанкой и вступает с ней в любовную связь, а впоследствии женится на ней. Пройдя из-за нее через многие перипетии, Тоёо решает в конце концов оборвать порочную связь, но Манаго оказывается оборотнем-змеей и угрожает герою смертью. В итоге с ней удается справиться лишь старому настоятелю [Уэда 2022, с. 44–53]. Исследователи также отмечают в новелле Каваками отсылки к преданию о жене-змее *хэби-нё:бо*: 蛇女房 [Kawamori 2014, p. 11]. Главный герой предания встречает в горах прекрасную, но грустную женщину и берет ее себе в жены. Они готовятся к рождению ребенка, и когда приходит время, жена удаляется в отдельно стоящую хижину, предупреждая мужа, чтобы он оставил ее одну. Муж нарушает запрет и видит в хижине вместо своей супруги белую змею, обвившуюся вокруг младенца. Змея превращается обратно в женщину и навсегда покидает семью, оставив ребенку волшебную жемчужину. Жемчужину, однако, вскоре отнимает богатый господин. Змея дарит вторую драгоценность взамен первой, но ее постигает та же судьба. Оказывается, то были не простые жемчужины – это видоизмененные с помощью колдовства глаза змеи. Змея впадает в ярость и мстит обидчику своей семьи, устраивая большое наводнение, в котором гибнет господин, а его владения полностью разрушаются.

Метаморфоза в новелле может быть прочитана на нескольких уровнях. Как и в рассказе «Хокусай», имеет место проблематика сосуществования с «другими видами» и, шире, с другим миром. В ходе повествования выясняется, что змея живет не только с главной героиней – такая же ситуация складывается и в семьях многих ее знакомых; при этом соприкосновение

с таинственным происходит теперь в совершенно обыденной, тривиальной обстановке – так, героиня запускает цепь разрушительных событий просто наступив на змею в парке, в очередной раз возвращаясь с рутинной работы [Puente-Aguilera 2014, p. 78]. Метаморфоза, таким образом, становится способом радикально перевернуть застывшую в будничности реальность, поглощающую все эмоциональные и творческие порывы персонажей. Кроме того, героиня после встречи со змеей все больше начинает размышлять о собственном происхождении – она вспоминает истории, услышанные в детстве о своем дедушке. Традиционный для героинь современной японской прозы процесс самоидентификации через семейную историю – «поиск персонального мифа», как его называет Нумано Мицуёси [Нумано 2003, с. XXII], запускается и в новелле Каваками – к героине постепенно приходит осознание того, что, возможно, у них со змеей гораздо больше общего, чем ей казалось сначала. Превращение в животное, в парадигме мифа зачастую служащее средством обнаружения своей тотемной природы, принадлежности к определенной социальной группе [Мелетинский 2000, с. 355], становится для Хивако способом познать собственную «персональную историю». Немаловажным представляется и то, что в новелле трансформация связана именно с материнским образом. Как уже упоминалось, можно предположить, что отношения с настоящей матерью складывались у Хивако не лучшим образом; со змеей же, несмотря на все противодействие героини оборотню, у нее складывается особая связь. Хивако так и не решается выгнать ее из своей квартиры, напротив, она, отчужденная и одинокая, привыкает и даже с некоторой теплотой думает о заботе, которой ее окружает змея, о том, что теперь дома кто-то ее ждет.

«И тут я вспомнила о змее. С ней у меня не возникает такого чувства отчуждения, как, например, при разговоре с Косуга или Нисико – как будто с самого начала между нами есть какая-то преграда. Такая же стена возникала передо мной и когда я общалась с «современной молодежью», как их называет Косуга, будь то мои ученики или коллеги; да что уж тут говорить, даже с родственниками – с матерью, отцом, братьями, стены все равно появлялись из ниоткуда – тонкие, толстые, но они были, и разговор не клеился. **Но между мной и змеей таких стен не было**» [Kawakami 2019, p. 29].

Отметим, что, как и неназванный герой «Хокусай», героиня имеет серьезные проблемы в коммуникации с окружающими и с самой собой, что и становится во многом катализатором ее личностного кризиса. Как и осьминог в рассказе «Хокусай», змея предлагает Хивако пересечь границы ее мира и окунуться в новую, мифологичную реальность, где возможно полностью изменить себя и свою личность – отправиться в **«теплый мир змей»**. Однако для этого ей тоже предстоит пройти трансформацию – признать себя частью этого мира, дочерью змеи и змеей, к чему героиня в конечном итоге оказывается не готова. Она, хоть и осознает изменчивость реальности, пытается сохранить внутреннюю целостность, «остаться человеком», тогда как к изменению ее подталкивает именно коммуникация с окружающими людьми [Reznik 2011, p. 42]. Чувства другого так и остаются для Хивако непознаваемыми, а пределы ее физического тела незыблемыми, хотя в финале она и приближается к собственной метаморфозе на максимально близкое расстояние. Когда в очередной раз героиня отказывается отправиться с лже-матерью в «теплый мир змей», между ними начинается сражение, в ходе которого Хивако вдруг осознает, что «эта битва между нами длится уже многие сотни лет». И хотя героиня внутри себя по-прежнему верна своим убеждениям, заявляя, что «никакого мира змей и вовсе не существует», а есть лишь чистая бытийность здесь и сейчас, некоторая трансформация все же происходит – героиня и змея, сжимая друг друга за шею в смертельной схватке посреди наводнения, сливаются в единое целое, превращаются в некое подобие мифического уробороса – свернувшегося в кольцо змея, архетип вечного цикла жизни, чередования созидания и разрушения, борьбы внешнего и внутреннего, рационального и деструктивного начал.

«Некий»: метаморфоза как способ существования в изменчивом мире

Если предыдущие два произведения Каваками во многих аспектах близки между собой и рассматривают метаморфозу в схожих мифологических рамках, то роман «Некий» (яп. 某, «Бо:», 2019), в котором идея самоидентификации через череду трансформаций достигает в некотором роде апогея, несколько отличается по своему исполнению. Это, скорее, «новый миф» в биологическом, рационализированном духе, характерном для творчества Каваками. В центре сюжета «Некого» – загадочное существо, которое из-за некоторой генетической мутации на протяжении своей жизни несколько раз перерождается, каждый раз в новую личность, при этом сохраняя воспоминания о предыдущих своих воплощениях. Всего таких вариантов перевоплощения семь – девочка-школьница Нива Харука 丹羽ハルカ, старшеклассник Нода Харуми 野田春眠, молодой мужчина Яманака Фумио 山中文夫, девушка Мари マリ, молодая женщина Рамона ラモーナ, взрослый мужчина Катаяма Фуюки 片山冬樹 и маленькая девочка Хикари ひかり. Воплощения отличаются по возрасту, полу, национальности, характеру, профессиональной принадлежности; каждое проживает собственные, уникальные отрезки жизни, соединенные магистральным мотивом текучести тела и окружающего пространства, а также поиска своего места в подобной изменчивой действительности.

Процесс метемпсихоза – одного из вариантов мифологической метаморфозы – изначально определяется как «лечение»: существо, впервые осознающее себя именно в больнице, направляется врачом, исследующим подобные аномалии, на «поиски собственной личности». Каждое из перерождений встречается со вполне определенным спектром ситуаций и жизненных проблем. Например, Харука сталкивается с травлей в школе, там же впервые познает дружбу и уже на этом, самом раннем этапе осознает противоречивость своего бытия – необходимость «исполнять некоторую роль, словно на сцене». Период Харуми символизирует первые шаги в осознании своей сексуальности, попытки завести первые отношения. Яманака Фумио – период вступления во взрослую жизнь, первая серьезная работа, более глубокие, взвешенные отношения. Мари знаменует время бунтарства, когда впервые существо вырывается из-под контроля врачей, ведущих за ним наблюдение, убегает из больницы и начинает полностью самостоятельную жизнь. В период Мари случается вторая серьезная влюбленность из трех, что будут иметь место в романе (первая – Фумио и Рика, которая оказывается как две капли воды похожа на Харуми – начальное воплощение существа). Также в образе Мари существо знакомится с еще одной героиней, которая сыграет в его судьбе важную роль. Однажды коллега Мари по работе хостесс предлагает ей подработку у некой госпожи Камэяма, которая «торгует историями». На самом деле она содержит гадательный салон, но люди, которые к ней приходят, непременно рассказывают интересные истории, информацию из которых Камэяма по возможности и реализует. Именно после встречи с ней Мари начинает осознавать, что у нее, вечно изменчивого, текучего существа, «не являющегося никем», нет и никогда не будет собственного цельного нарратива:

«У всех людей есть своя история, – говорит госпожа Камэяма. – Хотя интересных среди них, конечно, не так много. А ты, Мари? У тебя что-нибудь есть? У меня ничего не было. Внутри я была пуста. Если как следует поискать, то во мне была от силы одна десятая кого-то, кого можно было считать мной. Все остальное – лишь пустота» [Kawakami 2019, p. 129].

После шестнадцати лет жизни с Нао, ее возлюбленным, Мари приходится впервые познать и смерть, после чего она перерождается в Рамону и переезжает в Канаду, полностью сменив образ жизни, круг общения и даже язык: Рамона – носитель английского. Рамона поселяется в общежитии, где у нее завязываются взаимоотношения с некоторыми его обитателями. Каждый из них – со своей персональной историей, но всех их объединяет одиночество и оторванность от корней, что роднит с ними Рамону, не имеющую не только

семьи, но и собственной идентичности. В Канаде Рамона знакомится с японским мальчиком по имени Наото (Нао) – его зовут так же, как и умершего возлюбленного Мари. В какой-то момент они начинают вместе снимать квартиру, затем с ними поселяется еще одна японка – Кагава. Позже выясняется, что Кагава находится в затяжной депрессии, от которой пыталась сбежать, переехав из Японии в Канаду, но это не помогло. В конце концов Кагава пытается совершить самоубийство, но ей не удается довести дело до конца. Рамона долгое время остается рядом с ней, помогая справиться с психологическими проблемами. Тогда же Рамона осознает себя как эмпата, при этом ее сопереживание чувствам Кагава чрезвычайно гиперболизировано – она буквально ощущает физическую боль при ухудшении настроения подруги. Чувство сопереживания Рамона испытывает впервые в жизни, для предыдущих воплощений подобное было не характерно.

Позднее Рамона возвращается в Японию, где узнает, что помимо нее есть еще некоторое количество существ с подобной генетической аномалией. Вскоре ее находит один из них, мужчина по фамилии Цуда. Цуда знакомит Рамону с еще одной парой их братьев – Альфой и Сигмой, которые живут вместе.

«“Семья – это когда вы постепенно изменяетесь вместе”, – немного подумав, сказал Цуда» [Kawakami 2019, p. 211].

Все они начинают общаться регулярно. Затем Рамона перевоплощается в сорокалетнего японца Катаяма Фуюки. Внезапно Катаяма пробуждается со смутным воспоминанием о том, что однажды кого-то убил. Катаяма продолжает контактировать с Цудой, Сигмой и Альфой. Сигма и Альфа женятся и хотят завести ребенка. После многочисленных сомнений и попыток Сигма внезапно раздваивается – одна ее версия хочет ребенка, а другая – категорически против. Жить в таком пограничном состоянии становится для нее невозможно и в конце концов семья приходит к необходимости убить одну из половин. Тогда же Катаяма Фуюки наконец вспоминает, кого убил – он, как и Сигма, перевоплотившись из Рамоны в новое тело, раздвоился и уничтожил «второго себя».

«Без всякого промедления убить нового себя. Или, быть может, убит окажется тот самый, прежний я? Неважно. Ведь, в конце концов, **я – это просто я**» [Kawakami 2019, p. 272].

После этого Катаяма переходит в свое последнее воплощение – девочку Хикари. Теперь он живет в семье Сигмы и Альфы и воспитывается вместе с их сыном – Минори. Минори удивительным образом рождается обычным человеком – он ни разу не перевоплощается. Хикари, влюбленная в него, также много лет удерживает себя от превращения и проходит обычный путь взросления человека. Вместе с Минори Хикари вновь сталкивается с вопросами, встававшими перед ней уже в предыдущих воплощениях, – о любви, смерти, семье и собственном я, однако переживает она их уже не в прежней, отстраненной манере, но живо и эмоционально, поскольку теперь они касаются ее непосредственно – она постепенно утрачивает способность превращаться и понимает, что «**жить – это ежедневно, ежечасно изменяться**» [Kawakami 2019, p. 304]. Возвращается в новом обличье Цуда и предупреждает Хикари об опасности – появляются люди, которые знают их секрет и охотятся на них, чтобы убить. Через некоторое время такой человек находит Хикари и Минори и ранит ножом Хикари, которая пытается защитить возлюбленного. Минори уговаривает истекающую кровью Хикари перевоплотиться для спасения, но она отказывается. «Я больше не никто. Я стала Хикари» [Kawakami 2019, p. 358]. После смерти Хикари Минори впервые перевоплощается в девушку, как две капли воды похожую на погибшую возлюбленную.

Перевоплощения в «Неком» представляют собой вариацию на тему метемпсихоза, но в более «японском» ее воплощении – буддийском бесконечном круге перерождений (сансаре) и карме, определяющей то, в каком образе произойдет следующее перерождение. Имеются в романе и отголоски представлений о кармических связях некоторых людей

в разных перевоплощениях – так, Фумио влюбляется в девушку, похожую на Харука, Минори перерождается в точную копию Хикари и т.д. Впрочем, едва ли эту цепочку перевоплощений стоит прочитывать буквально – скорее, здесь речь идет о разных этапах жизненного пути одной личности, которые становятся буквально пластической метафорой, раз за разом обретая новое рождение. Каждая из личностей проходит собственный отрезок пути и встречается с проблемами, с ним связанными, чтобы в конечном итоге отойти от череды превращений (каждое из которых позволяло сбежать от себя прошлого и ни с кем не устанавливало прочной связи) к настоящему росту и развитию, к интеграции себя во взаимоотношения и в мир в целом, наконец обретая подлинную идентичность. Интересно в этом контексте отметить и феномен гендерной метаморфозы, имеющий место в «Неком» и соотносимый, например, с романом Вирджинии Вулф «Орландо», в котором главный герой, существующий на протяжении трехсот пятидесяти лет, проживает одну половину своей жизни мужчиной, а вторую – женщиной. Персонажи «Некого» еще более свободно, нежели в «Орландо», переходят от одного облика к другому и заводят между собой порой странные взаимоотношения, что коррелирует с популярной в современной прозе и в творчестве Каваками Хироми в частности идеей изменчивости человеческой сексуальности, деконструкции строгих рамок бинарной оппозиции маскулинного и феминного и утверждения вместо нее целого спектра возможных комбинаций. В финале Хикари проходит и последнюю метаморфозу – достигая полноты в самой себе, она умирает, таким образом, навечно останавливая свой цикл перерождений и оставляя после себя лишь пустоту, преодолевать которую теперь предстоит другому герою – Минори, также вступающему на путь изменений.

Таким образом окончательно утверждается особое мировосприятие повсеместной изменчивости, неустойчивости идентичности в современной реальности, всеобщий протеизм – вечное взаимопревращение всего сущего, осознающего себя одновременно в младенческом и архаичном состояниях. Метаморфоза же становится одновременно пластическим воплощением подобного состояния, равно как и средством существования в изменяющейся реальности. Переход из одного состояния в другое позволяет пересечь границы миров и приблизиться к далекому другому, подверженному иной трансформации, преодолеть отчужденность и холодность, так или иначе закрепившись в потоке меняющегося окружающего пространства. Установление таких связей позволяет героям Каваками, наконец, выстроить коммуникацию и с самими собой, обретя утраченную идентичность и вновь определить свое место в универсуме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература. 1975. С. 234–408.
- Иванов В.В.* Метаморфозы // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Т. 2: К–Я // под ред. С.А. Токарева. Москва: «Российская энциклопедия» 1994. С. 147–149.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2000.
- Неклюдов С.Ю.* Оборотничество // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Т. 2: К – Я. // под ред. С.А. Токарева. Москва: «Российская энциклопедия». 1994. С. 234–235.
- Нумано Мицуюси.* От литературы «J» к литературе «W». Некоторые тенденции современной японской литературы // Теория катастроф. Современная японская проза / пер. с яп. А.Н. Мещерякова. Москва: Иностранка. 2003. С. VII–XXIV.
- Уэда Акинари.* Распутство змеи // *Уэда Акинари.* Луна в тумане. Жуткие японские рассказы / пер. с яп. А.Н. Стругацкого, З. Рахима, В.Н. Марковой. Москва: «Родина». 2022. С. 44–53.

REFERENCES

- Bakhtin, M.M. (1975). *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* [The Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. In Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [The Questions of Literature and Aesthetics. The Studies over the Years] (pp. 234–408). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Ivanov, V.V. (1994). *Metamorfozy* [Metamorphosis]. In S.A. Tokarev (ed.), *Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2 t. T. 2: K–YA* [Myths of the World's People. Encyclopedia in 2 Volumes. V. 2: K–YA] (pp. 147–149). Moscow: Rossiiskaya entsiklopediya. (In Russian).
- Meletinskii, E.M. (2000). *Poetika mifa* [The Poetics of the Myth]. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN. (In Russian).
- Neklyudov, S.Yu. (1994). *Oborotnichestvo* [Shapeshifting]. S.A. Tokarev (ed.), *Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2 t. T. 2: K–YA* [Myths of the World's People. Encyclopedia in 2 Volumes. V. 2: K–YA] (pp. 147–149). Moscow: Rossiiskaya entsiklopediya. (In Russian).
- Numano, M. (2003). *Ot literatury "J" k literature "W". Nekotorye tendentsii sovremennoi yaponskoi literatury* [From Literature "J" to Literature "W". Some Tendencies of Contemporary Japanese Literature]. In *Teoriya katastrof. Sovremennaya yaponskaya proza* [The Theory of Catastrophes. Contemporary Japanese Fiction] (pp. VII–XXIV). Moscow: Inostranka. (In Russian).
- Ueda, A. (2022). *Rasputstvo zmei* [Lust of the White Serpent]. In Ueda Akinari, *Luna v tumane* [Tales of Rain and the Moon] (pp. 44–53). Moscow: Rodina. (In Russian).

* * *

- Kawakami, H. (2003). *Hebi-wo fumu* [Tread on a Snake]. In Kawakami Hiromi, *Hebi-wo fumu* [Tread on a Snake] (pp. 7–65). Tokyo: Bungei shunjū. (In Japanese).
- Kawakami, H. (2005). *Hokusai*. In Kawakami Hiromi, *Ryūgū* [The Palace of the Dragon King] (pp. 11–34). Tokyo: Bungei shunjū. (In Japanese).
- Kawakami, H. (2019). *Bō* [Someone]. Tokyo: Bungei shunjū. (In Japanese).
- Kawamori, H. (2014). *Kawakami Hiromi sakuhin-wo setsuwa kara ronjiru – "Hokusai", "Ryūgū", "Hebi-wo fumu"* [Studying the works of Kawakami Hiromi through setsuwa – "Hokusai", "The Palace of the Dragon King", "Tread on a Snake"]. *Gesuto hausu* [Guest House], 6, 8–13. (In Japanese).
- Kubiak Ho-Chi, B. (2018). *When Your Neighbor Is a Bear, Your Fiancé – a Dog, and Your Lover – a Tuna. About Human-Nonhuman Encounters in the Works of Kawakami Hiromi, Shōno Yoriko and Tawada Yōko. A Critical Posthuman Perspective. Analecta Nipponica. Journal of Polish Association for Japanese Studies*, 8, 83–96.
- Puente-Aguilera, A.D. (2014). *Translating Hiromi Kawakami's "Tread on a Snake"*. Austin: University of Texas.
- Reznik, K. (2011). *"Hebi onna"-wo seitōka suru shohōhō. Kawakami Hiromi-no "Hebi-wo fumu" to Izumi Kyōka-no "Kōya hijiri" to no hikaku bunseki* [How to Justify a Snake-Woman: A Comparative Study of "Tread on a Snake" by Kawakami Hiromi and "The Holy Man of Mount Koya" by Izumi Kyōka]. *Bungaku kenkyū ronshū* [Literature studies collection], 29, 29–45. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 13.03.2023

Received: 13 March 2023

Принята к публикации: 11.07.2023

Accepted: 11 July 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-17-33

Истоки архаической японской поэзии: «длинная песнь» (*нагаута* / *тё:ка*)

А.В. Суслов

Аннотация. Представленная статья посвящена, с одной стороны, общей проблеме литературного процесса в архаическом обществе на примере генезиса поэзии *вака*, с другой стороны, непосредственно архаичности так называемой «длинной песни» (*нагаута* или *тё:ка*). Ставится вопрос, каким образом происходит трансформация примитивной доэстетической песни в архаическую поэзию. Характеризуя возможные способы происхождения примитивной песни, автор, соглашаясь с принципом аккумуляции стихотворных строк Боура – Кониси, отмечает необходимость более комплексного понимания архаического периода японской (яматоской) литературы. Утверждая необходимость отличать примитивную песню от архаической, автор оперирует понятием развитого «эстетического чувства» в качестве необходимого критерия для трансформации основанной на параллелизме примитивной песни. В отличие от примитивной песни, исполнявшей исключительно утилитарную функцию, архаическая поэзия стала удовлетворять эстетические потребности древнего человека, а не только ритуальные. Помимо этого, в статье рассматривается роль письменности как необходимое условие для отмирания примитивной песни и формирования канона. Кроме того, в тексте представлена критическая характеристика основного корпуса архаической поэзии, включающей в себя и относительно немногочисленную «длинную песню». Основываясь на выборочном анализе представленных литературных текстов (поэтические фрагменты из *Кодзики*, *Нихон сёки*, *Манъё:сю*., а также *Нанивадза-ута*, найденная на деревянных табличках *моккан*), автор приводит классификацию периодизацию «длинной песни», раскрывающую генезис архаической формы *нагаута/тё:ка* (повествовательную хроникальную речевыделительную «длинную песню», неповествовательную неэпическую «длинную песню» и авторскую «длинную песню» с развитой системой образности). Обращая особое внимание на хроникальную «длинную песню», ее структурную неоднородность, автор выдвигает следующую гипотезу ее генезиса, противоположную аккумуляционному принципу Боура – Кониси: «длинная песнь» является продуктом не аккумуляции примитивных коротких поэтических строк, а результатом редукции (усечения) длинной эпической формы примитивной песни до классической формы «длинной песни». Предел редукции обосновывается эстетической «емкостью» поэтической формы в переходный период бесписьменного способа стихосложения.

Ключевые слова: *нагаута* / *тё:ка* («длинная песня»), архаическая поэзия, неписьменная культура, литературный канон, редукция, литературный процесс.

Автор: Суслов Артем Вячеславович, аспирант факультета гуманитарных наук, Университет Хоккайдо (адрес: 060-0810, Япония, Хоккайдо, г. Саппоро, Кита-ку, Кита-10, Ниси-7-тё:мэ). ORCID 0000-0003-0907-4607; Email: artemsuslow@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Суслов А.В. Истоки архаической японской поэзии: «длинная песнь» (*нагаута* / *тё:ка*) // Японские исследования. 2023. № 3. С. 17–33. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-17-33.

Origins of Japanese archaic poetry: Japanese long song (*nagauta* / *chōka*)

A.V. Suslov

Abstract. The presented article is devoted, on the one hand, to the general problem of the literary process in an archaic society on the example of the genesis of *waka* poetry; on the other hand, it directly refers to the archaism of the so-called long song (*nagauta* or *chōka*). The article raises the question of the transformation of that pre-aesthetic primitive song into archaic poetry. Describing the possible ways of genesis of the primitive song, the author, agreeing with the principle of accumulation of poetic lines, proposed by Bowra-Konishi, notes the need for a deeper comprehension of the Archaic period of Japanese (Yamato) literature. Stating the necessity to distinguish a primitive song from an archaic one, the author operates with the concept of a developed “aesthetic feeling” as a necessary criterion for the transformation of the primitive song, based on parallelism. Unlike primitive poetry, which performed merely the utilitarian function, archaic poetry started to meet not only ritual, but also aesthetic needs of an ancient human. In addition, the article examines the role of writing as a necessary condition for the death of primitive song and the formation of the canon. In addition, the text presents a critical characteristic of the main body of archaic poetry, including long songs, which are relatively few in number. Based on a sample analysis of the presented texts (poetic fragments from *Kojiki*, *Nihonshoki*, long songs from *Man'yōshū* and *Naniwaza-uta* from *mokkan* tablets), the author provides a classification-periodization of the genesis of the archaic form of *nagauta/chōka* (a narrative chronicle speech-stressing long song, a non-narrative non-epic long song, and a long song created by a specific author and having a developed system of imagery. Emphasizing the chronicles’ long song, its structural heterogeneity, the author builds a hypothesis of its genesis opposite to the accumulative principle of Bowra-Konishi, consisting in the principle of reductionism from the long epic form of a primitive song. The limit of this reduction is justified by the aesthetic “capacity” of the poetic form in the transitional period of the non-written method of versification.

Keywords: *nagauta* (long song), archaic poetry, non-book culture, literary canon, reductionism, literary process.

Author: Suslov A.V., PhD student at the Faculty of Humanities and Human Sciences, Hokkaido University (address: 060-0810, Japan, Sapporo, Kita-ku, Kita-10, Nishi-7-chōme). ORCID 0000-0003-0907-4607; Email: artemsuslow@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Suslov, A.V. (2023). Istoki arkhaishego yaponskogo poezii: «dlinnaya pesn'» (*nagauta* / *chōka*) [Origins of Japanese archaic poetry: Japanese long song (*nagauta* / *chōka*)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 3, 17–33. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-17-33.

Введение

Существуют самые разнообразные взгляды на происхождение японской национальной поэтической традиции: от традиционных до весьма неконвенциональных. Наиболее ранний и первый методологически научный подход предложила так называемая Школа национальной науки (*кокугаку*)¹, который и стал общепринятым. Ее представители, начиная с выдающегося филолога Мотоори Норинага (1730–1801), полагаясь на традиционный историко-филологический комментарий, не ограничились вкладом в создание традиционного научного

¹ *Кокугаку* возникла в эпоху Эдо (1603–1868) как ответ на доминирование неоконфуцианства чжусианского толка в политике сёгуната. Борясь с засильем буддизма и китайского конфуцианства в общественной жизни страны, мыслители *кокугаку* предлагали обратиться к тому, что делает японцев японцами: их древней истории, литературе, религии.

аппарата – глоссария японской поэтики. Камо Мабути, Мотоори Норинага, Кадо Адзумамамаро начали дискуссию о примате поэзии, написанной на родном языке (*вака*), над китайязычной (*канси*). Как результат – основополагающее и поныне мнение, что японская поэзия, древняя как сама страна Ямато, начинается с антологии «Собрание мириад листьев» (*Манъё:сю*., VIII в.) и несет в себе сакральное начало магии слов (*котодама*, букв. «душа слова»), что является прямым наследием мысли Школы национальной науки.

Однако в свете находок исторической поэтики, устно-формульной теории Пэрри – Лорда² и структурализма могут быть сформулированы более неоднозначные проблемы. Например: как протекает эволюционный переход от примитивных стихов к более сложным? Почему архаическая поэзия, несущая в себе отпечаток языческого мировоззрения, является довольно светской? И почему эпические поэтические сказания о деяниях богов полностью отсутствуют, как и жанр эпоса в целом, хотя, в частности, они имеются в *юкарах* народа айну, так или иначе связанного с восточными варварами *эмиси* (*эбису*), с которыми еще древние японцы имели тесные контакты? Настоящая статья не имеет возможности рассмотреть всю японскую архаическую поэзию, поэтому ограничивается исключительно формой «длинной песни» (*нагаута* или *тё:ка*), которая, будучи рудиментарной линией поэзии *вака*, представляется нам наиболее близкой к архаической поэзии. Ведя свое происхождение от устной традиции, она может пролить свет на пред-древнюю поэзию, то есть ту, что послужила источником для первых поэтических антологий на японском языке. Ограничившись исключительно этой поэтической формой, мы выдвигаем гипотезу, что архаическая поэзия развивалась не путем аккумуляции строк в стихотворном тексте (как полагает М. Боура, речь о котором пойдет ниже), а путем редукции, или усечения, фрагментации, более длинных стихотворных по форме, но непозитических текстов.

Архаика и классика в японской поэзии

Основоположник британской японистики У. Астон (1841–1911) в своей «Истории японской литературы» (1899 г.) сделал попытку выделить архаический период в истории японской литературы [Aston 1899]. Анализируя поэтический материал из доступных для него текстов «Записей о деяниях древности» (*Кодзика*, VIII в.), «Анналов Японии» (*Нихон сёки*, VIII в.) и синтоистских молитвословий *норито*, он ограничивает этот литературный период 700 г. н.э. [Aston 1899, p. 3]. В качестве примера одного из самых древних – а следовательно, архаических, – стихотворных текстов Астон приводит «Песню императорских стражей», упоминая еще несколько стихотворений, характеризующихся им как «примитивные» по форме и стилю [Aston 1899, p. 7]³. Неудивительно, что Астон, воспитанный на античной литературе, экстраполирует на японский материал этот термин, восходящий к той схеме литературного процесса, которая доминировала в теории литературы и культуры конца XIX в. Таким образом, у Астона японская архаика поставлена в прямое соответствие с архаикой греческой. Хотя в японской литературе никогда не было своего Гомера, для Астона было важно не

² М. Пэрри (1902–1935) и А. Лорд (1912–1991) на материале балканского фольклора пришли к выводу, что составление эпических текстов древности отличалось от современного процесса создания литературного произведения. Они пришли к выводу, что древний поэт оперировал готовыми структурами или формулами и не сочинял, а «собирал» эпос из этих блоков. Таким же образом без письменной фиксации эпос воспроизводился сказителями, которые заучивали не тексты, а порядок формул [Лорд 1994].

³ Странно, что У. Астон некритично полагает, будто стихи императора Одзин датированы 282 г. н.э. Тем не менее в главе об архаической поэзии он полностью игнорирует материалы *Манъё:сю*., которые, по его мнению, относятся к классическому, а не архаическому периоду, даже если первые книги антологии и содержат стихи, датированные выделенным им архаическим периодом.

только подчеркнуть устный характер архаической поэзии, но и найти истоки «поэтического темперамента в его высшем совершенстве» [Aston 1899, p. 8].

Несколькими десятилетиями позже патриарх японской филологии Кониси Дзинъити критически переосмыслил концепт японской архаики, дав более точную периодизацию японской литературы. Он отвергает упрощенное деление японской литературы на древнюю, средневековую и современную, а также периодизацию, основанную на переменах в социально-политической структуре японского общества (раннее Средневековье *тё:ко*, высокое Средневековье *тё:сэй*, позднее Средневековье или Новейшая эпоха *кинсэй*) [Konishi 1984, p. 52]. Его альтернативная периодизация зиждется на критериях, близких к исторической поэтике, что, в интерпретации Кониси Дзинъити, означает возможность положить в основу периодизации процесс отграничения поэзии от ритуальных религиозных песен и иных «дискурсивных» областей, таких как история, политика и т.д. Исследователь выделяет четыре стадии в развитии японской (яматоской) литературы: архаическую, древнюю, средневековую и современную [Konishi 1984, p. 57]. Для него архаика характеризуется тем, что «существует только коренная японская культура; литература, история, политика, религия не отделимы друг от друга» [Konishi 1984]. Однако в древнюю эпоху «примитивные элементы сохраняются, а изменения происходят во время рецепции китайской культуры», в пору, когда появляются различия между литературными жанрами и остальными дискурсивными областями [Konishi 1984]. Таким образом, «архаический период» для Кониси – это не механический перенос термина европейской теории, а понятие, основанное на текстовых и археологических источниках.

В этой единой, неразделенной на дискурсивные сферы среде первые утилитарные по назначению строки ритуальной поэзии – вернее будет назвать их песнями – существуют по схеме М. Боуры⁴. Во-первых, молясь или трудясь, человек составляет одну звуко- или мелодико-подражательную строку, лишенную всякой референции. Затем эта единственная строка начинает повторяться и усложняться, приобретая смысл, отличный от звукоподражания. Третий этап представляет собой аккумуляцию уже осмысленных стихотворных строк в строфу, основанную на рефрене. Затем строфы, оформляясь в более совершенную взаимосвязанную форму, объединяются в более крупные блоки [Bowra 1968, p. 28–56]. Можно предполагать, что во всех примитивных обществах генезис песни аналогичен этому. В итоге получается, что в архаический период общество имеет нечто вроде протолитературы, где в форме длинного эпического повествования или короткого заклинания присутствуют как утилитарная функция магической иллюзии, так и индивидуальное «художественное» высказывание рассказчика, певца или автора, не несущее утилитарной магической функции.

Однако для исследователей этот этап протолитературы имеет лишь умозрительную ценность, а проблема начинается с определения литературы и поэзии. Таким образом, если и браться обсуждать какую-либо архаическую поэзию и ее формы, то необходимо понимать, что эти понятия – продукт исключительно современной теории, стремящейся классифицировать и типологизировать мир, разбив его на удобные для анализа фрагменты.

С архаической поэзией невозможно работать на ее исходном материале, который с трудом ложится в прокрустово ложе «литературности»; изучая архаику, исследователь может полагаться на фольклорный материал еще не вымерших примитивных обществ, однако этот «примитивизм» не равен архаике в интерпретации Кониси. Существующие способы изучения архаической поэзии основаны исключительно на наших умозрительных нормативных реконструкциях.

Другая сторона проблемы заключается в различии между песней и поэзией. В то время как песня играет прежде всего утилитарную роль, поэтический текст имеет функцию, выходящую за пределы стихов; говоря словами Р.О. Якобсона, «знак перестает быть идентичным предмету» [Маклакова 2010, с. 147]. Иначе говоря, символы поэтического текста могут значить для

⁴ Морис Боура (1898–1971) – один из крупнейших британских филологов-классиков в XX в.

реципиента больше, нежели их денотаты. Например, в классической японской поэзии мокрые рукава платья отсылают нас к тоске девушки по возлюбленному, а не к простой констатации факта и необходимости сменить одежду. К этой же сверхденотативности относится определение поэзии как «языка в его эстетической функции» [Якобсон 1994, с. 7]. В архаических текстах нет ни дополнительного денотативного значения, ни умышленной эстетизации, поскольку эти тексты утилитарно означают именно то, для чего они исполнялись архаичным человеком: заклинание было всего лишь заклинанием, ритуальная песня регулировала иерархические социальные отношения, не выходя за рамки этой функции. Таким образом, архаическая песня – это утилитарный текст, а поэтизация этого «поэтического» материала де-факто проводилась редакторами японских древних антологий.

Все это хотя и ограничивает изучение архаической поэзии, но не отменяет саму возможность дискуссий об архаике. Тем не менее периодизация развития японской (как и любой другой) досовременной поэзии должна быть пересмотрена, а основное внимание сосредоточено на точках бифуркации, которые и представляют главный интерес для сравнительного литературоведения. Если к VIII в. японская поэзия в полноценной эстетической функции уже была сформирована, то айньские и рюкюские песни так и остались архаическими ритмизованными текстами, основанными на синтаксическом параллелизме. Вопрос о причинах трансформации яматоской песни – весьма дискуссионный. С развитием эстетического чувства, по Боура, ритмизованные тексты приобретают не ритуальную форму и становятся развлекательными⁵. Ритуальные песенные тексты имели ограниченный репертуарный корпус⁶ по любым эстетическим критериям⁷, суть которых, однако, искажается более поздними классическими интерпретациями.

Как уже упоминалось, архаическую поэзию мы считаем возможным изучать только в точке бифуркации, когда она совершает переход в классическую эпоху, канонизируя предшествующий архаический опыт в письменных практиках, что изменяет восприятие текста, а также творческий процесс. Переход от «песенной культуры» к «книжной культуре», с точки зрения американского филолога-классика У. Онга, имеет решающее значение не только по причине укоренения в литературе некоторых архаических элементов, таких как мифы или ритуальные практики, подобные древним мистериям *утагаки*⁸, которые сохранились в традиционной поэзии *вака* в форме *макуракотоба*⁹; изменяется восприятие механизмов как стихотворчества, так и «потребления» поэзии [Ong 1982]¹⁰.

⁵ Ср. с мыслью А.Н. Веселовского о разделении древнегреческой хоровой песни на лирику и эпос [Веселовский 2006, с. 66].

⁶ В устной традиции мнемонические задачи требуют использования определенных устойчивых формул, когда поэт «не изобретает ничего более важного, поскольку фиксированные формулы, от которых он не может и не хочет отклоняться, доступны для удовлетворения его потребностей в многовековом наследии старинной поэзии». – Friedrich Krauss цит. по: [Foley 2009, p. 13].

⁷ Понятие «эстетическое чувство» в контексте архаической японской поэзии остается недостаточно определенным, поскольку известные сегодня эстетические категории (*моно-но аварэ*, *ваби*, *саби*, *ю:гэн*, *ки* и т.д.), которые считаются исконно японскими, не являются архаическими, имеют определенных авторов и возникли в неавтохтонной буддийской традиции. Возможно, единственный путь к реконструкции исконной эстетики ведет не к поэзии и не к мифам, которые проникнуты китайскими конфуцианскими принципами «историзма», а к архаической архитектуре, гробницам или курганам *кофун*. Наиболее характерный тип курганов – кругло-квадратный, *дзэнпо: ко:эн фун*, – является довольно уникальным в истории архитектуры и может соотноситься с исконно яматоскими эстетическими предпочтениями и (или) ритуальными задачами.

⁸ Древние амебейные песни *утагаки*, как отмечает Е.М. Дьяконова, исполнялись двумя полухориями юношей и девушек, а их основные темы (любовь и природа) были тесно связаны с обрядами плодородия [Дьяконова 2020, с. 114].

⁹ *Макура-котоба* или слово-изголовье – устойчивый троп японской поэзии, слово-образ, истинный смысл которого оказался утраченным.

¹⁰ См. больше о восприятии мифа и ритуальных практик в японской поэзии: [Ермакова 1995].

Светский архаический поэт, пропагандирующий новую чисто развлекательную эстетику, ограничивался при сочинении стихов использованием так называемых устных формул, (большая часть которых перешла в известные устойчивые элементы классического японского стиха, такие как поэтическое вступление *дзё*, *макуракотоба* и т.д.)¹¹, готовых ритмических схем, сочетаний образов, используемых в мнемонических целях как для легкости запоминания, так и для сочинения стихов. Продуктивность поэта была ограничена и временем, необходимым для сочинения стихотворного произведения, которое бы отличалось композиционной целостностью и должным уровнем «отшлифованности» (например, существует предание, что *касыды* – арабские поэмы объемом около ста стихотворных строк – могли сочиняться и редактироваться в течение года). Иными словами, устное сочинительство не может сравниться по продуктивности с письменным, хотя для яматоской культуры это всего лишь гипотетическое предположение, поскольку национальная критическая традиция не сохранила описаний процесса стихосложения во времена до *Манъё:сю:*. Тем не менее устно-формульная гипотеза может объяснить отличие примитивных стихов в хроникальной поэзии, «мужественность» наиболее архаических поэтических текстов *Манъё:сю:* от более утонченной системы образов «Собрания старых и новых песен Японии» (*Кокинсю:*, X в.).

Поэты «книжной культуры», как пишет исследователь европейской Античности П. Бинг, «переместились в тот же микрокосм, где теперь функционировал поэт, а именно в его книги» [Bing 2008, p. 43]. Учитывая, что в VIII в. использование китайских иероглифов в виде похожей на ребус логографической письменности было уже развито [Lugie 2011], можно полагать, что утверждение Бинга, относящееся к эллинистической поэзии, приложимо к литературной ситуации в Японии конца эпохи Нара (710–794) и эпохи Хэйан (794–1185). *Вака* оставались песнями, даже сохраняя свою ритуальную суть (поскольку их часто читали вслух во время придворных церемоний), однако они передавались письменно, приобретали фиксированную каноническую форму, что позволяло утвердить их эстетическую составляющую и окультурить использование устных формул. Однако переход песни-*ута* из устного пласта культуры в письменный повлиял не только на психосоматический механизм восприятия текста, но и на способность возвращаться к тексту, усиливая удовольствие, а также понимать стихи, а не концентрироваться на просодии, выхватывая лишь наиболее яркие образы. Эта литературная грамотность в Древней Греции, привела к тому, что А. Моррисон, также изучавший древнегреческую литературу, определил как «маргинализацию героев и избегание “тяжелого” стиля» [Morrison 2002, p. 39], что означает полное прекращение сочинения эпических текстов. Применимо это предположение к литературной традиции Ямато или нет, однако существование какого-либо ритмизованного – то есть выделенного по сравнению с повседневным языком – эпического повествования неизвестно современным исследователям, хотя на этот счет существует по меньшей мере две точки зрения. Кониси полагает, что эпическое повествование как форма передачи мифов не было характерно для японцев долитературной эпохи, подкрепляя свое мнение примером древних песен рюкюсцев, которые также не отличаются длиной, характерной для эпоса. Согласно другой точке зрения, эпические повествования существовали, но исчезли еще в доисторические времена, а эпос лег в основу мифологической канвы первых исторических хроник. Достоверные тексты, способные подтвердить любое из этих мнений, отсутствуют. Однако, по наблюдению Моррисона, распространение письменной поэзии определило тенденцию к лиризации (к популярности лирической формы) и заставило миф потерять свою эпическую форму и перейти к другой канонической литературной форме, всецело переместившись в область религиозных практик, лишь ситуативно становясь литературным сюжетом [Morrison 2002, p. 41]. Это могло бы объяснить, почему важнейшие для синтоизма мифы о сотворении мира были зафиксированы не в религиозных текстах, таких

¹¹ Подробнее об основных категориях японской поэзии см.: [Боронина 1978].

как *норито*, а в хрониках, написанных прозой¹². Другими словами, переход литературного процесса в письменную форму не только изменил способы сочинения и «потребления» поэзии и литературы как таковой, что отразилось на потере поэзией устного характера и положило начало эстетической канонизации, но породил и более сложные структурные сдвиги, повлиявшие на архаизацию нескольких литературных жанров и их исключение из канона: среди них была «длинная песнь» *нагаута*.

Источники японской архаической поэзии

Основные источники японской поэзии архаического периода (*нихон дзёдай кайо*:), или переходного периода от формирующего устного архаического к письменному классическому канону, были хорошо известны нескольким поколениям японских и западных исследователей. Ученый Школы национальной науки Мотоори Норинага пришел к выводу, что *Нихон сёки* более поэтичны по форме, чем *Кодзики* [Isomae 2000, p. 16]. В этом случае он имел дело с более древней поэзией по сравнению с поэтическим корпусом *Манъё:сю*:. Д. Филиппи, японец и исследователь айнского фольклора, в своем переводе «Продолжения *Манъё:сю*:» (*Дзоку Манъё:сю*:), созданного известным японским филологом Такэда Юкити (1886–1958), собрал и перевел большинство архаических песен [Philippi 1968]. Среди источников Д. Филиппи упоминает своды мифов и исторических преданий *Кодзики*, *Нихон сёки*, «Продолжение *Анналов Японии*» (*Сёку нихонги*, 797), однако игнорирует материалы из разнообразных записей о нравах и обычаях провинций *фудоки*. При этом он дает целый перечень других поэтических источников. Приводя церемониальные песни, Филиппи цитирует «Книгу церемоний Внутреннего святилища в Исэ» (*Ко:тай дзингу: гисики тё*:, 804), «Ежемесячные распоряжения двора» (*Хонтё: гэцурэй*) [Philippi 1968, p. x–xii], ссылается на «Историю происхождения Великого святилища Ацута в стране Овари» (*Овари-но куну ацута коки дайджингу: энги*), биографию принца Сё:току-тайси «Сказание об основании святилища Сё:току» (*Дзё:гу: сё:току хо:о: тэйсэцу*), примеры из «Правил сложения песен» Фудзивара-но Хаманари (*Какё хё:сики*, 772), найденную только в 1924 г. в частной коллекции поэтическую антологию «Примечания к песням кото» (*Кинкафу*, 981) и другие второстепенные источники, такие как «Японские легенды о чудесах» (*Нихон рё:ики*, VIII или IX в.), цитаты из «Песен Кагура» (*Кагура-ута*)¹³, поэтический материал из «Дневника путешествия из Тоса» Ки-но Цураюки (*Тоса никки*, 935 г.) и некоторые песни из *Кокинсю*:, а также песни *сайбара*¹⁴ [Philippi 1968, p. x–xii].

При оценке архаичности этих источников нельзя отвергать допущение о наличии «осовременивающих» искажений текстов песен. Если поэтические иллюстрации из *Кодзики* и *Нихон сёки* в поэтике Фудзивара-но Хаманари можно квалифицировать как архаические из-за их неразвитой системы тропов, нерегулярной просодии, доминирования повествовательной составляющей и титульного времени создания произведений – VIII в., то другие источники более современны. Например, «Записи о храме Тодайдзи» (*Тодайдзи ё:року*) датируются XII в., а другие – не ранее IX–X вв.

¹² К этому предположению следует относиться сдержанно, поскольку в Азии существуют и другие примеры литературных систем, подобных китайской, в которых нет эпической устной поэтической традиции, характерной, например, для «примитивных» культур Центральной Азии. Это замечание необходимо для дальнейшего обсуждения в рамках общей теории литературы.

¹³ Песня, сопровождающая ритуальный танец-действие, посвященный синтоистским божествам. Сам ритуал *кагура* имеет древнюю историю и берет начало из древних шаманских обрядов.

¹⁴ Исполнялись при дворе в эпохи Нара и Хэйан под аккомпанемент традиционных музыкальных инструментов.

Однако даже самые многообещающие источники, которые могли бы дать материал для переосмысления японской архаики, такие как *Какё хё:сики* и партитурные тексты *Кинкафу*, содержат видимые следы китайского «модернизирующего» влияния. Фудзивара-но Хаманари цитирует стихотворные строки, чтобы продемонстрировать постулаты своей поэтики, иллюстрирует девять поэтических ошибок, узаконивая использование рифмы в поэзии *вака*, что является прямым калькированием китайских принципов стихосложения, что противоположно архаике. Сборник *Кинкафу* также не вписывается в хронологические рамки архаической поэзии, будучи достаточно «современным». Этот текст, согласно его внутренней датировке, был составлен в «четвертый год эры *Тэнгэн*, десятый месяц, двадцать первый день», то есть в 981 г. [Brannen 1968, p. 230] в *О:утадокуро* (Палате песен) в качестве придворного руководства по исполнению песен с инструментальным сопровождением. Во-первых, если мы принимаем аргументацию сторонников архаичности *Кинкафу*, необходимо признать, что эта антология содержит около десяти песен, не встречающихся в других источниках: песни могли быть заимствованы из неизвестных поэтических сборников, родственных тем, которые использовались при составлении *Манъё:сю:.* Во-вторых, музыкально-перформативная направленность *Кинкафу* подчеркивает единство стихов и музыки, типичное для примитивной (или) архаической поэзии. Что касается музыкальности *Кинкафу*, то есть исследования, которые указывают на то, что придворный ритуал исполнения песенной поэзии эстетически больше связан с китайской культурной традицией, чем с местной архаикой¹⁵.

Список Д. Филиппи мог бы быть всеохватывающим, если бы не стихи, записанные на деревянных табличках *моккан*, большинство из которых датируются серединой VII – серединой VIII в. Эти дощечки были широко распространены в официальном документообороте в тот период, когда использование бумаги для повседневных канцелярских нужд было слишком затратным. Первые *моккан* были найдены в 1920-х гг., а наиболее масштабные археологические находки сделаны в 1960-х, 1980-х и 1990-х годах. Американский японовед Дж. Пигготт одной из первых среди западных исследователей опубликовала обобщающе-описательное исследование этого феномена письменной культуры, однако она лишь упоминает, что *моккан* использовались в том числе и для упражнений в каллиграфии, и зачастую основой надписей служили стихотворные тексты [Piggott 1990, p. 463]. Д. Лурье также подробно не останавливается на поэтических текстах в корпусе *моккан* [Lurie 2011], что можно объяснить их ничтожным количеством (база данных *моккан*, созданная Национальным исследовательским институтом культурных ценностей Нара, содержит около 56000 табличек, классифицированных по нескольким категориям, и среди этих категорий поэтические тексты отсутствуют)¹⁶. Дж. Фридман разъясняет, что корпус *ута-моккан* содержит всего 39 наименований, большинство из которых являются повторением одного текста – так называемого стихотворения *Нанивадзу* или *Нанивадзу-но ута* [Frydman 2014, p. 17], цитируемого в предисловии Ки-но Цураюки в *Кокинсю:.* Все *ута-моккан*, упомянутые Фридманом, являются примерами поэзии *танка*, за исключением *Токуто садамэтэ-моккан* [Frydman 2014, p. 108], который, по-видимому, содержит фрагменты *нагаута*. Тем не менее, корпус *моккан* также не может стать основой для поисков следов архаической поэзии, дошедшей в форме *тё:ка*.

¹⁵ Тацуми Масааки приводит многочисленные примеры того, как традиционные образы японской поэзии могут быть укоренены в китайской традиции: пример – буддийское сочинение (*Манъё:сю:.*, № 1594), которое исполнялась при императорском дворе [Tatsumi 2022]; есть и другие примеры того, как китайская придворная культура принесла в Японию практику исполнения песен, которые ошибочно можно считать исключительно наследием архаической поэтической культуры.

¹⁶ *Мокканко нара бунка дзайкэнкю:дзо* [Mokkan collection. Nara National Research Institute for Cultural Properties]. (n.d.). Retrieved February 4, 2022, from <https://mokkanko.nabunken.go.jp> (дата обращения: 20.08.2023).

Обобщая наши рассуждения относительно перечисленных источников, дополним, что материал архаической «длинной песни» еще более ограничен: 46 песен в *Кодзики*, 48 в *Нихон сёки*, 2 в *Сёку нихонги*, 265 в *Манъё:сю*: и значительно меньше в антологии *Кокинсю*.

Modernité «длинной песни»

Используя специфический термин *modernité*, который традиционно характеризует конкретный период западноевропейской истории второй половины XIX в., мы подчеркиваем, что на сопоставительной литературно-типологической шкале японские «длинные песни» настолько отстоят от архаики, насколько можно противопоставить европейский модерн классицизму. Разумеется, если охватывать весь литературный процесс, то ни о какой «современности» хэйанской поэзии, как и любой другой классической поэзии, нельзя вести и речи, однако она содержит видимые «модернизирующие» элементы, которые в целом делают возможным ее усвоение и современным читателем. В зависимости от наличия этого модернизирующего начала корпус «длинных песен» со всеми необходимыми и неизбежными упрощениями можно разделить на три неравные группы.

Первую из них мы назовем хроникальной «длинной песнью» по основному источнику, в котором ее можно встретить: это тексты первых мифо-исторических хроник. Именно эта группа *нагаута* наиболее полно соответствует критериям примитивизма М. Боура и содержит в себе параллелизм, являющийся общей чертой доклассической поэзии. Кониси Дзинъити доказал подлинность материала *Кодзики* и *Нихон сёки* [Konishi 1984], поэтому мы можем отбросить гипотезу о позднейших фальсификациях. За исключением формальных критериев, Кониси придерживается мнения Такэда Юкити, который утверждал, что архаическая песня сочинялась коллективно; была жизнерадостной и жизнеутверждающей; отражала красоту островной страны; была проявлением магической силы слов, будучи глубоко связанной с религиозными обрядами и ритуалами [Brannen 1968, p. 233]. Далее мы приведем некоторые поэтические иллюстрации и фрагментарно охарактеризуем аргументацию Кониси Дзинъити. На материале традиционных источников он демонстрирует, как поэзия прошла все пять стадий развития примитивной песни от бессмысленных звукоподражательных изолированных стихов, повторяющихся строк до сложной строфической организации.

Так, *Атимэ вадза* («Обряд переключки») из *Кагура-ута* является первой стадией развития песни по Боура.

Левая сторона: *Атимэ!*

Ох, ох, ох, ох!

Правая сторона: *Окэ.*

Атимэ!

Ох, ох, ох, ох!

Левая сторона: *Окэ.*

Вместе: *Ох, ох, ох!*

Правая сторона: *Окэ* [Konishi 1984, p. 87].

Поэтический диалог между божествам-прародителями Идзанами и Идзанаги (*Ана нияси / э отоко во / ана нияси / э отоме во*, «Поистине прекрасный юноша!», «Поистине прекрасная девушка»¹⁷) показывает, как повторение становится основным инструментом для ранней песни [Konishi 1984, p. 87]. Опуская различные примеры, перейдем к четвертой стадии (третья стадия по Боура представляет мало интереса для генезиса «длинной песни»), когда строфы соединяются в повествовательно-образное единство, что более важно для идентификации

¹⁷ Русский перевод дается по [Кодзики 1993, с. 40].

архаических песен. 10-я песня в *Нихон сёки* является таким примером (*има ва ё / има ва ё / аасия-во / имадани мо / аго ё / имадани мо / аго ё*)¹⁸, она состоит из грубых воинских выкриков, уже несколько отличных от чистых междометий.

Будучи формально примитивными, такие песни уже отличаются от звукоподражания, что является шагом на пути литературно-эстетического «прогресса». Несмотря на то что *Има ва ё* приобретает некую стремящуюся к регулярному метру структуру, ее строки во многом денотативно бессмысленны, в то время как поэтическая организация текста основана даже не на истинном параллелизме образов и вторичном параллелизме просодии, а на прямом повторении строк. Эстетизированные образы отсутствуют, за исключением брутальности языка – если это можно трактовать как поэтический прием. Таким образом, текст иллюстрирует эволюцию примитивной песни, которая создает формальный инструментальный, необходимый для дальнейшего развития в поэзию: речь императора Дзимму, произнесенная для воодушевления его воинов, в основном является специфическим риторическим выделением.

В других сопоставимых хроникальных песнях поэтическое развивается в более сложных формах, например, в 7-й песне из *Кодзики* (*амэ нару я / ото-танабата-но / унагасэру / тамано ми сумару / ми сумару ни / ана-дама хая / ми тани фута ватарасу / адзисики / така-хиконэ-но / ками дзо я*, «О, жемчужина с отверстием, \ На нити жемчужин, \ На священной нити, \ Что надевает на шею \ Дева-ткачиха \ С небес, – \ Это он, \ Бог Адзисикитака \ Хиконэ-но нами, \ Что священные долины \ Пересекает по две!»)¹⁹. В этом тексте все специфические формальные черты архаики сохраняются в повторе (в виде псевдорифм²⁰) как наследие более примитивных песен, основанных на непосредственном повторении строк²¹. Однако разнообразие поэтических выразительных средств резко возросло по сравнению с упомянутой 10-й песней в *Нихон сёки*, и в целом стихотворение приобретает каноническое чередование строк длиной в 5–7 мор.

В целом песни этой группы могут значительно различаться по доле в них архаики и примет нара-хэйанской *modernité*, содержа больше или меньше элементов звукоподражания, систему поэтических образов на протяжении всего текста, регулярную форму и соответствие поэтическим нормам; однако все они имеют связь с повествовательной эпической формой. Таким образом, весь поэтический материал «Песен из “Записей о деяниях древности”» (*Кодзики каё*.) или «Песен из “Анналов Японии”» (*Нихон сёки каё*.) – не самостоятельные поэтические тексты в их чистой эстетической функции, а всего лишь риторическое выделение чьей-либо речи. Во многих досовременных текстах различие между прямой речью и косвенной повествовательной специальным образом не маркируется; авторское повествование и реплики персонажей с трудом различаются и в эпических мифологических сводах. Тем не менее

¹⁸ Японский текст цитируется по [Konishi 1984, p. 91]. См. также анализ этого текста у [Ермакова 1995, с. 40].

¹⁹ Японский текст цитируется по [Chamberlain 1919], русский перевод – по [Кодзики 1993, с. 80].

²⁰ Японская фонетика не позволяет использовать рифму как отличительную черту поэтического текста. Однако китайская поэзия, на которую и ориентировались все поэты эпохи Нара, обладала богатой рифмовкой, сложным метрическим рисунком из-за наличия развитой системы тонов, возможностью использовать звукопись, которую и стремились имитировать японские авторы.

²¹ Поскольку проблема наличия рифмы в японской поэзии довольно разработана, отметим лишь, что в связи с «длинной песней» этот вопрос более сложен. Как утверждает Фудзивара-но Хаманари, «в последнее время поэты продемонстрировали превосходство в стихосложении, но, похоже, они ничего не знают об использовании рифмы» [Rabinovich 1991, p. 527]. Были ли его слова связаны с тем, что более раннее использование рифмы страдало «поэтическими дефектами», или же Хаманари, ориентированный на китайскую поэзию, пытался приписать рифму японской поэзии в качестве нового эстетического критерия, так или иначе старые тексты сохраняют такие окончания ритмических групп, которые напоминают рифмы. Однако этот путь размышлений ведет к возможным доказательствам фальсификации всей японской доклассической поэзии.

хроникальные песни указывают на то, что они использовались для выделения прямой речи исторических персонажей (на японском языке), в то время как собственно историко-нарративный текст хроник был составлен на китайском; песенные вставки могут быть неким рудиментом эпических сводов, возможно, ставших материалом для хроник. Даже если такие тексты, как 7-я песня *Кодзики* и другие, более похожие на «длинные песни» Какиномото-но Хитомаро, а не на примитивную *Има ва ё*, были поздними подражательными фальсификациями составителей хроник, эти стихи построены на принципах повествовательной архаической традиции.

Вторая группа «длинных песен» теряет нарративный элемент речевыделения. Это не означает, что они отрицают какую-либо внутреннюю «сюжетную» динамику, будучи исключительно лирическими, но их поэтическая форма не ставит во главу угла функцию риторического выделения. Эти тексты не столь многочисленны и представлены первыми песнями в Книге первой *Манъё:сю:*, содержащей так называемые «песни легендарной эпохи», датируемые началом VIII в., и в Книге тринадцатой, содержащей анонимные и недатированные «длинные песни» [Lurie 2011, p. 269]. Хотя (также следуя предположению Д. Лурье о том, что логографическое письмо предшествует фонографическому) наиболее древними книгами в поэтической антологии являются все, за исключением Книг пятой, четырнадцатой, пятнадцатой, с семнадцатой по двадцатую, поэзия легендарного периода представлена в Книгах с первой по четвертую, девятой [Lurie 2011, p. 269]. Однако «длинные песни» второй группы можно найти в Книгах первой и тринадцатой.

В какой-то степени по форме выразительности эта поэзия сопоставима с более сложными образцами из мифо-хроникальных текстов, но менее эстетически развита по сравнению с авторской поэзией третьей группы. Примером таких «длинных песен» является первое стихотворение в *Манъё:сю:* – песнь, сочиненная императором Юряку («Ах, с корзинкой, корзинкой прелестной в руке / И с лопаткой, лопаткой прелестной в руке, / О дитя, что на этом холме собираешь траву, / Имя мне назови, дом узнать твой хочу! / Ведь страну Ямато, что боги узрели с небес, / Это я управляю и властвую я! / Это я здесь царю и подвластно мне всё, / Назови же мне дом свой и имя своё!») [Манъёсю 1971, Т. 1, с. 67].

Песня основана на повторах, параллелизме, псевдорифмах и существует в относительно деидеологизированном контексте (по сравнению с поэзией исторических сводов), будучи свободной от функции риторического выделения. Кроме того, текст очевидно отсылает к ритуально-сакральной роли ранней поэзии (в древности имя человека имело сакральную силу, и не могло быть названо незнакомому человеку).

Песни этой же категории можно найти далее в Книге первой (№2, 3, 5, 13, 16, 17, 25) до № 26, после чего в корпусе появляются стихи крупнейшего поэта эпохи Нара Какиномото-но Хитомаро. Все упомянутые *нагаута* основывают свою выразительность на истинном параллелизме. Например, в песне № 5, приписываемой принцу Икуса, образы природы следуют его причитаниями, взаимосвязаны с физическим и психическим состоянием лирического героя. В других перечисленных стихотворениях пейзаж также передает эмоции персонажа, но метонимии мы здесь не находим (если лирический герой и природа мыслятся единым целым, что является базисом архаического мировоззрения).

Другие примеры из *Манъё:сю:* имеют очевидные признаки более поздних «реставраций» архаического текста. Есть несколько песен, которые являются модифицированными версиями из *Кодзики* и *Нихон сёки*. Например, песня № 114 из *Нихон сёки каё:* была довольно значительно переработана как № 4323 из *Манъё:сю:*²²:

²² Японский текст цитируется по [Philippi 1968, p. 108, 218], русский перевод песни из *Манъё:сю:* – по [Манъёсю 1993, Т. 3, с. 273], из *Нихон сёки* – по [Нихон сёки 1997, Т. 1., с. 335].

<i>Нихон сёки</i>		<i>Манъё:сю:</i>	
<i>Мото-гото-ни</i>	Прекрасны цветы!	<i>Токи-доки-ни</i>	Осенью, зимой, весной и летом
<i>Хана ва сакэдомо</i>	Как люблю я эту сакуру,	<i>Хана ва сакэдомо</i>	Разные цветы цветут кругом,
<i>Нани то ка мо</i>	Так и тебя люблю.	<i>Нани сурэ со</i>	Но скажите, почему не расцветает
<i>Уцукуси имо га</i>	Жаль, что не мог я любить тебя раньше,	<i>Хаха тофу хана-но</i>	Тот цветок,
<i>Мата саки-дэ кону</i>	Любимая моя!	<i>Саки-дэ кодзу-кэму</i>	Что называют «мать»?

Хотя метрическая, а также синтаксическая организация остались неизменными, псевдорифмовка стала богаче (в трех ритмических группах в *Нихон сёки* вместо двух в *Манъё:сю:*), а разработка поэтической темы усложнилась. Аналогичный структурный сдвиг можно найти во всем корпусе «длинных песен» *Манъё:сю:*, даже в наиболее древних *нагаута*.

Во-первых, в «длинных песнях» самых архаических книг (в основном, Книги девятой) присутствуют многочисленные элементы поздней литературной редакции текста. Так, стихотворение № 1738 непривычно изящно в восхвалении красоты госпожи Тамана, хотя употребление устойчивых тропов «яшмовое копье» (*тамахоко*) и «лук из катальпы» (*адзуса юми*), как и многочисленные сравнения, можно интерпретировать как формулы по Пэрри–Лорду. № 1740, переложение легенды об Урасима Таро, содержит образ помахивания рукавом (что является устойчивым тропом более позднего периода и связано с распространением китайского танского костюма, который в Японии стал традиционной одеждой на долгие века) и буддийские реминисценции. Ту же модернизацию можно увидеть в «длинных песнях» Книги пятнадцатой, в которых архаическая элегия *банка* (№ 3625) заканчивается образом неразделенной постели, что более характерно для поздней любовной лирики. № 3811 из Книги шестнадцатой ведет речь о гадании на костях, что является следствием рецепции китайской ритуальной культуры.

Во-вторых, в тексте открывающих песен из Книги первой (даже если избежать такой субъективной оценки, как степень эстетизации) можно выявить более поздние элементы. В упомянутом стихотворении, приписываемом принцу Икуса (№ 5), есть сцена выжигания соли из морских водорослей (как в № 3627, датируемом VIII в.), а этот способ добычи соли стал известен в Японии позднее. Однако корпус Книги первой не является однородным. Даже если отвергнуть тот тезис, что она находилась под эстетическим влиянием Какиномото-но Хитомаро, мы находим там песни такого «примитивного» качества, как № 1 или № 25, соседствующие с более поздней авторской поэзией.

Индивидуальная неэпическая авторская поэзия, отличающаяся сложной образной системой, составляет третью группу *тё:ка* в *Манъё:сю:*. Она представлена творчеством знаменитых Какиномото-но Хитомаро и Ямабэ-но Акахито, а также Каса-но Канамура, Отомо-но Саканэ, Тадзихи-но Касамаро и др. Здесь нужно отметить два факта. Во-первых, несмотря на усложнение поэтического языка, основным направлением поэзии Хитомаро были элегии (*банка*), чуждые «жизнерадостного духа» архаической поэзии. Во-вторых, если форма *тё:ка* вторгается в сферу, отличную от чистого лиризма, как в элегиях и любовной лирике Хитомаро или придворно-ритуальной поэзии (одах), то она мимикрирует под гражданскую поэзию, полную острой критики социальных проблем. «Диалог бедняков» (№ 892) Яманэ-но Окура, по-видимому, является первым и последним прецедентом в этой ранней поэзии (этот жанр был

нетипичен для поэзии *вака*, а сюжет объясняется тем, что Окура был знаком с аналогичной гражданской поэзией Дун Си) [Долин 2022, с. 28].

Таким образом, выделение по меньшей мере трех слоев в корпусе архаической «длинной песни» демонстрирует, что, несмотря на архаическую силлабическую форму, *нагаута* отлично подходит для выделения особых повествовательных фрагментов в эпической мифологической «поэзии». В более поздних текстах возникают многочисленные элементы хэйанской *modernité*, которые приводят к дальнейшей модернизации *нагаута*, которая превращается в *тё:ка* в китайском чтении.

Редукция в «длинной песне»

Мы попытались очертить схему «модернизации» *нагаута*. Хотя и представляется (особенно в отношении второго и третьего типа «длинных песен»), что они содержат немало «модернизирующих» элементов, сама форма *нагаута* более архаична и представляет переходную стадию между архаической и классической поэзией, существенно отличаясь от примитивной песни. Примитивная песня, которая не может быть сама по себе отнесена именно к поэзии, по многим причинам развивалась путем аккумуляции строк, эволюционируя от простого повтора к параллелизму образов и синтаксическому и ритмическому параллелизму. А развитие архаической поэзии, по-видимому, шло по противоположной траектории.

Нашим основным предположением является гипотеза о редукционистской природе «длинной песни». Ее генезис можно уместить в такой умозрительной схеме. Если брать во внимание гипотезу об аккумуляции строк М. Боура, некоторые «длинные песни» отличались от разговорной речи особой метрической организацией текста. Эпическая песня, содержащая в себе концентрированную функцию наррации, требовала формульной структуры, чтобы обеспечить функцию стабильной передачи социально значимого текста от одного рассказчика к другому через его сборку из готовых устойчивых семантических элементов, устных формул. В устно-формульной теории большие тексты запоминаются не как они есть, а как последовательность типичных готовых формул. И до стадии, когда по каким-либо причинам возникает эстетическое чувство, будь то появление избыточного прибавочного продукта (когда появилась сама возможность существования такой «непродуктивной» деятельности, как мифотворчество, а позднее и поэзии, удовлетворявшей эстетическую потребность) или эволюция примитивных анимистических верований в развитое язычество, в культуре уже имеется допоэтическая форма ритмически организованного текста, но без развитой системы неденотативной художественной выразительности. Однако, когда эстетическая потребность проникает в первобытные общества, открывая путь превращения фольклора в литературу, поэзия обособляется от музыкально-песенной культуры. Песенная культура является более древней (антропология утверждает, что голосовые связки неандертальца были способны производить музыкальные звуки), и просодические находки первобытной песни послужили основой для дальнейшего формально поэтического развития. Однако любая архаическая форма слишком длинна для эффективного устного сочинения без письменной фиксации. В бесписьменной культуре эффективное сочинение, (а не запоминание) длинных стихотворений с эстетической точки зрения невозможно по нескольким причинам. Во-первых, трудно сочинять стихи «в уме», а тем более редактировать их, сравнивая разные варианты. Во-вторых, более крупные формы требуют изощенного использования художественных образов во избежание текстуального хаоса, ведущего к хаосу восприятия и хаосу удовольствия; упорядочивания достичь невозможно без «методологической» помощи канона, который все еще формируется. В Японии длинные песенные эпические тексты должны были быть сведены к достаточно компактной и удобной форме (то же самое можно увидеть в рюкюской примитивной поэзии,

произведения которой обычно не длиннее 50 строк [Konishi 1984, p. 43]). «Длинные песни» хроник являются примерами такого вынужденного усечения эпической песни. Во-первых, они намного короче, чем *тё:ка* из авторской письменной поэзии *Манъё:сю:*. Во-вторых, коль скоро хроникальные песни в основном выполняют речевыделительную функцию, они кажутся фрагментами некоего эпического материала, который был использован в качестве повествовательной основы. Аналогично развивалась форма *танка*, перенесенная в канон не из повествовательного эпоса, а из повседневных лирических песен.

Поскольку корпус «длинных песен» ограничен, примеры такой поздней редукции редки, однако это предполагаемое превращение в поэзии *танка* может быть реконструировано по аналогии. Первым примером возможной редукции в меньших формах является упомянутая *Нанивадзу-ута*, найденная на табличках *моккан*, представленная в многочисленных версиях, одна из которых была идентифицирована как фрагмент «длинной песни» [Frydman 2014]. Л.М. Ермакова в исследовании мифологических истоков поэзии *вака* приводит крайне интересное наблюдение: № 3154 из *Манъё:сю:* (*танка*) аналогичен *сайбара* № 12 из «Собрания древних песен» (*Кодай кайо:сю:*) [Ермакова 1995, с. 145], но без повторов и восклицаний *хаяси-котоба*. Это свидетельствует о том, что поэтическая выразительность была достигнута за счет иных средств, характерных для более «современных» текстов.

Все эти довольно скудные свидетельства не могут служить аргументами, так как не доказывают гипотезу, а лишь в терминах статистики Байеса делают ее истинность более вероятной. Канонические тексты *Нанивадзу* в форме *танка* более распространены среди найденных *моккан*, а фрагмент возможной «длинной песни», содержащий *Нанивадзу-ута*, кажется статистическим выбросом и на данный момент не может быть объяснен. Редукция песни *сайбара* также может быть истолкована по-разному. Оба текста относятся к одной и той же исторической эпохе (форма *сайбара* в целом более современна, чем основной корпус поэзии *Манъё:сю:*), поэтому упомянутая *сайбара* может быть не только примером более поздней редукции, но и модификацией *танка* ради более удобной для песенного исполнения формы. Таким образом, дошедший до нас древний классический канон не дает достаточного материала для более основательной аргументации.

Заключение

Целью статьи было продемонстрировать неоднозначную природу архаизма «длинной песни» *нагаута*, которая, однако, не была изолирована от литературного процесса в переходном архаическом обществе, хотя современные исследователи и характеризуют ее как тупиковую ветвь японской поэзии.

Во-первых, было необходимо прокомментировать скептическое отношение к самой возможности изучения архаического общества и его культуры, когда все существующие дискурсы были нераздельны. С развитием эстетического чувства, основанного на потребности в развлечении и получении эстетического удовольствия, был проложен путь к превращению архаической песни в поэзию, формально сложную и имеющую развитую образность.

Во-вторых, корпус архаической поэзии в тех источниках, которые доступны исследователям, недостаточен для оценки архаичности «длинной песни». Поэтому необходимо определить по крайней мере три слоя *нагаута* (исключая примитивную песнь): повествовательные фрагменты эпоса, выделяющие прямую речь в исторических хрониках, не повествовательную анонимную «длинную песню» и пик развития жанра в форме индивидуальной сложнообразной неэпической авторской «длинной песни». Если архаические элементы, которые позже превратились в устойчивые тропы, такие как *макуракотоба*, присутствуют во всех формах *нагаута*, то даже в текстах хроник можно найти элементы модернизации. Кроме того,

размышления о регулярности просодии, имитации рифмы как заключительной стадии развития примитивного повтора в форме рефрена через усложнение параллелизма указывают на то, что «длинная песня» могла быть довольно современной формой, которая развивалась под влиянием китаеязычной поэзии.

В-третьих, если процесс формирования примитивной песни посредством аккумуляции строк кажется приемлемым, то *нагаута* не могла быть сформирована таким образом. В статье была выдвинута гипотеза о ее редуccionистской природе. Она основана на метрически параллельно организованной формульности возможных эпосов, (существовавших вне специфической поэтической эстетизации), так как в бесписьменной литературной среде было невозможно достичь должной степени эстетизации и выразительности, пользуясь длинной эпической формой. Таким образом, эта форма сводится к приемлемому минимуму теста, которым поэт оперирует, не имея «методологической» помощи канона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Боронина И.А. Поэтика классического японского стиха (VIII—XIII вв.). Москва: Наука (ГРВЛ). 1978.
- Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. Москва: Российская политическая энциклопедия. 2006.
- Долин А.А. Японская поэзия древности и раннего Средневековья. *Большая библиотека японской поэзии в переводах Александра Долина*. Т. 1. Японская классическая поэзия VI–XII вв. Москва: Наука – Восточная литература. 2022. С. 11–54.
- Дьяконова Е.М. Канон и комментарий. К вопросу истолкования классической японской поэзии // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. №3. С. 104–127.
- Ермакова Л.М. Речи богов и песни людей: (Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики). Москва: Восточная литература. 1995.
- Кодзики. Записи о деяниях древности: Свиток 1-й / пер., коммент. Е.М. Пинус. Санкт-Петербург: Шар. 1993.
- Лорд А.Б. Сказитель / пер. и комм. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Москва: Восточная литература. 1994.
- Маклакова Н.В. «Параллелизм» и «поэтическая функция» Р. Якобсона в теории повтора // *Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена*. 2010. № 12. С. 143–153.
- Манъёсю («Собрание мириад листьев»): в 3-х томах. Т. 1 / пер. и коммент. А.Е. Глускиной. Москва: Главная редакция восточной литературы. 1971.
- Манъёсю («Собрание мириад листьев»): в 3-х томах. Т. 3 / пер. и коммент. А.Е. Глускиной. Москва: Главная редакция восточной литературы. 1993.
- Нихон сёки. Анналы Японии: в 2-х томах. Т. 1. / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. Санкт-Петербург: Гиперион. 1997.
- Якобсон Р. Новейшая российская поэзия: набросок первый. Подступы к Хлебникову. 192). http://russianway.rhga.ru/upload/main/084_Yakobson.pdf. (дата обращения: 19.02.2023).

REFERENCES

- Boronina, I.A. (1978). *Poetika klassicheskogo yaponskogo stikha* [Poetics of Japanese Classical Verses]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Dolin, A.A. (2022). Yaponskaya poeziya drevnosti i rannego Srednevekov'ya [Japanese Poetry of Antiquity and the Early Middle Ages]. In *Bol'shaya biblioteka yaponskoi poezii v perevodakh Aleksandra Dolina*

- [A Large Library of Japanese Poetry Translated by Alexander Dolin] (Vol. 1, pp. 11–54). Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura. (In Russian).
- Dyakonova, E.M. (2020). Kanon i kommentarii. K voprosu istolkovaniya klassicheskoi yaponskoi poezii [Canon and Commentary. To the Interpretation of Japanese Classical Poetry]. *Studia Litterarum*, 5 (3), 104–127. (In Russian).
- Ermakova, L.M. (1995). *Rechi bogov i pesni lyudei: (Ritualno-mifologicheskiye istoki yaponskoi literaturnoi estetiki)* [Gods' Speech and People's Songs: (Ritual and Mythological Origins of Japanese Literary Aesthetics)]. Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russian).
- Ermakova, L.M., & Meshcheryakov, A.N. (Trans.). (1997). *Nihon shoki. Annaly Yaponii* [*Nihon Shoki. Annals of Japan*]. Vol. 1. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Gluskina, A.E. (Trans. and comm.). (1971). *Man'yōshū* ("Sobranie miriad list'ev") [*Man'yōshū* (Collection of Ten Thousand Leaves)]. Vol. 1. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (In Russian).
- Gluskina, A.E. (Trans.) (1972). *Man'yōshū* ("Sobranie miriad list'ev").= [*Man'yōshū* (Collection of Ten Thousand Leaves)]. Vol. 3. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (In Russian).
- Maklakova, N.V. (2010). «Parallelizm» i «poeticheskaya funktsiya» R. Yakobsona v teorii povtora ["Parallelism" and "Poetic Function" by R. Jacobson in the Theory of Repetition]. *Izvestiya Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A. I. Gertsena*, 120, 145–153. (In Russian).
- Pinus E.M. (Trans.). (1993). *Kojiki. Zapiski o deyaniiakh drevnosti*. [Kojiki. Scripts on Ancient Deeds]. Vol. 1. Saint Petersburg: Shar. (In Russian).
- Veselovsky, A.N. (2006). *Izbrannoye: Istoricheskaya poetika*. [Collected Studies: Historical Poetics]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. (In Russian).
- Yakobson, R. (n.d.). *Noveishaya rossiiskaya poeziya. Nabrosok pervyj. Podstupy k Khlebnikovu* [The Latest Russian Poetry. The First Sketch. Approaches to Khlebnikov]. Retrieved February 19, 2023, from http://russianway.rhga.ru/upload/main/084_Yakobson.pdf (In Russian).
- * * *
- Aston, W.G. (1899). *A History of Japanese Literature*. London.
- Bing, P. (2008). *The Well-Read Muse: Present and Past in Callimachus and the Hellenistic Poets*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Bowra, C. M. (1968). *Primitive Song*. London: Weidenfeld and Nicolson.
- Brannen, N.S. (1968). The Kinkafu Collection of Ancient Japanese Songs. *Monumenta Nipponica*, 23(3/4), 229–273. <https://doi.org/10.2307/2383494>
- Chamberlain, B. H. (Trans.). (1919). *The Kojiki. sacred-texts.com*. Retrieved February 18, 2022, from <https://www.sacred-texts.com/shi/kj/kj038.htm>
- Foley, J.M. (2009). *The Theory of Oral Composition: History and Methodology*. Indiana University Press.
- Frydman, J. (2014). *Uta Mokkan: A History of Early Japanese Poetry Through Inscription*. Dissertation. Yale University.
- Isomae, J. (2000). Reappropriating the Japanese Myths: Motoori Norinaga and the Creation Myths of the Kojiki and Nihon Shoki. *Japanese Journal of Religious Studies*. <https://doi.org/10.18874/jjrs.27.1-2.2000.15-39>
- Kato, S. (1979). *A History of Japanese Literature: The First Thousand Years*. Tokyo, New York: Kodansha International.
- Konishi, J. (1984). *A History of Japanese Literature. Volume 1: The Archaic and Ancient Ages* (E. R. Miner, Ed.; A. Gatten, Trans.). Princeton University Press.
- Lurie, D. B. (2011). *Realms of Literacy: Early Japan and the History of Writing*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Mokkanko nara bunka zaikenkyūjo [Mokkan collection. Nara National Research Institute for Cultural Properties]. (n.d.). Retrieved February 4, 2022, from <https://mokkanko.nabunken.go.jp> (In Japanese).

- Morrison, A.D. (2002). *The Narrator's Voice: Hellenistic Poetry and Archaic Narrative*. Doctoral dissertation. London: University of London.
- Ong, W. (1982). *Orality and Literacy*. London.
- Philippi, D.L. (Trans.). (1968). *This Wine of Peace, This Wine of Laughter; a Complete Anthology of Japan's Earliest Songs*. Mushinsha.
- Piggott, J.R. (1990). Mokkan. Wooden documents from the Nara period. *Monumenta Nipponica*, 45(4), 449–470. <https://doi.org/10.2307/2385379>
- Rabinovitch, J. (1991). Wasp Waists and Monkey Tails: A Study and Translation of Hamanari's Uta no Shiki (the Code of Poetry, 772), also known as Kakyō Hyōshiki (a Formulary for Verse Based on the Canons of Poetry). *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 51(2), 471. doi:10.2307/2719287
- Tatsumi, M. (n.d.). *Chuugokubungaku no shiten kara | manyōshū ni o ke ru joji oouta no keisei—chuugoku seinan shousuuminzoku no oouta to no kankei kara* [Study on how *Man'yōshū* was formed as a long epic, by comparison with a long epic created by the minority people in the China Southwest region]. Nara Prefecture Complex of Man'yo Culture. Retrieved February 5, 2022, from http://www.manyo.jp/ancient/report/pdf/report3_18_jojitaika.pdf (In Japanese).
- Theodore, D.B.W. (Ed.). (2001). *Sources of Japanese tradition. From Earliest times to 1600*. Columbia University Press.

Поступила в редакцию: 24.04.2023

Received: 24 April 2023

Принята к публикации: 11.07.2023

Accepted: 11 July 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-34-48

«Бессмертные» и бессмертие: соединение буддийской и даосской традиций в «Собрании стародавних повестей»

Н.Н. Трубникова

Аннотация. О соединении буддийской и даосской традиций в Японии можно говорить на разных уровнях: обиходном, обрядовом, философском и других, в том числе на уровне словоупотребления в текстах, далеких от терминологической строгости, не относимых ни к одной из ученых традиций. Таковы сборники поучительных рассказов *сэцува*. В самом крупном из них, «Собрании стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю*:», 1120-е гг.) рассказов о даосах как таковых (道士, *до:си*) немного; понятие «бессмертный» (仙, *сэн*, 仙人, *сэннин*), одно из важных для даосизма, встречается чаще и имеет более широкий круг значений. Вслед за китайскими переводчиками индийских буддийских текстов повествователи в рассказах об Индии называют словом «сэннин» индийских мудрецов, живших до Будды. В рассказах о Китае в спорах буддистов с даосами «великим бессмертным» именуется сам Будда, учивший не о продлении жизни, а о полном освобождении из круговорота рождений и смертей. При этом об учении Чжуан-цзы говорится с большим почтением. В первом же рассказе о Японии даосы появляются как собеседники японского царевича Сётоку из его прежней жизни. «Бессмертные» обитают в горах Японии, многие из них принадлежат к числу подвижников «Лotosовой сутры», учащей о вечной жизни Будды. Если сопоставить все эти рассказы с историями из сборника «Предания нашей страны о бессмертных чудотворцах» («*Хонтё: синсэн-дэн*», рубеж XI–XII вв.), видно, что понятие «бессмертного» в обоих текстах предполагает уход от мира, преодоление страданий, свойственных человеческой жизни, обретение чудесных способностей и применение их на пользу людям: каким бы путем все это ни было достигнуто, это дает благой пример, а потому поиски «бессмертных», будь то в горах или в книгах, составляют полезный опыт с буддийской точки зрения.

Ключевые слова: история японской мысли, буддизм, даосизм, поучительные рассказы *сэцува*.

Автор: Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности: 129110, Москва, Проспект Мира, д. 70А, стр. 2, оф. 41. ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: trubnikovann@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Трубникова Н.Н. «Бессмертные» и бессмертие: соединение буддийской и даосской традиций в «Собрании стародавних повестей» // Японские исследования. 2023. № 3. С. 34–48. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-34-48.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в Институте логики, когнитологии и развития личности в рамках проекта «Традиция и способы ее освоения в японской религиозно-философской мысли IX–XII вв.: по “Собранию стародавних повестей”» (РНФ, проект № 22-28-01384).

Immortals and Immortality: Combining Buddhist and Taoist Traditions in *Konjaku monogatari-shū*

N.N. Trubnikova

Abstract. It is possible to speak about the connection of the Buddhist and Taoist traditions in Japan at different levels: everyday, ritual, philosophical, and others, including the level of word usage in texts that are far from terminological accuracy and do not belong to any of the scholarly traditions. Such are collections of *setsuwa* didactic tales. In the largest of them, *Konjaku monogatari-shū* (1120s), there are a number of stories about Taoists (*dōshi*), but the concept of “immortal” (*sen, sennin*), important to Taoism, is more common and has a wider range of meanings. Following the Chinese translators of Indian Buddhist texts, the narrators in tales about India call the Indian sages who lived before Buddha *sennin*. In the tales about China, in the disputes between Buddhists and Taoists, the word “Great Immortal,” *daisen*, refers to Buddha himself, who taught not about prolonging life, but about complete liberation from the cycle of births and deaths. At the same time, the teachings of Chuang Tzu are spoken of with great reverence. In the very first tale about Japan, Taoists appear as former-life interlocutors of the Japanese prince Shōtoku. Immortals live in the mountains of Japan, many of them belong to the number of ascetics of the *Lotus Sūtra*, which teaches about the eternal life of the Buddha. If we compare all these tales with stories from the collection *Honchō Shinsen-den* (turn of 11th–12th centuries), it is clear that the concept of immortal in both texts implies a departure from the world and overcoming suffering inherent in human life, the acquisition of miraculous abilities and their use for the benefit of people; whatever way it is achieved, it sets a good example, and therefore the search for immortals, whether in the mountains or in books, constitutes a useful experience from the Buddhist point of view.

Keywords: history of Japanese thought, Buddhism, Taoism, *setsuwa* didactic tales.

Author: Trubnikova Nadezhda N., Doctor of Sciences (Philosophy), Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality: Office 41, Bd. 2, 70A, Mira Av., Moscow, Russian Federation, 129110. ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: trubnikovann@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Trubnikova N.N. (2023). «Bessmertnye» i bessmertie: soedinenie buddiiskoi i daosskoi traditsii v «Sobranii starodavnikh povestei» [Immortals and immortality: Combining Buddhist and Taoist traditions in *Konjaku Monogatari-shū*]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 3, 34–48. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-34-48.

Acknowledgements: The research is accomplished under the Russian Science Foundation in the Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality, within the project “Tradition and Methods of Its Development in Japanese Religious and Philosophical Thought of the 9th–12th Centuries: According to the ‘Konjaku monogatari-shū’” (RSF, project № 22-28-01384).

Введение

Об усвоении даосской традиции в Японии говорят обычно, рассматривая обряды (например, бдение в ночь *ко:син*), целительские, гадательные и другие практики, либо исследуя заимствования даосских терминов и отсылки к даосским текстам в сочинениях, призванных дать описание основ *синто*: (начиная от первых летописей и включая труды теоретиков Исэ-синто: и других направлений синтоизма), либо в самом общем виде обсуждая материковые истоки японской мысли. При этом соединение даосизма с другими традициями может браться как произошедшее уже в Китае и перенятое оттуда (единство «трех учений» – конфуцианского, даосского, буддийского) или как по-новому состоявшееся в Японии, связанное с местными

условиями бытования учений [Kohn 1995; Richey (ed.) 2015]. Оба эти подхода требуется совмещать, когда речь заходит о понятиях даосской мысли, звучащих вне их исходного контекста. Если для трактатов и других памятников буддийской ученой словесности более убедителен первый подход (японские авторы следуют тому употреблению терминов, которое усвоили от китайских наставников своих школ), то для текстов менее терминологически строгих, таких как рассказы *сэцува*, можно задействовать второй подход, исходя из допущения, что повествователь, выбирая слова, каким-то образом учитывает ожидания и запросы своих читателей, не принадлежащих к какой-то одной школьной традиции и даже к одной храмовой общине.

О каком выборе идет речь, можно показать на примере из сборника «Предания нашей страны о бессмертных чудотворцах» («*Хонтё: синсэн-дэн*», рубеж XI–XII вв.). Его заглавие отсылает к китайским жизнеописаниям «бессмертных чудотворцев», «святых-бессмертных» (神仙, кит. *шэньсянь*, яп. *синсэн*), и казалось бы, в ряду собраний *сэцува* сборник выделяется как книга о японских даосах – среди множества книг о буддийских подвижниках. При этом по меньшей мере одна из рукописей сопровождает знаки 神仙 чтением *ики-хотокэ*, «живой будда»; кому (или хотя бы какой эпохе) принадлежит такое прочтение, неясно, но традиция, видимо, принимает его. Если на самом деле перед нами книга о буддах, живших в Японии – при дворе, среди простого люда или в безлюдных горах, – то почему они названы именно так, при чем здесь «бессмертные»? А если это книга о «бессмертных» – тогда что именно должно прояснить читателю такое чтение термина?

Чтобы ответить на подобные вопросы, имеет смысл проследить, как вообще понятие *синсэн* и близкие к нему задействуются в традиции *сэцува*, в каких случаях выбор задан китайским источником рассказа, а в каких эти слова выбирает японский рассказчик. Несколько примеров можно найти уже в «Японских легендах о чудесах» («*Нихон рё:ики*», VIII–IX вв.); перевод А.Н. Мещерякова [Нихон рёики 1995]. Здесь в рассказе 1–5 герой во сне получает «снадобье отшельников» (仙藥, *сэнъяку*) – некое даосское средство для продления жизни. Но далее в похвальном слове о том же герое говорится, что он «почитал Будду, лелеял Закон» (貴仙儻法, *кисэн то:хо:*) – в таком сочетании *сэн* («отшельник», «бессмертный») указывает на основателя буддизма. Героиня рассказа 1–13, не ведая о Законе Будды, ела «травы горных отшельников» (仙草, *сэнсо:*), и при жизни смогла подняться в небо; травы подействовали не сами по себе – «божественные отшельники», *синсэн*, откликнулись женщине, видя чистоту и праведность ее жизни. Чудесными силами «бессмертного» обладает Эн-но гёдзя, почитаемый как основатель традиции горного подвижничества *сюгэндо:*, в рассказе 1–28 – и тоже улетает в небо.

Рассказы из буддийских сборников X–XI вв., как и многие из «Японских легенд», вошли в «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю:*»), завершенное, вероятно, к 1120-м гг. и поглотившее большую часть историй, которыми в это время располагала традиция *сэцува*¹. Кроме них в «*Кондзяку*» пересказаны по-японски индийские и китайские предания, переплетены едва ли не все традиции, известные в Японии эпохи Хэйан. Знак 仙, *сэн*, задействован здесь 168 раз (не считая имен собственных), из них 109 – в сочетании 仙人, *сэннин*, и трижды – в сочетании 神仙, *синсэн*. Почти всюду для этих знаков возможно японское чтение *хидзири*, «отшельник», «мудрец», «святой», но для него есть и другая (и намного более частая) запись 聖人 (или 聖)², я же буду рассматривать контексты знака 仙 и сочетаний с ним.

¹ Я пользуюсь изданиями [Konjaku 1999–2002; Konjaku 2022]. Материалы к готовящемуся полному русскому переводу «*Кондзяку*» см.: [Кондзяку 2018–2022]. Из немногочисленных исследований по теме «бессмертных» в «*Кондзяку*» отмечу работу [Andō 1974]; моя выборка рассказов примерно соответствует ей с некоторыми дополнениями.

² Всего знаков более 1.100.000, подсчет по изданию [Кондзяку 2022]. Для сравнения: слово 聖人 встречается 656 раз.

Индийские отшельники

Индийская часть «Кондзяку» начинается с рассказов о жизни Будды, им отведены первые три свитка. Повествователь следует за китайским изложением истории Будды, хотя не всюду ясно, на какой именно источник он опирается. *Сэннин* впервые появляется в рассказе 1–4: это лесной отшельник, к кому царевич Сиддхартха, будущий Будда, направился, когда покинул царский дворец. В этом же значении *сэннин* встречается в рассказе 1–5. Здесь 仙人 служит переводом санскритских слов *риши*, «мудрец», или *муни*, «отшельник». Первые из *сэннин*, с кем встречается Сиддхартха, «носят одежду из травы», «поклоняются воде и огню», предаются трудному подвижничеству, чтобы после смерти возродиться на небесах. Царевич понимает, что эта цель – не для него, сам он стремится «прекратить рождение, старение, болезнь и смерть». Он уходит к «великому отшельнику» 大仙, *дайсэн*. Тот учит: «Из помрачения рождается самодовольство. Из самодовольства рождаются глупые помыслы. Из глупых помыслов рождается страстное желание. Из страстного желания рождаются чувства, пять видов тонкой пыли. Из пяти видов тонкой пыли рождаются пять начал. Из пяти начал рождаются алчность, гнев и прочие страсти. Так круговращаются рождение, старение, болезнь и смерть, печаль, горе, мука и страдание». На вопрос, как прекратить страдания, отшельник отвечает: «Уйди из дому, соблюдай заповеди, упражняй терпение, поселись в тихом месте и сосредоточься на созерцании, отдались от желаний, неприязней и прочих неблагих вещей. Это и есть освобождение!». Сиддхартха спрашивает: как долго уже ты живешь такой жизнью? – отшельник отвечает: сто четыре года. Его слова звучат достаточно близко к буддийской проповеди, главных отличий два: *сэннин* ищет освобождения для себя, а не для всех существ, и путь его долог – слишком долог, хотя его образ жизни и способствует долголетию. Для себя будущий Будда даже шесть лет поисков пути считает чрезмерным сроком и в итоге отказывается от «трудных дел» аскезы – и обретает просветление. Той же ночью он решается проповедовать открытый им Закон и узнаёт, что его учителя-отшельники только что скончались. Тем самым «путь *сэннин*» в Индии завершился, влившись в буддийский путь. С последователями прежних мудрецов Будда и его ученики еще не раз встретятся, но зовутся эти люди уже иначе: «иноверцы», приверженцы «иных путей» (外道, *гэдо*:). Примечателен рассказ 1–9, где Шарипутра, ученик Будды, состязается с ними в чародейском искусстве (術, *дзюцу*). Соперники создают грозные наваждения, Шарипутра своими чарами разрушает их. *Дзюцу* как название даосского чародейства встретится в «Кондзяку» и в дальнейшем.

Сэннин в следующий раз появятся в рассказе 3–2 – о бодхисаттве Манджушри (文殊). После ухода Будды в нирвану Манджушри поселяется «на высокой горе» и полтора столетия проповедует тамошним обитателям – *сэннин* – «Сутру о расположении светил» (宿曜經, «Сюкюё:-кё:», ТСД 21, № 1299)³. В этой сутре изложены астрономические знания, необходимые в буддийском обиходе, и описаны способы расчета счастливых и несчастливых дней. Вероятно, сутра была составлена не в Индии, а уже в Китае, в ней объединяются выкладки индийских и китайских звездочетов. Как в самой сутре, так и в рассказе о ней *сэннин* могут отождествляться с даосскими «бессмертными» и с наставниками «Пути Темного и Светлого начал», *оммё:дзи*. Милостей Манджушри ищут все, кто осваивает «внешние и внутренние книги» (内外典, *найгэтэн*), монашеские и мирские сочинения. Отметим, что в Японии главной святыней Манджушри считались не какие-либо индийские горы, а китайские – Утайшань.

Ожидаемым образом *сэннин* появляются в свитке 5-м, где речь идет об Индии до прихода Будды. Отшельник Однорогий (一角仙人) «ушел далеко в горы, провел там много лет, верхом

³ Полное заглавие – «Сутра – проповедь бодхисаттвы Манджушри для отшельников об удачных и неудачных сроках, о благом и дурном расположении светил» (文殊師利菩薩及諸仙所說吉凶時日善惡宿曜經, «Мондзюсири босацу гю: сёсэн сёсэцу киккё: дзинити дзэн-аку сюкюё:-кё:»).

на облаке летал по воздуху, двигал высокие горы, жил как звери и птицы». Однажды он заточил в кувшины драконов, повелителей дождя, и чтобы спасти всю Индию от засухи, цари договорились между собой и отправили в горы красавиц-певиц. Одной из них отшельник пленился, утратил часть своей чудесной силы, драконы вырвались на волю и дождь пролился, а девица уговорила отшельника отнести ее обратно к людям (5–4). В следующем рассказе олениха пасется близ хижины отшельника и рождает ему дитя – девочку дивной красоты; отшельник растит дочку, а потом ее берет в жены царь (5–5)⁴. В этих двух историях *сэннин* предстают как вполне сказочные чудесники, но отдельные черты их облика (например, одежда из мха) отсылают к образу жизни даосов.

В иной роли выступает *сэннин* в рассказе 5–10: здесь древний царь уходит в леса в поисках Закона, проповеданного буддами незапамятных времен, встречается отшельника, и тот обещает открыть ему две строки, если царь выдержит испытание. Царь соглашается, *сэннин* девяносто дней вонзает иглу в его тело, а потом читает ему: «Не делай никакого зла, чти и совершай всякое благо» (諸惡莫作 諸善奉行). Эти строки почитаются как «главный смысл» учения всех будд [Трубникова 2015]. В итоге оказывается, что царем был Будда в одном из прежних рождений, а отшельником – его родич и враг Девадатта. В рассказе 5–21 лисица, свалившись в колодец, задумывается о непостоянстве мира и в сердце ее пробуждаются «помыслы о просветлении» (菩提心, *бодайсин*). Бог Индра и бодхисаттва Манджушри в обличье отшельников-*сэннин* приходят к колодцу, вытаскивают лисицу и просят рассказать, какие помыслы она в себе открыла. Она пытается сбежать, но в итоге рассказывает, и отшельники предрекают ей: в будущем ты станешь богиней-бодхисаттвой Сарасвати. И лисица в самом деле становится богиней: «У нее восемь рук. Две ладони соединены, а в шести руках она держит ключ, мотыгу, серп, плуг и прочее, помогает всем живым растить пять злаков». Описание соответствует тому образу, в котором в Японии почитают богиню Бэндзайтэн, соотносимую с божеством урожая Инари и изображаемую верхом на лисице; *сэннин* выполняют здесь роль искателей знания.

В рассказе 5–30 тот же бог Индра учится Закону у *сэннин*. Супруга Индры ревнует, подозревая, что муж ходит к другой женщине, следит за ним, убеждается, что неправда, Индра велит ей удалиться – но поздно: «Отшельник услышал ее нежный голос, помыслы его осквернились, и он тотчас лишился всех чудесных сил, стал обычным человеком. Стало быть, для отшельничьего Закона (仙の法) женщины – большая помеха».

Следует рассмотреть и еще один рассказ из индийской части собрания – о «Лотосовой сутре» (妙法蓮華經, «*Мё:хо: рэнгэ кё:*», ТСД 9, № 262), ее всеобъемлющей спасительной силе, действующей даже на животных. Услышав чтение сутры, крысы, жившие в келье чтеца, возродились на небе, а потом на земле в век Будды (4–19). Повествователь замечает: «В одной мирской книге говорится: белые крысы живут триста лет. После первой сотни лет масть их делается белой. После этого они могут провидеть счастье и горе на год вперед, ясно видеть хорошее и дурное на расстоянии в тысячу ри! Таких зовут чудесными крысами». Имеется в виду трактат даосского наставника Гэ Хуна «*Баопу-цзы*» (VI в. н.э.) – основополагающий текст для даосской традиции поисков бессмертия; см.: [Гэ Хун 1999, 50]. В индийской части «*Кондзяку*» кроме этого места «мирские книги» (外典, *гэтэн*) упомянуты лишь единожды в уже известном нам рассказе о Манджушри, что выделяет рассказ 4–19 в ряду соседних. Таким образом, связь традиций «Лотосовой сутры» и даосизма намечается еще до того, как речь пойдет о Китае.

Итак, в рассказах об Индии *сэннин* – предшественники Будды, чьи наставления были весьма ценны во времена, когда будд в мире не было и Закон был забыт. К чудесам *сэннин*

⁴ Похожее предание о государыне, рожденной от оленихи и отшельника, в Японии рассказывают о государыне Ко:мё: (VIII в.), оно связано с традицией почитания бодхисаттвы Каннон в храме Макиноодэра; см.: Трубникова Н., Оказов И. «Записки о чудесах бодхисаттвы Каннон: паломничество по западным землям». https://88f4395e-9a7b-4477-bd7a-ccf73f736fa0.filesusr.com/ugd/47b776_279299656ce149449bcc956831200f87.pdf (дата обращения: 20.08.2023).

относятся не только долголетие, но и умение летать, заклинать драконов, предсказывать будущее; к их основным чертам – жизнь в горах среди диких зверей и птиц, уход от мирских пристрастий.

Китайские мудрецы и искатели бессмертия

Проникновение буддизма в Китай в «*Кондзяку*» в рассказе 6–1 описано не вполне обычно для японской буддийской словесности. Учение Будды было якобы известно в Китае еще при династии Чжоу; затем государь Цинь Шихуан-ди (прав. 245–210 до н.э.) велел уничтожить все буддийские книги (видимо, вместе с сочинениями Конфуция и других китайских мудрецов, эта жестокая мера первого государя Цинь широко известна). Такое удревнение истории китайской буддийской общины характерно для собрания, где предысторию имеет каждое событие и этим подтверждается непреложность закона причин и последствий. Далее изложена более распространенная версия: при поздне-ханьском государе Мин-ди (прав. 57–75 н.э.) в Китай прибывают монахи, привозят с собой изваяние Будды, и государь узнает в нем «золотого человека», которого видел во сне. Но иноземная проповедь встречает недовольство и при дворе, и в народе. Даосы (道士, *до:си*) спускаются с пяти священных гор Китая и заявляют государю: «Мы гадаем и узнаем, что было и что будет, глядя на черты лица, распознаем, что доброе и худое случится с человеком. Потому издревле и донныне все в стране, начиная с императоров, все от высших до низших почитают наш путь как превосходный». Едва ли этим описанием исчерпываются задачи даосов; скорее, речь идет о том, за что их ценят люди вне их общины. Отметим, что поиски бессмертия сюда не входят, но особую неприязнь у даосов вызывают останки Будды (舍利, *сяри*, санскр. *шарира*), частицы пепла его похоронного костра, доставленные монахами; Будда при этом назван иноземным «отшельником», *сэннин*. По предложению даосов государь устраивает состязание между ними и буддистами: обе стороны выставляют ларцы со своими книгами и пытаются чародейским огнем поджечь книги супостатов. Даосские книги сгорают, а буддийские писания и останки Будды поднимаются в небо.

В следующий раз о даосах заходит речь в рассказе 6–43: Тань Луань (476–572) изучает «искусство бессмертных» (仙術), способы «продления жизни и избавления от смерти» (長生不死). Индийский наставник Бодхиручи работает в эту пору в Китае над переводом буддийских книг; он говорит Тань Луаню: «Даже если сумеешь продлить срок жизни, в итоге все равно годы твои иссякнут, сомнений нет! ... Если станешь подвижничать по этому Закону великого бессмертного (大仙 = Будды), навсегда отдались от рождений и смертей, обретишь освобождение». Бодхиручи вручает Тань Луаню «Сутру о созерцании будды по имени Неизмеримое Долголетие» (яп. «*Кан Мурё:дзю-кё:*», ТСД 12, № 365), где говорится о Чистой земле будды Амитабхи (яп. Амида); Тань Луань сжигает даосские книги, обращается к буддизму и в дальнейшем становится одним из основателей китайской традиции Чистой земли.

С книгами связаны и еще две истории. Герой рассказа 7–8 предпочитает «закон даосов» (道士の法). Однажды в доме у друга он видит «Большую сутру о премудрости» (яп. «*Дайханья-кё:*», ТСД 5–7, № 220), принимает ее за книгу «*Лао-цзы*» («*Дао Дэ-цзин*»), переписывает три строки, понимает свою ошибку и бросает кисть. Через несколько лет он заболевает, умирает, но вскоре возвращается к жизни и рассказывает, как побывал на загробном суде у царя Яньло (Ямы): там он узнал, что заслуга от переписывания даже небольшого отрывка из сутры продлила его годы. Он благодарит друга и обращается к буддизму. В рассказе 9–38 мудрый сановник учится у даосского наставника, в Закон Будды не верит, отбирает у жены сутры и выбрасывает в колодец. В одном из буддийских храмов находят склад оружия. Государь в гневе, сановник советует казнить монахов, даос просит пощадить их, сановник не соглашается,

и даос предсказывает ему ужасную участь. И в самом деле, сановник позже попадает в опалу и подвергается тяжким мучениям.

О продлении жизни и об оживлении умерших средствами буддийского обряда в рассказах «Кондзяку» о Китае говорится постоянно. О даосских поисках бессмертия речь снова заходит в свитке 10-м, посвященном уже не истории китайской буддийской общины, а «истории страны». Государь Цинь Шихуан-ди отправляет некоего «искусника» (方士) на остров Пэнлай за «снадобьем бессмертия» (不死藥), но тщетно – морское чудище Гао-да (高大) преграждает путь. Государь едет к морю и сам убивает чудище, но вскоре заболевает и умирает (10–1). Далее говорится о первом государе династии Хань, и среди прочего – о том, как по его приказу путешественник Чжан Цянь (張騫) искал истоки «Небесной реки» и встретил на небе Ткачиху и Пастуха (10–4).

Любопытно, что в рассказах о Конфуции в «Кондзяку» даосская тема тоже звучит. В первом из них мудрец беседует со встреченным на дороге умным ребенком. Мальчик говорит, что не имеет имени; мудрец возражает: «Разве бывают деревья без побегов? Быки без рогов? Кони без копыт? Мужики без жен? ... Разве бывают люди без имен?» Мальчик отвечает: «У сухого дерева нет побегов. У глиняного быка нет рогов. У деревянного коня нет копыт. У бессмертных отшельников нет жен... а у малых детей нет имен!» (10–9). Следующие два рассказа взяты из книги из книги «Чжуан-цзы». Некий старик принимает Конфуция за правителя или министра, а потом называет его глупцом, занятым суетными делами, о себе же говорит: «Что я родился человеком – первая радость. Люди бывают мужчинами и женщинами, я родился мужчиной – это вторая радость. Мне сейчас исполнилось девяносто пять лет – это третья радость!» (10–10)⁵. Затем Конфуций беседует с разбойником Чжи, от чьей мудрости в итоге бежит в ужасе (10–15)⁶. Итак, о силе парадоксальных даосских наставлений и долголетию приверженцев этого пути как главном доводе в пользу его верности свидетельствует столь беспристрастный и надежный очевидец, как Конфуций.

Сам Чжуан-цзы действует в рассказе 10–11. Он просит еды, друг обещает одарить его золотом – но позже. Мудрец в ответ рассказывает, как увидел рыбу в рытвине на дороге: «Я спросил у рыбы: как ты тут очутилась? А она отвечает: “Я – божество волн восточного моря. Нечаянно... упала вот в эту лужу, воды тут мало, всего на глоток, я уже умираю. Я думала, ты мне поможешь, вот и окликнула тебя”. Я сказал: “Через три дня я отправлюсь прогуляться в [название места пропущено]. Я тебя туда отнесу и выпущу”. А рыба мне говорит: “Три дня я не продержусь! Дай мне сегодня хоть немного воды, утоли сперва мою жажду!”. И я сделал, как она просила... А сегодня я сам – как та рыба: если не получу еды, жизнь моя оборвется. И потом тысяча мер золота мне будет уже ни к чему»⁷. Есть в «Кондзяку» и другие притчи из «Чжуан-цзы»: о кривом дереве, которому, в отличие от стройных, не грозит топор лесоруба, и о гусях, из которых голосистый выживает, а безголосого режут (10–12)⁸, о «пищевой цепочке» (разные существа нацеливаются сожрать кого-то более слабого, не замечая, что их самих собирается съесть более сильный) и о рыбах под мостом («Ты не рыба, ты не можешь знать, что на уме у рыб! – Ты не я и не можешь знать, что я знаю и чего не знаю», 10–13)⁹.

В рассказе 10–14 Фэй Чан-фан (по преданиям, родился во времена Поздней Хань) находит на дороге чьи-то иссохшие кости, жалеет умершего и хоронит его. Во сне тот ему является и сообщает: я изучал «закон бессмертных» (仙の法), мой «истинный дух» после смерти перенесся на небо и вкушает блаженство. Во сне Чан-фан учится у «бессмертного» даосскому искусству,

⁵ «Чжуан-цзы», гл. XXXI, «Рыболов».

⁶ «Чжуан-цзы», гл. XXIX, «Разбойник Чжи».

⁷ «Чжуан-цзы», гл. XXVI, «Вещи вне нас».

⁸ «Чжуан-цзы», гл. XX, «Дерево на горе».

⁹ «Чжуан-цзы», гл. XX, «Дерево на горе», и XVII, «С осенними разливами».

проснувшись, практикуется далее и вскоре научается летать и становится «бессмертным». Если следовать «*Баопу-цзы*», наставник здесь относится к категории «бессмертных, отбросивших тело» (а не вознесшихся на небо во плоти и не ведущих бесконечно долгую жизнь на земле, обычно в горах). Вывод из рассказа – милосердие полезно вообще и для продления жизни в частности.

Итак, в Китае индийская история повторяется: искатели долголетия и чудесных сил в итоге уступают приверженцам Закона Будды. Но в пору, когда Закон не известен, даосы учат тому же, чему и буддисты: понимать относительность любых земных мерок, в том числе мудрости и глупости, совершенства и ущербности и т.д. Сделаться бессмертным в даосском смысле слова возможно, как и попасть на небеса или на чудесные острова, хотя правителям это и недоступно из-за их образа жизни, далекого от праведности. Из чудес с даосами соотносится прежде всего умение предсказывать будущее, а кроме того – умение летать (или пускать в полет предметы) и странствия к дальним пределам мира.

Японские чудотворцы

Даосы появляются в первом рассказе японской части «*Кондзяку*» (11–1). Бодхисаттва Каннон (Авалокитешвара) рождается в Японии в государевом роду, чтобы приобщить острова к Закону Будды. Царевич известен под именем Сётоку; однажды к нему приезжают монахи из Кореи и говорят: «Когда в прежнем рождении на горах Хэншань он толковал “Сутру о Цветке Закона”, даосы с горы Лу иногда приходили послушать его. Это мы и есть». Рассказ 11–1 отмечает начальные точки почти всех традиций японского буддизма, о которых пойдет речь в следующих свитках собрания, в том числе и традиции почитания «Лotosовой сутры», она же «Сутра о Цветке Закона». Вместе с тем он прослеживает связи между традициями японскими и материковыми. Упоминание даосов здесь может означать, что и их традиция для Японии – одна из важных. Правда, само слово *до:си* прозвучит еще только один раз, в рассказе 11–4: там даосы корейского государства Силла приходят послушать наставления японского монаха, прибывшего в Корею. Слово *сэннин* встретится еще 42 раза во взаимосвязанных, но разных значениях.

Подвижник Эн-но гёдзя в рассказе 11–3 обозначен как «мудрец» (聖人, *сё:нин*), но действует как даосский чудотворец: он живет в горной пещере, питается сосновыми иглами, носит одежду из стеблей глицинии, омывается в чистых родниках и полностью очищает сердце, но при этом читает и буддийские заветы. «Порой Эн днем садился на пятицветное облако и летал к обителям бессмертных, а порой по ночам созывал демонов и богов, чтобы они для него носили воду, собирали дрова». Способность повелевать богами обернется для героя бедой (когда один из богов пожалуется на него государю), и в итоге ему придется покинуть Японию. В рассказе 11–4 подвижника Эна увидит японский монах в Корею – как раз на том собрании, которое устроили даосы.

Японским «бессмертным», *сэннин*, оказывается отшельник Кумэ в рассказе 11–24, входящем в серию историй об основании буддийских храмов. В горном краю Ёсино жило двое отшельников, один достиг бессмертия и улетел в небо. Товарищ его Кумэ тоже летал, но у реки Ёсино увидел красивую девушку, прельстился ею и упал на землю. Он женится и живет как обычный мирянин, пока его не привлекают к работам на строительстве города Нара в числе прочих жителей тех мест. Начальник работ узнает его предысторию и говорит: «Так он... следовал учению отшельников (仙の法) и однажды стал бессмертным! Заслуги от такого подвижничества полностью не теряются. Вместо того чтобы вам самим таскать эти бревна – пусть бы он силой бессмертного (仙の力) велел им летать по воздуху!». Кумэ соглашается, проходит очищение, возносит молитву – не ясно, к кому, – и совершает чудо: вызывает

бурю, ветер валит деревья, а потом по воздуху переносит бревна к месту строительства. Его награждает государь, и награду Кумэ тратит на строительство храма в столице.

«Пещеру бессмертных» хранит загадочный старец в рассказе 11–29, а государь видит это место во сне; побеседовав со старцем, государь строит около пещеры храм Сига-дэра. Монах Кэнсин в рассказе 11–32 находит близ водопада на холмах возле будущего города Хэйан (Киото) старца по имени Гёэй, прожившего там уже два столетия. Гёэй поручает Кэнсину присматривать за святым местом, подходящим для почитания бодхисаттвы Каннон, а сам исчезает. Монах не может найти дороги обратно и остается у водопада на сто пятьдесят лет, потом там его находит военачальник Саканоуэ-но Тамурамаро и спрашивает: «Ты бог? Или бессмертный?». В итоге Кэнсин, Тамурамаро и его жена основывают в том месте храм Киёмидзу-дэра. В рассказе 11–28 (об основании храма Миидэра) тоже действует долгожитель, правда, он «бессмертным» не назван. В этих случаях мы видим схему, частую для японских храмовых преданий *энги*, – сначала кто-то один находит святое место, потом кто-то другой открывает его людям. «Бессмертные» оказываются первооткрывателями и хранителями святынь, при том что чтить эти святыни люди будут уже по буддийскому обряду.

Переход к следующей группе рассказов о «бессмертных» намечен в рассказе 12–38. В конце свитка 12-го и далее в свитке 13-м говорится о почитателях «Лotosовой сутры»; большинство историй взято из более раннего сборника «Записки о чудесах Лotosовой сутры в великой стране Японии» («*Дайнихонкоку Хоккэ гэнки*», 1040-е гг., далее «*Хоккэ гэнки*»). Монах Энку в горах читает сутру под деревом ночь напролет, замечает, что кто-то прилетел на верхушку дерева, поначалу принимает это существо за демона, но оно не мешает чтению, внимательно слушает, а потом произносит цитату из сутры – величание ее подвижника – и улетает¹⁰. Тогда Энку понимает: это был «бессмертный».

Свиток 13-й начинается четырьмя похожими историями¹¹. Монах, заблудившись в горах, выходит к келье подвижника, читающего сутру (13–1). Тот расспрашивает гостя и приглашает отведать чудесных яств (их приносят прекрасные отроки), рассказывает о себе, что живет здесь больше восьмидесяти лет (хотя выглядит молодо, не старше двадцати), а ночью слушать его приходят демоны и дикие звери. Все эти чудеса подвижник объясняет гостю цитатами из сутры: «Дети богов будут прислуживать ему»; «Если больной человек сможет услышать эту Сутру, его болезни сразу же исчезнут, он не будет стареть и не умрет»; «Если какой-нибудь человек будет пребывать в пустынном или закрытом месте, я пошлю богов, царей-драконов, якшей, духов, земных божеств и других существ, чтобы они стали собранием слушающих Дхарму»¹². Вторая из цитат проводит прямую связь между традициями буддийских и даосских поисков долголетия, но и два других отрывка из сутры соотносятся с чудесами «бессмертных», а именно с их способностью повелевать богами (как у Эн-но гёдзя). Подвижник назван «бессмертным хранителем сутры» 持経仙, *дзикёсэн*. В китайском буддийском каноне такое словосочетание не встречается; им же обозначены герои следующих рассказов. Одному из отшельников звери приносят еду, а сосна защищает от солнца и дождя (13–2); другой, монах Ёсё, говорит о себе: «Я на горе провел уже больше пятидесяти лет. А самому мне – за восемьдесят. Я изучил и освоил путь бессмертных, смог летать по небу. Поднимаюсь в воздух, углубляюсь под землю без преград. Силою “Сутры о Цветке Закона” могу видеть будд, слушать Закон, сколько хочу. И как могу стараюсь приносить пользу всем, кто имеет чувства, защищать и спасать мир» (13–3). Отшельники помогают странникам в горах, Ёсё, кроме того, прилетает читать сутру для престарелых родителей и для своих братьев по прежней учебе в школе

¹⁰ В «*Хоккэ гэнки*» это рассказ 1–39.

¹¹ В «*Хоккэ гэнки*» это рассказы 1–11, 1–18, 2–44, 2–59.

¹² Перевод А.Н. Игнатовича [Сутра... 1998, с. 223, 277, 196].

Тэндай. В «пещере бессмертных» живет старый отшельник в рассказе 13–4. Монах приходит туда в поисках «пути бессмертных» (仙の道) и видит, что старику прислуживает юная дева; она оказывается демоницей-ракшаси, одной из тех, кто, как сказано в «Лотосовой сутре», поклонялся защищать ее подвижников.

Далее речь идет о других чудесах сутры. В рассказе 13–12 странник слышит чудесный голос, читающий сутру, на холмах к востоку от столицы, думает: «Должно быть, тут живут бессмертные отшельники», но голос принадлежит старухе-монахине. «Обиталища богов, пещеры бессмертных» на гористом острове у берегов края Идзу находит монах Дзокай в рассказе 17–16. Когда-то в эти места прилетал Эн-но гёдзя и предавался подвижничеству, а теперь Дзокай основывает на острове храм, где являются чудеса, а люди почитают Дзокай как воплощение бодхисаттвы Дзидзо (Кшитигарбхи).

И еще раз слово *сэннин* встречается в конце свитка 20-го. Рассказ 20–42 воспроизводит историю 1–13 из «Японских легенд»: бедная женщина «держится в стороне от всякой злобы и заботы», живет и растит детей, собирая дикie травы, угощает других, служит «богам и бессмертным», *синсэн*, и ей воздается умением летать. Рассказчик подытоживает: «Помыслы ее были легки, и хотя она не следовала Закону Будды, но приняла снадобье бессмертия и сама стала бессмертной. Таких называют “бессмертными, принявшими снадобье” (服薬仙). Если принять снадобье бессмертных с прямыми помыслами (心直くして), то даже женщина может вот так обрести бессмертие и взлететь в небо. Пусть же люди мыслят легко (心を風流にして) и отдаляются от всякой злобы и заботы!»¹³. В соседних рассказах говорится о людях, кто «мыслил прямо» и по-доброму обходился с ближними, и за это им воздалось долгой жизнью и мирскими благами, пусть даже никаких обрядов они не исполняли.

Рассказ 20–39 похож на истории о «бессмертных»: монах-отшельник считает себя выдающимся чудотворцем, но находит другого отшельника, принимает за демона, пытается заклясть – и убеждается, что встретил собрата, еще более преуспевшего в подвижничестве, после чего раскаивается в своем самодовольстве; правда, слово *сэннин* здесь не встречается.

Что до «искусства» 術, *дзюцу*, то чаще всего этот знак в японской части «Кондзюку» появляется в сочетании 術無, *дзутти наси* – «ничего не поделаешь» (о безвыходных положениях). «Искусством Темного и Светлого начал» 陰陽の術 владеют мудрый Киби-но Макиби, чарами защитившийся от злого духа (11–6) и монах, заклявший пиратов (24–19); искусство гадателей *оммё:дзи* обозначается как 法術 или 術法 (24–14, 24–16, 24–18), а умение гадать на палочках (возможно, по «Книге перемен») – как 算術. В рассказе 11–22 боги, которых пытаются заклясть, чтобы они не мешали строительству храма, опасаются: «наши чары иссякнут», 我等術尽くべき. «Чужое/ложное искусство» 外術, *гэдзюцу*, упомянуто в рассказах 20–3, 20–9, 20–10, это злые чары демонов *тэнгу*. В рассказе 28–40 так же названы чары кудесника-жулика (был он человеком или кем-то еще, неясно). Редкое «искусство» являет обезьяна в рассказе 29–35, приманивая орлов и убивая их.

¹³ Слово 風流, *фу:рю:*, в «Японских легендах» встречается только в этом рассказе, а в «Кондзюку» еще в нескольких. В рассказе 4–12 – это редкостная «изобретательность» строителей, подвесивших над статуей Будды в одном из индийских храмов балдахин, который вращается, когда прихожане обходят статую по кругу. В рассказах о Китае этого слова нет, хотя оно восходит к китайской традиции и впервые встречается в книге «Хуайнань-цзы». В Японии *фу:рю:* – опять-таки «изобретательность» принца Кая, создавшего изваяние отрока с чашей, которая опрокидывалась, если в нее налить воды (людям нравилась диковинка, а вода шла на орошение поля, 24–2). Но также это и «ловкость» наместника, нашедшего способ отделаться от подчиненных, пришедших требовать жалованья (28–5), и «изящество» вещей на состязании редкостей (28–35), и «утонченность» помыслов героинь в рассказах о любви (30–5, 30–6, знакам 風流 здесь дается японское чтение *мияби*). «Легкость» помыслов (умение не заботиться о ненужном) соотносится в понятии *фу:рю:* с «ловкостью», «искусностью» (способностью «легко», непринужденно устроить что-то необычное) и с «изяществом» (неумением или нежеланием сосредоточиваться на житейских заботах); все это вполне вписывается в образ «бессмертных» или людей, подражающих «бессмертным».

Итак, *сэннин* в японской части «*Кондзяку*», во-первых, делают то же, что и их индийские собратья: хранят древние знания до прихода буддийских наставников. Отличительные черты японских «бессмертных» – в том, что каждый из них связан с конкретным святым местом, а не с лесами и горами вообще, и не хранит каких-либо конкретных наставлений, но оберегает лишь место, где слова Закона потом прозвучат и будут подкреплены чудесами. Однако, во-вторых, «бессмертные» – это те, кто хранит «Лotosовую сутру». Закон, высказанный в ней, со времен Будды Шакьямуни пребывает в мире постоянно, что следует и из рассказов «*Кондзяку*». Уподобляясь Будде, подвижники обретают долголетие, ведь в самой сутре сказано, что Будда вечен и был просветленным всегда. Те ученики, кто считал Будду царевичем Сиддхартхой, однажды обретшим просветление, в сутре удаляются с места проповеди, не в силах вместить это знание. Любому приверженцу сутры нужно как-то осознать это применительно к себе самим: для выхода из круга рождений и смертей надо поверить в то, что по природе своей ты тоже вечен, никогда не был рожден и смерть тебе не грозила. В традиции «Лotosовой сутры» этот парадокс остается парадоксом, каждый решает его для себя сам, и поучительные рассказы могут в этом помочь лишь обычным своим способом: показать на примерах, что некоторым людям это удалось. «Бессмертные хранители сутры» в «*Кондзяку*» появляются лишь в Японии, в рассказах об Индии и Китае их нет; вероятно, это говорит об особой связи «Цветка Закона» с Японскими островами. Наконец, в-третьих, «бессмертными» порой становятся те, кто живет с «легким» и «прямым» сердцем, не заботясь о мирских благах и не следуя никакому учению. Что связывает между собой эти три значения слова *сэннин*? На вопрос можно попытаться ответить, сравнив рассказы из «*Кондзяку*» с жизнеописаниями японских «бессмертных» из сборника «*Хонтё: синсэн-дэн*».

Многообразие японских «бессмертных»

«Предания нашей страны о бессмертных чудотворцах» составлены примерно в то же время, когда и «Стародавние повести», на рубеже XI–XII в. Трудно сказать, какой из сборников появился раньше. Основной текст «*Кондзяку*» (или хотя бы идею составления этого свода рассказов обо всем на свете) приписывают Минамото-но Такакуни 源隆国 (1004–1077), а «*Хонтё: синсэн дэн*» принадлежит Ооэ-но Масафуса 大江匡房 (1041–1111), книжнику из того поколения, к которому принадлежали младшие сыновья Такакуни. По объему весь сборник Масафуса примерно равняется одному свитку «*Кондзяку*»: в нем, судя по оглавлению одной из рукописей, было 37 рассказов, из них сохранилось 30. Слово *сэн* здесь встречается 28 раз в основном тексте и еще четырежды в заглавиях рассказов. Каждое заглавие совпадает с именем и/или величием героя, и «бессмертными» названы те, о ком известно меньше всего; остальные появляются под мирскими или монашескими именами. «Путь бессмертных» упомянут трижды, «закон бессмертных» – дважды; *сэннин* встречается два раза, а *синсэн* – десять раз.

Образцом для сборника послужила книга Гэ Хуна «Жизнеописания бессмертных чудотворцев» (кит. «*Шэньсянь-чжуань*»), где на множестве примеров показана действенность учения о продлении жизни, изложенного в «*Баопу-цзы*». Вероятно, Масафуса учитывал образец, имевшийся у Гэ Хуна, – «Отдельные жизнеописания бессмертных» Лю Сяна (кит. «*Лесянь чжуань*», I в. до н.э.). Также образцами и отчасти источниками для Масафуса послужили японские тематические сборники буддийских рассказов, такие как «Японские записки о возрождении в краю Высшей Радости» («*Нихон о:дзё: Гокураку-ки*», конец X в.) и «*Хоккэ гэнки*». Подобно тому как эти сборники выстраивают предания о японских подвижниках в новые ряды – искателей возрождения в Чистой земле или хранителей «Лotosовой сутры», – книга Масафуса из уже известных и ранее не известных имен собирает японскую традицию поисков бессмертия.

Начинают эту традицию герои древности, известные из «Анналов Японии» («*Нихон сёки*», 720 г.) или из «Собрания мириад листьев» («*Манъё:сю:*», VIII в.) – богатырь Ямато Такэру, мудрый полководец Такэноути-но Сукунэ, царевич Сётоку, рыбак Урасима-га Ко. Продолжают ее основатели японского горного подвижничества: Эн-но гёдзя, монахи-близнецы Дзэнтю и Дзэнсан, монахи Токуицу и Тайтё, отшельник Кумэ, к ним же примыкает монахиня Торэн. Далее следуют основатели знаменитых храмов IX в.: мирянин Гёэй, монахи Кётай, Хоон¹⁴, Кукай, Эннин; сюда же относятся отшельник Ёсё и его ученик. Затем говорится о «бессмертных», с кем имели дело знаменитые монахи или миряне IX–XI вв.: свитский министр Минамото-но Тоору (822–895); старик, торговавший палочками для еды на столичном рынке, о ком писал книжник Ки-но Хасэо (845–912); четверо отшельников, которых встречал в горах монах Дзёдзо (891–964), сын книжника Миёси-но Киёюки (847–919); монах Нитидзо (905?–967?), доведшийся сыном Киёюки; служба монаха Тюсана (935?–976?); ученики монаха Дзога (917–1003); поэты Мияко-но Ёсика (834–879) и Татибана-но Масамити (X в.), оба связанные с принцем Томохиро (964–1009), знатоком словесности; и наконец, долгожители, с кем лично имели дело сам Масафуса или его знакомые («монах под деревом в краю Кавати», «человек на берегу реки в краю Мино», «старец-долгожитель в краю Иё», «бессмертный в пещере в краю Дэва» – они не называли встречным даже своих имен, но запомнились). Традиция «бессмертных» тем самым занимает место словно бы чуть в стороне от традиций столичного монашества и придворной учености – но может опереться на их авторитет.

Японские «бессмертные» у Масафуса обычно обитают в горах, но какое-то время могут жить и среди обычных людей. Кроме долголетия и способности не стареть они также обладают умением летать по воздуху или очень быстро перемещаться; после смерти их тела исчезают или же их видят мертвыми, а потом много лет спустя встречают живыми и невредимыми; многие достигают больших успехов в каллиграфии, поэзии, музыке или в чародействе (например, разжигают чудесный огонь). При этом, как отмечает К. Кляйне, «бессмертные» в «*Хонтё: синсэн-дэн*» в большинстве своем «не делают ничего такого, чего не делал бы обычный буддийский отшельник» [Kleine 2004, 81]. Монашеские обеты не мешают стать «бессмертным», а помогают: уединение в горах, избегание злаковой и тем более мясной пищи, чтение «Лотосовой сутры» и совершение обрядов способствуют продлению жизни. Набора качеств, обязательных для «бессмертного», у Масафуса нет, достаточно одного из перечисленных. В древности «бессмертные» помогали править государям; они хранили святыне места, пока не пришла пора построить там буддийские храмы; в более поздние века они выручали из беды странников, заплутавших в горах, или же являли образец упорства, невозмутимости и умения довольствоваться малым. Во многом эти черты соответствуют образу «бессмертного» у Лю Сяна и Гэ Хуна. При этом речь о «снадобье бессмертия» заходит лишь единожды (в рассказе 22-м), да и там зелье не вполне срабатывает: герой научается летать, но невысоко, ученикам приходится снизу подталкивать его посохами. С богами у японских «бессмертных» отношения непростые: кто-то, как Эн-но гёдзя, подчиняет их своей воле; кто-то, как Тайтё и Нитидзо, вопрошает, желая узнать, с какими буддами или бодхисаттвами их соотнести; кому-то помогают божества – защитники Закона Будды.

С «*Кондзяку*» «*Хонтё: синсэн-дэн*» имеет несколько пересечений (в двенадцати рассказах из тридцати сохранившихся; из утраченных, вероятно, к рассказу 11–24 был близок рассказ об отшельнике Кумэ). Отчасти пересечения, вероятно, объясняются общим источником – сводом преданий о чудесах «Лотосовой сутры» в Японии (см. таблицу 1), но к ним дело не сводится. В некоторых случаях общие мотивы толкуются по-разному: например, замечательные успехи в каллиграфии монаха Кукай в «*Кондзяку*» отмечены, но с темой «бессмертных» не связаны.

¹⁴ В «*Кондзяку*» он – учитель Кэнсина, а в «*Хонтё: синсэн-дэн*» он сам, а не Кэнсин, основывает храм Киёмидзу.

Таблица 1

«Хонтё: синсэн-дэн»	«Кондзяку»	«Хоккэ гэнки»
2. Царевич Сётоку	11–1	1–1
3. Эн-но гёдзя	11–3, 11–4	–
4. Тайтё	12–1	3–81
6. Мирянин Гёэй	11–32	–
7. Монах Кётай	11–28	–
8. Монах Хоон	11–32	–
9. Монах Кукай	11–9, 11–25	–
10. Монах Эннин	11–11	1–4
11. Отшельник Ёсё	13–3	2–44
12. Ученик Ёсё		
20. Монах в Ооминэ	13–1, 20–39	1–11
27. Монах в Хира	13–2	1–18

Я согласна с К. Кляйне, что «Масафуса, в отличие от Гэ Хуна, явно не пытается проповедовать такой культ (даосский – *Н.Т.*), ...а просто доказывает, что японцы способны и обретать бессмертие, и писать истории о бессмертных точно так же, как и китайцы» [Kleine 2004, с. 81–82]. При этом особенность японских историй о «бессмертных», которую отмечает Андо Дайрю для «Кондзяку» [Andō 1974, с. 28], в еще большей степени характерна для сборника Масафуса: если «бессмертные» являются людям, делятся знаниями или творят чудеса, то не затем, чтобы направить на даосский путь, а просто чтобы помочь. И поскольку такие истории в «Хонтё: синсэн-дэн» преобладают, то и остальные рассказы, где говорится лишь о том, что в таком-то месте видели человека, похожего на «бессмертного», тоже могут пониматься с этой точки зрения: раз бессмертный явился, значит, помог людям хотя бы своим примером.

Еще более важной чертой, общей для рассказов о *сэннин* и *синсэн* в обоих сборниках, мне представляется следующая: сами «бессмертные» в них появляются, когда их кто-то находит, им принадлежит не активная роль, а реактивная, либо они не действуют вовсе, а только допускают, чтобы их увидели. О большинстве рассказов можно утверждать, что перед нами не столько история «бессмертного», сколько история человека, который встретился с «бессмертным» и получил совет, ответ на вопрос, какое-то полезное чудо. И если смотреть с этой точки зрения, то традиция встреч с «бессмертными» оказывается намного более связной, чем традиция самих поисков бессмертия: по каким бы причинам эти существа ни достигли чудесного долголетия, встреча с ними доказывает встречному, что он идет верным путем: к просветлению, если это монах, к высотам мастерства, если это поэт или каллиграф, и т.д.

Вместо заключения

Андо Дайрю в свое время начал разбор рассказов о «бессмертных» с того, что главное в них – мечта людей о долгой блаженной жизни, причем не в Чистой земле, а в здешнем мире, пусть и вдали от человеческого сообщества; даосские наставления, как и буддийские, строятся на этой мечте и предлагают разные средства для ее исполнения. Я бы сказала, что в «Кондзяку» за теми историями, где задействованы понятие *сэннин* и близкие к нему, стоит еще и другая мечта: о вечной традиции, имеющей некое начало в том мире, который рассказчики

и их слушатели считают своим, – и это начало буддийское, – но имеющей также и долгую предысторию в иных веках, в иных изводах на иных языках. Каждый может найти для себя место в этой традиции независимо от того, согласен он с нею или нет: если не в качестве «хранителя», то в качестве долгожителя, готового подтвердить, что мир и прежде, и теперь в чем-то устроен одинаково, и помочь тем, кто в этом мире страдает. В текущем веке встречи с «бессмертными» и их чудесами учат людей тому, что традиция некоторым образом жива – независимо от расцвета или упадка учености, от того, многочисленны или редки подвижники, готовы ли их почтить толпы людей или лишь немногие знатоки старины, – и в этом смысле сэннин вполне правомерно величаются «живыми буддами», живыми примерами того, о чем в свое время говорил Будда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гэ Хун. Баопу-цзы / пер. с кит., коммент., предисл. Е.А. Торчинова. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение. 1999.
- Коляда М.С. Мудрость и мудрецы в «Собрании стародавних повестей» // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 161–173.
- Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / исследования и переводы Н.Н. Трубниковой, М.В. Бабковой и М.С. Коляды под ред. А.Н. Мещерякова. 2018–2022. <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1> (дата обращения: 08.20.2023).
- Нихон рёики. Японские легенды о чудесах / пер. со старояп., предисл. и коммент. А.Н. Мещерякова. Санкт-Петербург: Гиперион. 1995.
- Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость // издание подготовил А.Н. Игнатович. Москва: Ладомир. 1998.
- Трубникова Н.Н. «Главный смысл Закона Будды» у Догэна и его современников // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 160–183.

REFERENCES

- Ignatovich, A.N. (Trans.). (1998). *Sutra o beschislennykh znacheniyakh. Sutra o Tsvetke Lotosa Chudesnoy Dkharmy. Sutra o postizhenii deyaniy i Dkharmy bodkhisattvy Vseob'yemlyushchaya Mudrost'* [Lotus Sutra]. Moscow: Lodomir. (In Russian).
- Kolyada, M.S. (2023). *Mudrost' i mudretsy v «Sobranii starodavnikh povestei»* [Wisdom and Sages in *Tales of Times Now Past*]. *Voprosy filosofii*, 1, 161–173. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (Trans.) (1995). *Nihon ryōiki. Yaponskie legendy o chudesakh* [Nihon ryōiki. Japanese Legends About Miracles]. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Torchinov, E.A. (Trans.). (1999). *Ge Khun. Baopu-tszy* [Ge Hong. *Baopuzi*]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).
- Trubnikova, N.N. (2015). «Glavnyi smysl Zakona Buddy» u Dogena i ego sovremennikov [“General Idea of Buddha’s Teaching” by Dōgen and His Contemporaries]. *Voprosy filosofii*, 7, 160–183. (In Russian).
- Trubnikova, N.N., Babkova, M.V., Kolyada M.S. (2018–2022). *Konjaku monogatari shū*. Russian Translation and Research Papers. Ed. By A.N. Meshcheryakov. Retrieved from <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1> (In Russian).

* * *

- Andō Dairyū. (1974) *Sennin kō. Konjaku monogatari shū wo chūshin to shite* [On Immortals, Based on *Konjaki Monogatari-shū*]. *Beppu daigaku kokugo kokubungaku*, 16, 23–31. (In Japanese).

- Inoue Mitsusada, Ōsone Shokuke. (Eds.). (1995) *Ōjōden* [Rebirth Tales]. *Hokke genki* [Miracles of Lotus Sūtra]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Kleine, Ch. (2004). Rebirth and Immortality, Paradise and Hell – Conflicting Views of the Afterlife in Ancient Japan. In Formanek S., LaFleur W.R. (Eds.), *Practicing the Afterlife: Perspectives from Japan* (pp. 63–98). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Kohn, L. (1995). Taoism in Japan: Positions and evaluations. *Cahiers d'Extrême-Asie*, 8 (8), 389–412.
- Konjaku monogatari-shū* [Anthology of Tales from the Past]. (1999–2002). Ed. by Mabuchi Kazuo, Kunisaki Fumimaro, Inagaki Taiichi. Tokyo: Shogakkan. (In Japanese).
- Konjaku monogatari-shū* [Anthology of Tales from the Past]. (2022). Ed. By Nakagawa Satoshi. In *Yatagarasu-nabi. Koten Bungaku Denshi tekisuto kenshaku* [Electronic text search for classical literature Yatagarasu-nabi]. Retrieved from http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (In Japanese).
- Mabuchi, K., Kunisaki, F., Inagaki, T. (Eds.). (1999–2002). *Konjaku monogatari-shū*. Tokyo: Shogakkan. (In Japanese).
- Nakagawa, Satoshi. (Ed.). (2022). *Konjaku monogatari-shū*. In *Yatagarasu nabi. Koten bungaku denshi tekisutokenshaku* [Yatagarasu Japanese Classics Database]. Retrieved from http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (In Japanese).
- Richey, J.L. (Ed.). (2015). *Daoism in Japan. Chinese Traditions and Their Influence on Japanese Religious Culture*. London: Routledge.

Поступила в редакцию: 27.04.2023

Received: 27 April 2023

Принята к публикации: 11.07.2023

Accepted: 11 July 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-49-62

Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии)

А.В. Луговской, Ю.С. Пестушко, Е.В. Савелова

Аннотация. Становление культурных особенностей народа, специфики его мировоззрения и этнопсихологии во многом происходит под влиянием географического фактора, включающего местоположение государства, природно-климатические особенности, наличие/отсутствие выхода к морям или океанам и т.д. Одним из относительно новых терминов в российской и зарубежной гуманитарной науке является понятие «инсулярность» (insular, insularity), под которым понимается «изолированное происхождение», «островное положение», «эффект острова». Понятие «инсулярность» фиксирует не только факт географической изолированности, но и культурно-политическое и этнокультурное наполнение данного термина. Представленное исследование преследует цель проанализировать влияние географической инсулярности Великобритании и Японии на формирование у народов этих стран «островного» мышления, отличительных социокультурных черт. В статье рассматривается, насколько фактор географической предопределенности стал решающим в становлении этнокультурного своеобразия англичан и японцев. Определенное внимание в работе также уделено изучению вопроса о свойственных носителям «инсулярных» культур особенностях национального характера. В работе отмечается, что островное положение Великобритании и Японии, а также природно-климатические условия этих стран предопределили не только специфику расселения людей на острове и особенности ведения ими хозяйства, но и обусловили особенности менталитета и национальной психологии этих стран. Определяющим фактором в формировании национальной идентичности как британцев, так и японцев стал образ «другого», образ «врага». Подобное разделение между «своим» и «чужим» легло в основание ряда ценностей культур обеих стран. Инсулярные культуры Японии и Великобритании имеют несколько существенных отличий. Япония имеет более выраженное иерархическое общество, где уважение к старшим и авторитетам является ключевым аспектом японской культуры. Великобритания, напротив, имеет более индивидуалистическое общество с меньшей степенью иерархии. Япония более традиционна, и в японской жизни культурные и религиозные обычаи, нормы и ценности имеют очень важное значение. В свою очередь, Великобритания более современна и более пластично вписывает в практику своей жизни множество иных культурных традиций и новых идей. Японская культура более фокусируется на коллективизме, в то время как Великобритания, отчасти находясь под влиянием европейского менталитета, больше ориентирована на индивидуализм и личную свободу.

Ключевые слова: *инсулярность, остров, островное мышление, менталитет, этнокультурная идентичность, монархия, Великобритания, Япония.*

Авторы: *Луговской Александр Витальевич, доцент высшей школы европейской лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (адрес: 680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136). ORCID: 0000-0003-1846-4316; E-mail: 009449@pnu.edu.ru.*

Пестушко Юрий Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (адрес: 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112), профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (адрес: 680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136); ORCID: 0000-0002-9397-8096; E-mail: yuripestushko@mail.ru.

Савелова Евгения Валерьевна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (адрес: 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112); ORCID: 0000-0002-3913-8520; E-mail: savelova_ev@hgiik.ru.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: А.В. Луговской, Ю.С. Пестушко, Е.В. Савелова. Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии) // Японские исследования. 2023. № 3. С. 49–62. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-49-62.

Insularity as a core of ethnocultural identity (a comparative study of Great Britain and Japan)

A.V. Lugovskoy, Y.S. Pestushko, E.V. Savelova

Abstract. The formation of cultural characteristics of a nation as well as the peculiarities of its worldview and ethnic psychology are largely influenced by the geographical factor which comprises the location of a country, its climate, the access or absence of access to seas, oceans, etc. One of relatively new terms in the Russian and foreign humanities is “insularity” which is understood as “isolated origin,” or “island location,” or “the island effect.” The notion of insularity is not only constituted by the fact of geographic isolation, but it also includes certain cultural, political, and ethnocultural features. The study aims to analyze the effect of the geographic insulation of Great Britain and Japan on the formation of island mentality and specific socio-cultural characteristics of these two island nations. The authors discuss the defining role of the geographical factor in the formation of the aforesaid characteristics of the British and the Japanese. The article particularly focuses on the study of national character traits typical of the two insular cultures. The study argues that the insular location of Great Britain and Japan as well as the climatic and natural conditions of these countries not only predetermined the specifics of human settlement and their economy but also shaped the mentality and worldviews of the people inhabiting the islands. The key factor in forming the national identity of both the British and the Japanese is the image of the Other, the image of the enemy. The distinction between the Self and the Other has underpinned a number of key national values. At the same time, the insular cultures of the UK and Japan display certain differences. Japan is a country with a distinct hierarchical social organization in which respect for older people and superiors is a key cultural characteristic. In contrast, the UK has a less hierarchical individualistic society. Furthermore, Japan is more conventional from the point of view of its cultural and religious institutions, norms and values. In its turn, the UK is more modern and possesses an ability to flexibly incorporate other cultural traits and new ideas. Finally, Japanese culture focuses more on collectivist practices whereas the UK being partly under the influence of European mentality is more oriented towards individualism and personal freedom.

Keywords: insularity, island, island mentality, mentality, ethnocultural identity, monarchy, Great Britain, Japan.

Authors: *Lugovskoy Alexander V.*, PhD (Philology), Associate Professor at the Higher School of Eurolinguistics and Cross-cultural Communication, Pacific National University (address: 136, Tihookeanskaya St, Khabarovsk, 680035, Russian Federation). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1846-4316>; E-mail: 009449@pnu.edu.ru.

Pestushko Yuri S., Doctor of Sciences (History), Associate professor, Professor at the Department of Culture and Museum Studies, Khabarovsk State Institute of Culture (address: 112, Krasnorechenskaya St., Khabarovsk, 680045, Russian Federation), Professor at the Department of English Philology and Intercultural Communication, Pacific National University (address: 136, Tihookeanskaya St, Khabarovsk, 680035, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9397-8096; E-mail: yuripestushko@mail.ru. E-mail: yuripestushko@mail.ru.

Savelova Eugenia V., Doctor of Sciences (Philosophy), PhD (Culture Studies), Associate professor, Professor at the Department of Culture and Museum Studies, Khabarovsk State Institute of Culture (address: 112, Krasnorechenskaya St., Khabarovsk, 680045, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-3913-8520; E-mail: savelova_ev@hgiik.ru.

Conflict of interests: The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Lugovskoy, A.V., Pestushko, Y.S., Savelova, E.V. (2023). Insulyarnost' kak yadro etnokul'turnoi identichnosti (na primere sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza Velikobritanii i Yaponii) [Insularity as a core of ethnocultural identity (a comparative study of Great Britain and Japan)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2023, 3, 49–62. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-49-62.

Введение. Понятия «инсулярность» и «островной менталитет»

Одним из относительно новых терминов в российской и зарубежной гуманитарной науке является понятие «инсулярность», трактуемое также как «изолированное происхождение», «островное положение», «эффект острова». На сегодняшний день указанное понятие является предметом логико-понятийного анализа специалистов в области лингвистики, культурологии, этнопсихологии и других научных направлений.

Инсулярность – прежде всего географический термин, под которым понимается островной ландшафт либо участок однотипной местности, окруженный со всех сторон другим территориальным комплексом. Понятие «инсулярность» включает в себя такие типы изолированных ландшафтов, как надводные острова и архипелаги [Мильков 1993, с. 169–170].

В современном английском языке фиксируются два основных значения слова *insular*: 1) ограниченный, проявляющий интерес к своей группе, стране; 2) похожий на остров [Longman Dictionary 1992, p. 682]. Производное существительное *insularity* также трактуется двояко: 1) состояние островной изолированности; 2) состояние физической и ментальной изолированности как результат проживания на острове [Simpson, Weiner 1989, p. 1055]. Таким образом, коннотативно отрицательное значение, содержащее в себе семантику ментальной ограниченности, выносится на второе место.

Становление культурных особенностей народа, особенностей его мировоззрения и этнопсихологии во многом происходит под влиянием географического фактора, включающего в себя местоположение государства, природно-климатические особенности, наличие/отсутствие выхода к морям или океанам и т.д. Не случайно определения понятий *insular* и *insularity* фиксируют не только факт географической изолированности, но и культурно-политическое и этнокультурное наполнение данного термина. В частности, особенностями так называемого островного менталитета (*island mentality*) являются этноцентризм, представления о собственной исключительности и превосходстве островного сообщества над остальным миром. Кроме того, носителям «островного менталитета» могут быть свойственны заносчивость и шовинизм. Таким образом, сформировавшийся в условиях географической изолированности островной менталитет как форма коллективного мышления может иметь негативную коннотацию.

Идеи инсулярности и этнокультурной идентичности инсулярных народов вписываются в контекст социогуманитарных размышлений о соотношении универсального и уникального

в культуре. Эти размышления и дискуссии возникли в первой половине XX в. в рамках американской школы культурной антропологии (Ф. Боас, М. Херсковиц, А. Крёбер, К. Уисслер, Р. Бенедикт, М. Мид, Л. Уайт, Э. Сепир и др.) и остаются до сих пор актуальными.

Универсальное и уникальное являются двумя основными аспектами культуры, которые тесно взаимосвязаны. Универсальные черты понимаются как общие для всех культур, включая такие элементы, как язык, религия, искусство, традиции, семейные отношения, образование, технологии и особенности поведения. Универсальная модель культуры описывает те основные компоненты, которые представлены во всех культурах мира, независимо от этнической, географической и социальной принадлежности. Уникальное же относится к специфическим характеристикам каждой культуры, которые дают ей индивидуальность, неповторимость и своеобразие.

Американская школа культурной антропологии фокусировалась на описательном и сравнительном анализе культур и поиске их общих закономерностей. Главной идеей школы было развитие культурной антропологии как науки о культуре и поиска путей изучения и понимания культурных различий между разными народами и обществами. Школа была основана на представлении, что существуют определенные общие характеристики культур в разных частях мира, которые можно изучать и сравнивать. Научный метод, используемый в американской культурной антропологии, предполагал наблюдение и участие наблюдателя в жизни того или иного народа и понимания его культуры через его собственные привычки, традиции и убеждения. Как писал К. Клакхон, антропологи «интересовались необычными, драматическими и непонятными аспектами человеческой истории и хотели знать, почему одними управляют короли, другими – старики, третьими – воины, а женщины – никем; почему у одних народов наследство передается по мужской линии, у других – по женской, а у третьих – и по той, и по другой; почему одни люди болеют и умирают, если они считают, что их заколдовали, а другие смеются над этим» [Клакхон 1998, с. 23].

Одной из ключевых для концепций американской школы культурной антропологии была идея культурного релятивизма – уважения к культурным особенностям каждого народа и отсутствия оценки их по стандартам своей собственной культуры. Согласно этому подходу, каждая культура должна быть понята и оценена в контексте своих собственных ценностей, норм и традиций. Этот подход отвергает идею существования единой нормы для всех культур и подчеркивает разнообразие и уникальность каждой культуры. В рамках культурного релятивизма антропологи стремятся избежать этицизма и суждений о других культурах, используя только объективные данные и факты в своих исследованиях и описаниях. Эту позицию кратко и точно сформулировал М. Херсковиц: «Признать, что право, справедливость, красота могут иметь столько же проявлений, сколько культур, – это значит проявить не нигилизм, а терпимость» [Herskovits 1955, p. 547].

Таким образом, принципиальная установка американской школы культурной антропологии на несводимость различных культур к одному основанию привела к появлению абсолютно нового взгляда, суть которого заключалась в рассмотрении каждой отдельной культуры как уникального целого, формирующегося под воздействием природного окружения, культурных контактов и других самых разнообразных факторов.

Представляется, что этнокультурная идентичность инсулярных народов определяется рядом особенностей, связанных с их географическим положением, историей и традициями. К таковым особенностям можно отнести следующие характеристики:

1. Уникальность окружающей природной среды. Океан и моря, окружающие острова, оказывают сильное влияние на физические и культурные характеристики инсулярных народов, их социальную структуру, религиозные верования, повседневную жизнь, нравы и обычаи. Инсулярные народы могут быть более уязвимыми для изменений внешней среды, таких, как климатические изменения, проблемы экологии, наводнения и другие природные бедствия.

2. Культурная изоляция. Инсулярные народы живут на островах, что делает их географически отрезанными от остального мира. Эта изоляция может приводить к развитию уникальных традиций, особенностей языка и культурных практик. С другой стороны, инсулярность часто приводит к предубеждению и недоверию к другим культурам, так как люди, живущие внутри изолированных культурных общин, боятся изменений и новшеств.

3. Кросс-культурное взаимодействие. Несмотря на изоляцию, многие инсулярные народы были подвержены сильному влиянию других культур в результате торговли и колониальной экспансии. Как результат, культуры инсулярных народов часто представляют собой сочетание элементов многих культур при сохранении, тем не менее, собственной целостной «национальной картины мира».

До недавнего времени в большинстве гуманитарных дисциплин термин «инсулярность» чаще всего применялся при описании Великобритании и особенностей менталитета ее жителей. Например, Е.В. Волкова трактует инсулярность как часть языковой и понятийной картины мира британцев [Волкова 2022, с. 18]. Л.Л. Баранова и Л.Ф. Мишина приравнивают этот термин к островному мышлению и определяют его как «неотъемлемую часть языковой картины мира британцев, которых часто характеризуют как людей отстраненных и высокомерных» [Баранова, Мишина 2021, с. 116].

Вместе с тем понятия «инсулярность» и «островное мышление» могут быть применены к описанию менталитета не только населения Великобритании. Некоторые примеры инсулярных культур, которые были хорошо изучены, включают культуру Полинезийских, Маркизских, Гавайских островов, островов Фиджи, Ирландии, Мальты и др. Определенный интерес представляет проведение сравнительного анализа социокультурных и этнокультурных особенностей населения Великобритании и жителей Японских островов, чей групповой менталитет и совокупность индивидуально-личностных установок сформировались в условиях островной изоляции.

Представленное исследование преследует целью проанализировать, насколько географическая инсулярность Великобритании и Японии оказала влияние на формирование у народов этих стран «островного» мышления, отличительных социокультурных черт. Кроме того, в статье рассматривается, насколько фактор географической предопределенности стал решающим в становлении этнокультурных особенностей англичан и японцев. Определенное внимание в работе также уделено изучению вопроса о свойственных носителям «инсулярных» культур особенностях национального характера.

Инсулярная культура Великобритании

Британские острова представляют собой архипелаг, состоящий из двух крупных островов – Великобритании и Ирландии, а также свыше тысячи более мелких островов. На архипелаге расположены две страны – Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, занимающее о. Великобритания, северную часть о. Ирландии и большинство входящих в архипелаг островов (около 243 тыс. кв. км), а также Республика Ирландия, занимающая большую часть одноименного острова (70 тыс. кв. км) [Gillespie, Williamson 2009, p. 116].

Исторически данная область не всегда являлась островной. Согласно геологическим данным, отделение острова Великобритания от материковой Европы произошло примерно 100 000 лет назад в результате таяния ледников и вымывания известняковых пород между островом и континентом.

Заселение острова человеком началось свыше 700 000 лет назад [Stringer, 2011], когда Великобритания не была отделена от материка. Однако климатические условия не позволяли человеку закрепиться на данной территории до относительно недавнего времени (примерно

13 000–8 800 лет назад), то есть до окончания последнего ледникового периода [Gillespie, Williamson 2009, p. 117].

Об усилении роли островного национального сознания можно говорить лишь начиная с XVI в. До этого не существовало ни единого территориального, ни единого политического пространства. Несмотря на относительную самостоятельность и сплоченность Англии, остальные территории (по большей части Уэльс и Шотландия) на протяжении долгого периода представляли собой множество раздробленных княжеств и королевств, которые с переменных успехом вели друг с другом междоусобные войны.

XVI в. заложил в британцах основы островной империалистической идеологии и национального самосознания, которые объединяли людей и придавали им особый статус собственной исключительности, самостоятельности и независимости от остального мира. В их основании, согласно Д. Армитажу, лежали такие черты, как английский протестантизм, освоение моря и расширение торговли – характеристики, предопределившие развитие страны как ведущей колониальной морской державы [Armitage 2004].

Протестантизм явился ответом Англии на абсолютное влияние папской католической церкви. Разорвав отношения с Римом ради политических и, главным образом, личных целей, Генрих VIII создал в 1529 г. Реформационный парламент, деятельность которого привела к появлению Англиканской церкви. Выпущенный 1534 г. «Акт о супрематии» (Act of Supremacy) провозглашал короля главой Англиканской церкви и закреплял за страной особый религиозный статус.

Параллельно с Реформацией в Англии аналогичные процессы происходили в Уэльсе и Шотландии. В 1530–1540 гг. Уэльс не только провел Реформацию, но и рядом законодательных актов включил себя в английскую систему управления. Реформация затронула и Шотландию, находившуюся в то время в более сложных отношениях с Англией, чем Уэльс: соответствующие акты были приняты в 1560 г. Несмотря на то, что Шотландия была завоевана Англией лишь в 1650–1652 гг., Реформация запустила процесс сближения двух стран [Блэк 2008, с. 170–171].

Происходившие в XVI в. процессы способствовали объединению территорий, расположенных на британском острове, а инсулярность начала закрепляться как политическое образование, выстраиваясь в границах единого географического объекта. Активное освоение англичанами моря, начавшееся на рубеже XV и XVI вв., было связано, прежде всего, с тем, что страна начала строить трехмачтовые судна с прямым парусным вооружением и галеоны. До этого, как подмечает А. Ламберт, инсулярность (здесь – именно островное положение. – А.Л., Ю.П., Е.С.) не имела какого-либо стратегического преимущества для страны [Lambert 2018, p. 266].

В дальнейшем, с развитием мореходства и вооружения, Англия стала наращивать свою мощь как военная и торговая держава. Во время англо-французской войны 1543–1546 гг. Англия смогла противопоставить французам собственный флот и морскую армию, успешно проявивших себя в ряде военных событий, в частности, взятии Булони (1544 г.). У англичан усиливалось чувство собственной защищенности, обеспеченное островной изолированностью: естественные морские границы позволяли Англии поддерживать свою относительную безопасность, что давало толчок к освоению новых земель и развитию торговых отношений за пределами Европы.

Примечательно, что долгая история отношений между англичанами и французами заложила основания оппозиции «свой» – «чужой». Существующая в английском языке поговорка *The wogs begin at Calais* (Черномазые начинаются с Кале) хорошо иллюстрирует то, как географические границы Ла-Манша определяют и культурные границы, за пределами которых для британцев начинаются земли «варваров».

Идея инсулярности находила выражение и в творчестве самого значительного поэта и драматурга того времени – У. Шекспира. А. Фалконер отмечает, что своим творчеством

Шекспир нашел выражение яркому патриотизму, в основе которого лежала идея об избранности родного англичанам острова [Falconer, 1964]. Многие произведения У. Шекспира содержат в себе строки, в которых подчеркивается как факт островной изолированности и защищенности, так и островное величие и богоизбранность родного писателю острова. В частности, сюда относятся строки из пьесы «Генрих VI», в которых Англия представлена как защищенная не только «непроходимым забором» морей, но и самими богом [Shakespeare 1937, p. 691]. В другой пьесе – «Король Иоанн» – Англия предстает как отгороженный стеной моря бастион, защищающий от иноземцев [Shakespeare 1937, p. 18]. Пожалуй, самыми знаменитыми словами Шекспира, подчеркивающими инсультарность в ее наибольшей степени, стали строки из пьесы «Ричард II» [Shakespeare, p. 107]. В них остров предстает одновременно и царственным, и божественным местом, полураем, в котором мифологические и религиозные традиции придают ему особый статус.

Исследователи [Lambert 2018; Falconer 1964] подчеркивают, что усиление инсультарности в политическом отношении порождало и соответствующий язык, который находил свое выражение в творчестве писателей и мыслителей того времени. Ярким представителем в этом смысле являлся Томас Мор (1478–1535) – философ, писатель и государственный деятель. В 1518 г. из-под его пера вышла книга «Утопия», в которой Мор отразил свои представления об идеальном островном государстве – острове-Утопии, берег которого «настолько укреплен природой или искусством, что немногие защитники со стороны суши могут отразить огромное войско» [Мор 2022, с. 59].

Утопия, представленная Мором, – не только хорошо укрепленное место, но и особое политическое образование. Его правители, избираемые демократическим путем из числа ученых, справедливы и мудры. Произведение Т. Мора невольно наводило жителей Британских островов на мысль о самой Британии, находящейся в процессе осознания своей этнокультурной идентичности, поэтому изображавшийся остров наделялся как поэтическим, так и политическим содержанием.

С середины XVI в. британская инсультарность как часть национальной идентичности становится предметом детального рассмотрения английских гуманистов. Такие понятия, как «география», «территория» и «история» в восприятии гуманистов были связаны между собой идеей государственности [Прошлое для настоящего..., с. 215].

Большую популярность в то время приобретает антикварианизм, или исследование истории по ее артефактам. Английские антиквариации пытались понять суть исторического движения своей страны и определить ее место и роль в структуре мирового порядка. Среди английских антикварианцев стоит назвать такие имена, как У. Рели, Дж. Стоун, Дж. Селден. Но, пожалуй, наиболее ярким их представителем являлся Уильям Кемден (1551–1623) – английский историк и археолог, наиболее значимым трудом которого оказалась выпущенная в 1586 г. книга «Британия» (Britannia).

Уже на первых страницах У. Кемден называет Британию «самым знаменитым островом в мире» [Camden 1722], тем самым задав тон на понимание своей страны как уникального места. Инсультарность в представлении Кемдена – особое пространственно-временное образование. Пространство этого образования очерчивалось как совокупность различных территорий и земель, объединенных британским островом. Время же представало в вертикальном срезе: Британия изображалась как преемница Римской империи, как исторически сложившееся государство, взявшее лучшие античные традиции и соединившее их со своими устоявшимися религиозно-мифологическими представлениями. История Кемдена – это территориальная история, политически объединенная идеей британского государства [Fussner 2010].

Особый интерес вызывает отношение к институту монархии в Великобритании. Знаменитая британская формула «Король царствует, но не правит» (The King reigns but does not rule) достаточно хорошо подчеркивает ритуальный и символический характер

монархического правления в стране, при котором монарх как бы оказывается вне реально принимаемых решений, тем самым сохраняя относительно высокий уровень народного признания и уважения. Достаточно упомянуть королеву Елизавету II, во время семидесятилетнего правления которой сменилось 15 премьер-министров.

Опубликованные недавно результаты исследования, проведенного британским национальным центром социальных исследований Nat Cen, подтверждают тезис об устойчивости высоких показателей поддержки британской королевы. Согласно предоставленному отчету, поддержка монарха в период с 1994 по 2021 г. в среднем держалась на уровне 67%. В 2021 г. 31% респондентов сказали, что монархия для страны «очень важна» (very important), а 24% подчеркнули ее относительную важность (quite important) [British Social Attitudes 2022].

Монархия по большей части встречает поддержку у старшего поколения. Согласно тому же отчету, 44% людей старше 55 лет отметили важность сохранения монархического строя [British Social Attitudes 2022]. Это подтверждает тезисы и о традиционализме системы правления в стране, и о склонности британцев к поддержанию сложившихся устоев и традиций. Неслучайно Г.Д. Гачев называет Британию «консервами» Евразии [Гачев 1995, с. 433].

Для британцев сакральное значение имеет возраст монархии. Соединяя прошлое и настоящее, британский монарх олицетворяет собой преемственность истории и традиций, что создает видимость незыблемости порядков, правил и самого уклада жизни. Для обычного британца это подпитывает веру в себя и наполняет смыслами собственное существование, а также упрочивает национальную идею.

Подобное восприятие политического строя объясняет и реакцию на смерть Елизаветы II в сентябре 2022 г. Согласно национальному опросу, 76% людей были огорчены уходом монарха, при этом 44% отметили, что не сдерживали слез [Smith 2022]. Это были слезы по ушедшей эпохе и, возможно, от неопределенности будущего, которое вносит свои коррективы в порядок вещей, задавая свой темп жизни и открывая глаза на реальную действительность. Другими словами, британская инсулярность с точки зрения отношения к институту монархии представляет собой темпоральное понятие, за которым стоят столетия формирования и развития нации.

Инсулярная культура Японии

Япония – островное государство, состоящее из четырех больших (Хоккайдо, Хонсю, Сикоку и Кюсю) и множества мелких островов, которые протянулись вдоль восточной оконечности Евразийского континента на 3500 км. Японию часто называют «небольшим» островным государством. Вместе с тем, по своей площади (372,2 тыс. кв. км), Япония превосходит не только Италию, но и Великобританию – самый крупный из Британских островов. Территория Японского архипелага подвержена частым тайфунам и землетрясениям. Каждый год фиксируется примерно 1,5 тыс. землетрясений различной силы, поскольку страна расположена в одной из самых сейсмоактивных зон.

Подобно Великобритании, Япония не всегда была географически отделена от континента. В эпоху Плейстоцена (от 2 580 000 до 11 700 лет назад – последний период оледенений на Земле) Япония была соединена с северо-запада с Евразией сухопутными переходами. Поскольку уровень океана был ниже современного примерно на 140 м., переселенцы могли проникать на территорию архипелага как с севера (современный Хоккайдо), так и с юга (современный Кюсю). Формированию ранней культуры населения Японии способствовал тот факт, что в вышеуказанный период ее территория представляла собой общий массив суши, не разделенный, как сейчас, на острова [Мещеряков 2004, с. 30].

Социокультурное значение японской модели инсулярности сформировалось под гораздо более заметным влиянием географического фактора. На протяжении большей части своей истории Япония существовала обособленно от других государств Восточной Азии. Указанное обстоятельство объяснялось не только географической отдаленностью Японских островов от Азиатского материка, но и «закрытостью» Японии. Большинство событий, происходивших в соседнем Китае, обходили Японию стороной. Во многом именно в силу отдаленного географического положения Японии на ее территории складывалась совершенно особая культура, характеризующаяся высокой степенью гомогенности. В отличие от западного мира, где постоянно шли процессы культурного взаимопроникновения и межкультурного взаимодействия, японская культура формировалась в условиях культурно-географической обособленности, когда инокультурные заимствования были достаточно редким явлением. В отличие от Великобритании, становление японской культуры происходило в условиях гораздо большей изоляции от остального мира.

Японский вариант культурной обособленности способствовал формированию у населения Японских островов ценностно-поведенческих установок. В Японии успешно прижилась особая система геополитических представлений, согласно которой весь мир делится на «культурный центр» и «варварскую периферию». Для японцев племена *хаято*, проживавшие на юге страны и *айну*, заселявшие север Японии, являлись соседями-варварами. Подобное отношение распространялось и на европейцев. Португальцев и испанцев, прибывших в Японию в XVI в., японцы пренебрежительно называли *намбандзин* (南蛮人 – «южные варвары»), тогда как выходцы из протестантских стран – англичане и голландцы именовались *комодзин* (紅毛人 – «красноволосые варвары») [Гришачев 2015, с. 50–51].

Концепция «культурный центр – варварская периферия» получила распространение во многих странах восточноазиатского региона. Именно «культурная инсулярность» Японии, основу которой составляла вышеупомянутая концепция, стала одной из главных причин значительных сложностей, возникших при попытках европейских держав установить дипломатические контакты с этой страной.

Высокий уровень культурной гомогенности и отсутствие иностранцев в Японии в эпоху самоизоляции страны (1641–1853 гг.) способствовали возникновению в японском менталитете оппозиции «свой» (内/uti) – «чужой» (外/soto). Граница между «своими» и «чужими» носит ситуационный характер и зависит от системы отсчета. Например, если говорить о рабочем коллективе, то коллеги по работе входят в число «своих», а если точкой отсчета выступает семья, то здесь сослуживцы перейдут в разряд «чужих». Однако все отношения в японском социуме строятся именно по принципу «свой» – «чужой». В более широком смысле деление на «своих» и «чужих» может сводиться к противопоставлению всего японского всему «неяпонскому» [Орлянская 2009, с. 47–48].

Японская инсулярность и «островной менталитет» способствовали возникновению у населения Японии отчасти схожей с англичанами модели национальной идентичности – осознание себя как «особой» нации. Речь идет даже не столько об «избранности», сколько о собственном божественном происхождении и чувстве превосходства над другими народами. Данная модель национальной идентичности имеет самое прямое отношение к религиозному самосознанию японцев, которое заметно отличается от сложившейся системы верований в восточноазиатских государствах. Основу основ японского менталитета составляет синтоизм. В эпоху Эдо в Японии на основе догматов синтоизма возникла идеология *кокутай* (国体 – государственный строй), суть которой составляет управление народом императорами, являющимися потомками богов, которые в начале времен послали их на землю. Нельзя не согласиться с мнением В.В. Кожевникова, что «... понятие *кокутай* отражало представление о превосходстве Японии над прочими странами мира и служило до конца Второй мировой войны основанием для пропаганды национализма» [Кожевников 2014, с. 170].

Отношение к себе как к «особой» нации особенно проявилось после русско-японской войны, из которой Япония вышла победителем. Для многих японских политиков и простых японцев незавидное экономическое послевоенное положение своей страны компенсировалось осознанием победы над Российской империей. Гордость подданных Японии за свое отечество вскоре переросла в явно завышенную оценку японских вооруженных сил и неверное понимание возможностей этого государства на мировой арене.

В июле 1905 г., еще до подписания мирного договора между Японией и Россией, либеральное немецкое издание *Berliner Tageblatt* в свойственной прессы образной манере заметило, что «вся Япония напоминает человека, никогда не пившего ни капли вина, и вдруг <...> после нескольких глотков под влиянием опьянения начинающего себя считать полубогом»¹.

У очевидцев русско-японской войны имелось достаточно оснований для того, чтобы упрекнуть японцев в завышенной самооценке. Например, верхняя палата парламента Японии, оценив по достоинству заслуги японских вооруженных сил, в то же время пафосно назвала региональный русско-японский военный конфликт, в котором, к слову, японское правительство первым запросило мира, «судьбоносным событием для Японской империи, от которого зависело благополучие в Восточной Азии»².

На волне подъема национализма в Японии стали появляться философско-геополитические концепции, в рамках которых японские ученые и мыслители (Кандзо Утимура, Нитобэ Инадзо, Иноуэ Энрё, Суэмацу Кэнтё и др.) рассуждали о «великих задачах, стоящих перед Японией, сумевшей соединить в себе самое лучшее из Востока и из Запада, <...> и живительный дух (healthy fluid) которой должен наполнить весь мир» [Taylor 1983, p. 216]. Указывалось также на консолидирующую роль Японии в деле объединения и «ассимиляции восточноазиатских народов под японским началом, на принципах твердости в управлении и свободы в обществе» [Nitobe Inazo 1912, p. 256], [Suyematsu Kencho 1905, p. 337]. Кроме того, заявлялось, что на Японских островах в ближайшее время разовьется некая единая историческая цивилизация, которая затем подчинит себе весь остальной мир³.

Победная эйфория на какое-то время избавила население Японских островов от адекватного восприятия реальности. Только этим можно объяснить высказывавшееся суждение о возможности установления границы между Японией и Россией по озеру Байкал и утверждение о готовности Японии захватить Владивосток в течение 24 часов⁴.

Подобно тому, как в Великобритании монархическое правление существует на протяжении практически всей истории государства (исключение составляет разве что республиканское правление О. Кромвеля в 1649–1660 гг.), в Японии «начиная с императора Дзимму, династическая императорская линия никогда не прерывалась, и потому нынешний император Акихито (с 1 мая 2019 г. император Японии – Нарухито. – А.Л., Ю.П., Е.С.) является сто двадцать пятым потомком первого верховного правителя Японии» [Панов 2012, с. 172–173].

На протяжении всей истории Японии император являлся священным для японцев. Население Японских островов не приняло китайскую модель конфуцианства, в соответствии с которой институт императорской власти не имеет абсолютного характера. В силу этого история Страны восходящего солнца (в отличие от того же Китая) не знает случаев свержения императора в ходе каких-либо социальных потрясений. Во многом именно почитание императора и осознание японцами незыблемости института императорской власти обусловило достаточно высокий уровень гражданственности населения Японии, его ориентированности

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф. 89, Оп. 1, Д. № 11, Л. 87.

² Благодарственная резолюция верхней палаты японского парламента вооруженным силам. Архив Национального института оборонных исследований (Токио). Ф. Бунко тидэ сирё 220.

³ РГВИА, Ф. 89, Оп. 1, Д. № 11, Л. 87.

⁴ РГВИА, Ф. 2000, Оп. 1, Д. № 1070, Л. 103–105.

на коллектив, а не на внутрисемейные связи. В этом смысле очень показательным является сравнение японского и китайского социумов, которое приводит Ф. Фукуяма – «гранит и песок». В данном случае речь идет о сопоставлении японского общества с гранитным монолитом, которое менее подвержено угрозе социальных катаклизмов и где принято на первый план ставить интересы коллектива (в более широком смысле – государства), а не свои личные интересы [Фукуяма, 1997]. Таким образом, в Японии обязанности перед государством и императором ставятся выше, чем собственные права и интересы.

Японский вариант конфуцианства с его сакрализацией института императора сформировал среди японцев трепетное отношение к императорской власти не только в самой Японии. Например, после Февральской революции в России, приведшей к падению монархии, как в высших правительственных кругах, так и на уровне простых обывателей высказывалось немало слов сочувствия в адрес Николая II, хотя отношения с Россией к тому времени уже не отличались особой теплотой. В газетных публикациях не только не промелькнуло ни одного неуместного высказывания в адрес Николая II, но и напротив – японцы постарались объяснить решение последнего российского императора отречься от престола патриотическими мотивами, а именно нежеланием русского царя подвергать в столь трудную минуту страну ужасам гражданской войны⁵.

Заключение.

Британская и японская культуры: общее и особенное

Таким образом, констатируем, что островное положение Великобритании и Японии, климатические и природные особенности этих стран предопределили не только специфику расселения людей на острове и особенности ведения ими хозяйства, но и обусловили особенности менталитета и национального сознания народов этих стран. В понятии «инсулярность» заложен большой объединяющий потенциал, который составляет ядро национальной идентичности и создает фундамент для ее ценностного наполнения. Инсулярность следует рассматривать как физическую и метафизическую границу, отделяющую своего от чужого. Далеко не случайно образ «другого», образ «врага» стал определяющим фактором в формировании национальной идентичности как британцев, так и японцев. Подобное разделение между «своим» и «чужим» легло в основание ряда ценностей культур обеих стран. Островной менталитет как составная часть ценностных установок британской и японской культур сформировал в национальном сознании англичан и японцев семантику особенности, «отграниченности» и нередко высокомерного отношения к другим народам.

Подчеркнем также, что инсулярные культуры Японии и Великобритании имеют несколько существенных отличий.

Во-первых, Япония является островной страной на Тихоокеанском побережье, а Великобритания – островом в Северной Европе. Это формировало различные культурные традиции и обычаи.

Во-вторых, Япония имеет более выраженное иерархическое общество, где уважение к старшим и авторитетам является ключевым аспектом японской культуры. Великобритания же имеет более индивидуалистическое общество с меньшей степенью иерархии. В-третьих, Япония более традиционна, и в японской жизни культурные и религиозные обычаи, нормы и ценности имеют очень важное значение. В свою очередь, Великобритания более современна и более пластично вписывает в практику своей жизни множество иных культурных традиций и новых идей.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), Ф. «Японский стол», Оп. 493, Д. № 925 (Ч. 1), Л. 70).

В-четвертых, японская культура больше фокусируется на коллективизме, где группа имеет большое значение, в то время как Великобритания, отчасти находясь под влиянием европейского менталитета, больше ориентирована на индивидуализм и личную свободу.

Понятия инсулярность и «островной менталитет» представляют большой теоретический и практический научный интерес с точки зрения выявления этнокультурных особенностей, присущих островным народам, а также для прогнозирования межкультурных и межэтнических процессов в современном мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баранова Л.Л., Мишина Л.Ф. Вербальное отражение концепта 'insularity' как составной части понятийной картины мира британцев (на материале журнала The Economist) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 2. С. 112–121. DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-2-112-121
- Блэк Дж. История Британских островов / пер. с англ. С.В. Иванова. Санкт-Петербург: Евразия. 2008.
- Волкова Е.В. Сравнительный анализ языковых концептов «INSULARITY» и «GEZELLIGHEID» в британской и нидерландской картинах мира // Современный ученый. 2022. № 6. С. 16–19.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. Москва: Прогресс-Культура. 1995. 480 с.
- Гришачев С.В. Контакты России со странами Дальнего Востока в XVIII–XIX вв. // Российско-японские отношения в формате параллельной истории / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Иокибэ. Москва: МГИМО–Университет. 2015. С. 49–87.
- Клакхон К.К.М. Зеркало для человека: Введение в антропологию. Санкт-Петербург: Евразия. 1998.
- Кожевников В.В. Синто и национализм в Японии (проблема храма Ясукуни) // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). С. 166–179.
- Мещеряков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. Москва: Наталис. 2004.
- Мильков Ф.Н., Бережной А.В., Михно В.Б. Терминологический словарь по физической географии: справ. Пособие / под ред. Ф.Н. Милькова. Москва: Высшая школа. 1993.
- Мор Т. Утопия // Классическая утопия. Москва: АСТ. 2022. С. 3–152.
- Орлянская Т.Г. Истоки своеобразия японской культуры // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 46–57.
- Панов А.Н. Институт императора и его место в государственной системе современной Японии // Ежегодник Японии. 2012. Том 41. С. 172–185.
- Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под ред. Л.П. Репиной. Москва: Аквилон. 2020.
- Фукуяма Ф. Конфуцианство и демократия // Русский журнал. 25.12.1997. http://www.hrono.ru/libris/lib_f/fukuyama03.html?ysclid=lh7fobymqn468635742 (дата обращения 03.05.2023).

REFERENCES

- Baranova, L.L., Mishina L.F. (2021). Verbal'noe otrazhenie kontsepta 'insularity' kak sostavnoi chasti ponyatiinoi kartiny mira britantsev (na materiale zhurnala The Economist) [Verbal Reflection of the "Insularity" Concept as Part of the British Conceptual Worldview (Based on the Material of The Economist Magazine)]. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 27(2), 112–121. (In Russian). <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-112-121>. (In Russian).
- Black, J. (2008). *Istoriya Britanskikh ostrovov* [A History of the British Isles]. Saint Petersburg: Evraziya, 2008. (In Russian).

- Fukuyama, F. (1997). Konfutsianstvo i demokratiya [Confucianism and Democracy] Retrieved May 3, 2023, from http://www.hrono.ru/libris/lib_f/fukuyama03.html?ysclid=lh7fobymqn468635742
- Gachev, G.D. (1995). *Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psikhos-Logos* [National Images of the World. Cosmo-Psychos-Logos]. Moscow: Progress-Kul'tura. (In Russian).
- Grishachev, S.V. (2015). Kontakty Rossii so stranami Dal'nego Vostoka v XVIII–XIX vv. [Contacts of Russia with the Countries of the Far East in the 18th–19th Centuries]. In A.V. Torkunov, M. Iokibe (Eds.), // *Rossiisko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noi istorii* [Russian-Japanese Relations in the Format of a Parallel History]. A.V. Torkunov, M. Iokimbeh (Eds.). Moscow: MGIMO – University. (In Russian).
- Klakhon, K.K.M. (1998). *Zerkalo dlya cheloveka: Vvedenie v antropologiyu* [Mirror for Man : Introduction to Anthropology]. Saint Petersburg: Evraziya. (In Russian).
- Kozhevnikov, V.V. (2014). Sinto i natsionalizm v Yaponii (problema khrama Yasukuni) [Shinto and Nationalism in Japan: The Problem of the Yasukuni Shrine]. *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific], 4 (86), C. 166–179. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2004). *Kniga yaponskikh simvolov. Kniga yaponskikh obyknovenii* [Book of Japanese Characters/Symbols. Book of Japanese Customs]. Moscow: Natalis. (In Russian).
- Mil'kov, F.N., Berezhnoi, A.V., Mikhno, V.B. (1993). *Terminologicheskii slovar' po fizicheskoi geografii* [Terminological Dictionary of Physical Geography]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).
- More, Th. (2022). Utopiya [Utopia]. In *Klassicheskaya utopiya* [Classical Utopia] (pp. 3–152). Moscow: AST. (In Russian).
- Orlyanskaya, T.G. (2009). Istoki svoebraziya yaponskoi kul'tury [The Origins of the Originality of Japanese Culture]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and, Intercultural Communication] 19. *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 4, 46–57. (In Russian).
- Panov, A.N. (2012). Institut imperatora i ego mesto v gosudarstvennoi sisteme sovremennoi Yaponii [The Institute of the Emperor and his Place in the State System of Modern Japan]. // *Ezhгодnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 41, 172–185. (In Russian).
- Repina, L. (2020). *Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti: kollektivnaya monografiya* [The Past for the Present : History / Memory and Narratives of National Identity]. Moscow: Akvilon. (In Russian).
- Volkova, E.V. (2022). Sravnitel'nyi analiz yazykovykh kontseptov «INSULARITY» i «GEZELLIGHEID» v britanskoi i niderlandskoi kartinakh mira Sravnitel'nyj analiz jazykovykh kontseptov «INSULARITY» i «GEZELLIGHEID» v britanskoi i niderlandskoi kartinakh mira [Comparative Analysis of the Linguistic Concepts “INSULARITY” and “GEZELLIGHEID” in the British and Dutch Worldviews]. *Modern Scientist*, 6, 16–19. (In Russian).

* * *

- Armitage, D. (2004). *The Ideological Origins of the British Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
- British Social Attitudes to the monarchy (2022, September 9). *National Centre for Social Research*. Retrieved April 10, 2023, from <https://natcen.ac.uk/news/british-social-attitudes-monarchy>
- Camden, W. (1722). *Britannia, or, A chorographical description of Great Britain and Ireland, together with the adjacent islands*. Retrieved March 20, 2023, from https://archive.org/details/gri_britanniaora02camd
- Falconer, A.F. (1964). *Shakespeare and the Sea*. Retrieved March 20, 2023, from <https://archive.org/details/shakespearesea0000falc/page/n7/mode/2up?view=theater>
- Fussner, F.S. (2010). *The Historical Revolution: English Historical Writing and Thought 1580–1640*. London: Routledge.
- Gillespie, R., Williamson, M. (2009). Britain and Ireland. In R.G. Gillespie & D.A. Clague (Eds.), *Encyclopedia of Islands* (p. 116–126). University of California Press.

- Herskovits, M. (1955). *Cultural Anthropology*. New York: Alfred, A. Knopr. Inc. Ltd.
- Lambert, A. (2018). *Seapower States: Maritime Culture, Continental Empires and the Conflict That Made the Modern World*. Yale University Press.
- Longman Dictionary of English Language and Culture*. (1992). Harlow: Longman Group UK Limited.
- Nitobe, Inazo. (1912). *The Japanese Nation, Its Land, Its People, and Its Life: With Special Consideration to Its Relations With the United States*. New York: G.P. Putnam's Sons.
- Shakespeare, W. (1937). *The Works of Shakespeare in Four Volumes*. Vol. II. Mosco : Co-operative Publishing Society.
- Simpson, J.A., Weiner, E.S.C. (Eds.). (1989). Vol. VIII. *Internal – Looie*. Oxford: Clarendon Press.
- Smith, M. (2022, September 13). How have Britons reacted to Queen Elizabeth II's death? *YouGov*. Retrieved April 10, 2023, from <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2022/09/13/how-have-britons-reacted-queen-elizabeth-iis-death>
- Stringer, C. (2011). The Changing Landscapes of the Earliest Human Occupation of Britain and Europe. *Developments in Quaternary Science*, 14, 1–10. 10.1016/B978-0-444-53597-9.00001-7. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53597-9.00001-7>
- Suyematsu, Kencho. (1905). *The Risen Sun*. London: Archibald Constable.
- Taylor, J. (1983). *Shadows of the Rising Sun: a Critical View of the "Japanese Miracle."* New York: Morrow.

Поступила в редакцию: 04.05.2023

Received: 04 May 2023

Принята к публикации: 11.07.2023

Accepted: 11 July 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-63-75

Вопросы размещения японских пленных в России во время русско-японской войны (1904–1905 гг.)

С.Г. Серебрякова, Е.М. Османов

Аннотация. Статья посвящена проблеме японских военнопленных во время русско-японской войны. Эта проблема появляется в фокусе современных исследователей достаточно редко: обычно они пишут о политическом, военном, экономическом аспектах войны.

В данной статье описан процесс выбора мест для размещения захваченных в плен японских солдат и офицеров в 1904–1905 гг. К началу войны Россия взяла на себя ряд обязательств, так как в 1899 г. в Гааге подписала конвенцию «О законах и обычаях сухопутной войны», предписывающую обращаться с пленными, основываясь на гуманистических идеалах.

В процессе написания работы использовались новейшие исследовательские материалы, а также архивные документы. Используемые при написании статьи документы хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве.

При выборе места размещения пленных Военное ведомство столкнулось с очень сложной проблемой, так как необходимо было учитывать множество факторов: охрана пленных, наличие условий для их размещения, предотвращение возможной диверсионной деятельности. Последняя проблема живо обсуждалась в официальных документах того периода: были опасения, что японцы будут подрывать железные дороги, как они это делали в Маньчжурии.

Решение о размещении пленных на Дальнем Востоке было отвергнуто практически сразу ввиду близости к театру военных действий. Сибирь также не подошла, так как по ней проходила железная дорога – важнейшая транспортная артерия во время войны. Поэтому было принято решение размещать японцев в Европейской России. Сборным пунктом был выбран город Пенза, откуда военнопленных распределяли в города Казанского, Московского, Киевского и Петербургского военных округов.

Однако осенью 1904 г. Император Николай II издал указ о том, чтобы японцы не размещались вблизи мест прохождения русских войск. После этого указа всех решили разместить в одном месте. Для этого было выбрано село Медведь Новгородской губернии. Казармы, расположенные там, оказались пригодными для размещения относительно небольшого числа японских пленных, где они пробыли до конца войны.

Ключевые слова: русско-японская война, военнопленные, конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны», русский плен, РГВИА, село Медведь, японцы в России.

Авторы: Османов Евгений Магомедович, кандидат исторических наук, доцент Кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки, Восточный факультет, Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ) (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11); ORCID: 0000-0003-2520-5187. E-mail: osmanov1979@mail.ru

Серебрякова Светлана Георгиевна, ассистент кафедры японоведения, Восточный факультет, Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ) (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11); E-mail: serebryakovaspbu@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: С.Г. Серебрякова, Е.М. Османов. Вопросы размещения японских пленных в России во время русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Японские исследования. 2023. № 3. С. 63–75. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-63-75.

About choosing places of stay for the Japanese prisoners of war in Russia during the Russo-Japanese War (1904–1905)

S.G. Serebryakova, E.M. Osmanov

Abstract. The article concerns the problem of prisoners of war during the Russo-Japanese war. The problem appears in the focus of modern researchers quite rarely: they usually write about political, military, and economic aspects of the war. The article describes the process of choosing the places of stay for the captured Japanese soldiers and officers in 1904–1905.

By the beginning of the war, Russia assumed a number of obligations, since, during the Conference in Hague in 1899, it signed the Convention with respect to the Laws and Customs of War on Land, prescribing the treatment of prisoners based on humanistic ideals.

The sources used during writing the work represent the latest research materials and the archival documents. These documents are stored in the Russian State Military Historical Archive (RGVIA) in Moscow.

While determining the places for the Japanese stay, the Military department faced a severe problem, since it was necessary to take into account different factors: whether it would be possible to ensure guarding the prisoners of war, whether there was a suitable building for their accommodation, whether the Japanese soldiers and officers would have opportunities to commit sabotage. The latest issue was vividly discussed in the official documents of the period: there were concerns that the Japanese would destroy railways, as they did in Manchuria.

The idea that the place for the Japanese prisoners should be in the Far East was rejected almost immediately due to its proximity to the theater of operations. Siberia also did not fit, since a railway passed through it – the most important transport artery during the war, so it was decided to place the Japanese in European Russia. The city of Penza was chosen as a collection point, from where prisoners of war were distributed to the cities of the Kazan, Moscow, Kiev, and Saint Petersburg military districts.

However, in the autumn of 1904, Emperor Nicholas II issued a decree that the Japanese should not be stationed near the passage of the Russian troops. After that it was decided to accommodate all Japanese prisoners of war in one place: in the village of Medved, Novgorod province. The barracks located there were perfect for housing a small number of Japanese prisoners, where they stayed until the end of the war.

Keywords: Russo-Japanese War, prisoners of war, Convention on the Laws and Customs of War on Land, Russian captivity, RGVIA, Medved Village, Japanese in Russia.

About authors: Osmanov Evgeny Magomedovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University (SPbSU) (address: 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 11); ORCID: 0000-0003-2520-5187. E-mail: osmanov1979@mail.ru

Serebryakova Svetlana Georgievna, Assistant of the Department of Japanology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University (SPbSU) (address: 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 11). E-mail: serebryakovaspbu@gmail.com

Conflict of interests: Serebryakova, S.G., Osmanov, E.M. (2023). Voprosy razmeshcheniya yaponskikh plennykh v Rossii vo vremya rusско-yaponskoï voyny (1904–1905 gg.) [About choosing places of stay for the Japanese prisoners of war in Russia during the Russo-Japanese War (1904–1905)]. Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia], 2023, 3, 63–75. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-63-75.

Введение

Русско-японская война (1904–1905 гг.) – непростой период в истории отношений двух стран. Для Японии эта война была первой войной с европейской державой. Создание мощной армии, флота, стабилизация экономической системы, преодоление политических кризисов и консолидация японского общества во второй половине XIX в. внесли значительный вклад в усиление Японии. Победа Японии в японо-китайской войне (1894–1895 гг.) продемонстрировала ее готовность к расширению своего влияния в Азии. Полученная контрибуция от Китая позволила Стране восходящего солнца осуществить подготовку к дальнейшим активным действиям в Корее и Маньчжурии.

Проблема положения японских пленных в России во время русско-японской войны представляет интерес как с точки зрения исторических исследований, так и с точки зрения исследований в области международного и отечественного права. Актуальность данной темы обусловлена тем, что гуманитарные вопросы во время войны имеют большую важность и в настоящее время. Работу можно считать освещающей ранее практически не изученный аспект русско-японской войны

Степень изученности вопроса

Работ по теме японских военнопленных русско-японской войны не так много, в отличие от работ по русским пленным в Японии или по японским пленным в Советском Союзе. Можно выделить несколько основных. Статья историка И.В. Хохлова «Военнопленные русско-японской войны 1904–1905 гг. в селе Медведь Новгородской губернии» [Хохлов 2017] раскрывает исторический контекст событий, а также описывает условия размещения пленных в казармах села Медведь. Значительный вклад в изучение темы внес Д.В. Стрельцов в работе «Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии» [Стрельцов 2022]. В этой статье автор фокусируется на материальном обеспечении военнопленных. При всей важности данных работ стоит отметить, что аспект размещения военнопленных японцев в других местах Российской Империи там не затронут. Для нашей темы также важна работа российского историка В.Г. Дацышена «Депортированные и военнопленные японцы в Сибири 1904–1905 гг.» [Дацышен 2007], в которой он на основе архивных материалов приводит существенные для настоящего исследования цифры и факты о транспортировке японцев через Сибирь.

В японской историографии также не наблюдается большого числа исследований проблемы японских пленных. Можно выделить труд видного японского ученого в области права Кида Ёсито «Проблема военнопленных русско-японской войны и международное право» [Kida Y. 2004]. Автор статьи сосредоточился на правовом контексте проблемы военнопленных, поэтому, несмотря на упоминание лагеря в с. Медведь [Kida Y. 2004, p.216], вопросы размещения там практически не упомянуты.

Что касается научных работ, специально посвященных вопросам размещения и выбора места содержания пленных японцев во время русско-японской войны, то в отечественной и зарубежной историографии их не обнаружено. Настоящая статья – попытка синтезировать

информацию, содержащуюся в указах, распоряжениях, международных конвенциях, отчетах и переписке Военного ведомства, а также охарактеризовать систему, которую создала Российская Империя для размещения пленных.

Для понимания исторического контекста необходимо отметить, что в 1899 г. делегация Японии участвовала в крупной международной конференции, проходившей в Гааге. На конференции, одним из инициаторов которой была Россия, обсуждался ряд вопросов по гуманизации войны, в частности, вопросы обращения с военнопленными. В итоге была принята Конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны»¹. Россия и Япония подписали и в дальнейшем ратифицировали эту Конвенцию, предписывающую обращаться с пленными человеколюбиво, обеспечивать их питанием, крышей над головой и медицинским обслуживанием. На момент начала русско-японской войны Конвенция действовала в обеих странах. Таким образом, Россия в отношении японских пленных опиралась на те же нормы, что и Япония в отношении русских пленных.

Большой пласт информации по исследуемой теме содержится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), а именно в 400 фонде – оп. 3, д. № 2566 «О военнопленных японцах, размещение пленных» (датировано 28.04–27.10.1904 г.).² Дело представляет собой телеграммы, докладные записки Главному Штабу, инструкции начальникам штабов военных округов, рапорты и другие документы. В деле содержатся данные о сборных пунктах, местах окончательного размещения пленных, указания для размещения пленных и др. Также интересным представляется дело того же фонда № 2574³, в котором содержится много информации о лагере в с. Медведь.

После начала войны российское Военное ведомство не сразу выпустило внутренние указы, регулирующие обращение с японскими пленными. 13 мая 1904 г. оно издало Временное положение о военнопленных русско-японской войны⁴, а 23 июля 1904 г. был выпущен Циркуляр № 203 с инструкцией по содержанию военнопленных⁵. В тексте последнего документа говорится о том, что инструкция была составлена на основании «Временного Положения о военнопленных Русско-Японской войны»⁶.

Основные моменты, которые касаются вопросов распределения японских военнопленных в местах временного содержания, а также в лагерях военнопленных, содержатся в пунктах IV («Снабжение военнопленных разного вида довольствием») и VI («Порядок содержания военнопленных при войсковых частях»)⁷. Помимо этих общих положений, в архивах сохранилась переписка начальников воинских частей с Главным Штабом.

Состав военнопленных

Сложно точно сказать, сколько именно пленных японцев находилось на территории Российской Империи во время войны. Основной причиной этого было несовершенство

¹ CONVENTION WITH RESPECT TO THE LAWS AND CUSTOMS OF WAR ON LAND (HAGUE, II) (29 July 1899). https://avalon.law.yale.edu/19th_century/hague02.asp

² РГВИА Ф. 400, Оп.3, Д. 2566.

³ РГВИА Ф.400, Оп.3, Д. 2574.

⁴ Временное положение в тексте статьи будет приведено из «Иллюстрированной летописи русско-японской войны».

⁵ Циркуляры Главного Штаба за 1904 год. Циркуляр №203 от 23 июля 1904 года <http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (дата обращения: 05.05.2022).

⁶ Циркуляры Главного Штаба за 1904 год. Циркуляр №203 от 23 июля 1904 года <http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (дата обращения: 05.05.2022).

⁷ Циркуляры Главного Штаба за 1904 год. Циркуляр №203 от 23 июля 1904 года <http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (дата обращения: 05.05.2022).

системы учета. Кроме того, часть пленных умерла через небольшое время после пленения, так как многие японцы сдавались в плен, будучи тяжело ранеными. Также были японцы, казненные за шпионаж, однако они не считались военнопленными.

Данные о пленных поступали в распоряжение Главного Штаба (куда регулярно присылались списки из мест окончательного пребывания пленных)⁸, Министерства Иностранных Дел, Морского ведомства. Эти данные суммировались и обрабатывались в справочном бюро о военнопленных⁹. Справочное бюро заводило на каждого выявленного военнопленного информационную карточку, называемую *fiche individuelle*¹⁰, в которой указывалось имя пленного, его вероисповедание, чин, место и время пленения и т.д.

Бюро составляло также общие списки пленных. Однако ввиду незнания сотрудниками японского языка, имя пленного могло быть искажено, вследствие чего одного человека могли принять за двух разных людей. Кроме того, мог быть изменен порядок написания фамилии и имени, что приводило к тем же последствиям. Общение между военнопленными и российскими властями осуществлялось при помощи переводчиков, в сборных пунктах предписывалось назначать по возможности переводчиков из числа русских подданных, а в местах итогового водворения на роль переводчика допускались иностранные граждане [Хохлов 2017, с. 191].

Во время сражений в плен попадали не только солдаты и офицеры японской армии. Например, при потоплении корабля «Кинсю-мару» были подобраны пассажиры, а также слуги, торговцы и другие гражданские лица¹¹. В самих списках, которые должен был отправить начальник воинской части, в которой размещались пленные, в Главный штаб, они обычно значатся в соответствии со своим статусом и национальностью (кроме японцев, в плен в разное время попадали англичане, корейцы, китайцы, американцы и др.) Также известно про попадание в плен норвежца¹². Временное положение о военнопленных отдельно указывало на то, что японские подданные – члены экипажей торговых судов – также могли быть взяты в плен. Сопровождающие армию корреспонденты и маркитанты могли быть пленены по усмотрению командующего действующей армии или же отпущены¹³.

Итоговый подсчет числа японских военнопленных на территории Российской Империи представлял проблему в первую очередь для самого Военного ведомства, так как в течение войны не велся должный учет самих пленных и расходов на них. Можно говорить о приблизительном числе в 2000 человек (солдат и офицеров) [Хохлов 2017, с.193]. О таком же количестве пишет Д.В. Стрельцов [Стрельцов 2022, с.125]. Посчитать точно, сколько именно японцев сдалось в плен, скорее всего, в настоящее время невозможно ввиду описанных выше обстоятельств.

Вопросы размещения пленных

В Военном ведомстве развернулась дискуссия о том, в какой части России размещать пленных. Японцы попадали в плен как во время морских, так и во время сухопутных сражений. Если пленный был ранен или болен, его размещали в госпиталях. О японцах,

⁸ Обзор деятельности Центрального справочного бюро о военнопленных во время Русско-Японской войны. Часть *Введение*. Составитель: делопроизводитель Бухе Е.А. Санкт-Петербург. 1907. С. 10–11.

⁹ Организация, основная функция которой был сбор информации о русских и японских пленных, выдача о них справок, запросы информации у японской стороны, а также пересылка и прием денег, вещей и прочих посылок пленным.

¹⁰ Обзор деятельности Центрального справочного бюро о военнопленных во время Русско-Японской войны. Указ. соч. С. 12.

¹¹ РГВИА, Ф 400, Оп. 3, Д. 2569. Л. 9–12.

¹² РГФИА, Ф.400, Оп.3 Д.2569. Л.320–321.

¹³ Временное положение о военнопленных Русско-японской войны // Иллюстрированная летопись русско-японской войны. Вып. 4. Санкт-Петербург, 1904. С. 40.

которые находились в госпитале, например, упоминает известный врач Е.С. Боткин в письмах к жене, написанных во время войны¹⁴. Если пленному не требовалось экстренной медицинской помощи, его отправляли в глубь Империи. «Военнопленные... по распоряжению главнокомандующего доставляются в особо назначенные в тылу армии ... сборные пункты для дальнейшего отправления военнопленных по назначению. Сборные пункты назначаются по соглашению военного министра с министром внутренних дел»¹⁵. Было определено, что военнопленные до сборных пунктов отправляются партиями под конвоем¹⁶. Пункт 52 Временного положения определял, что внутри Империи при местных войсках военнопленные содержатся в виде команд.¹⁷ Пункт 55 уточнял, что команды делятся на взводы, полуроты, роты и даже более крупные части, если число военнопленных будет значительным¹⁸, и содержатся они «относительно общего благоустройства и внутреннего порядка» в тех же условиях, что и местные части¹⁹. Пункт 57 говорил о том, что военнопленные могли быть размещены в казармах или в частных домах, «но непременно казарменным порядком»²⁰. Из Временного положения можно понять, что на момент его составления речь не шла о едином месте содержания пленных – в пункте 71 говорилось о прибытии к «местам назначения в Империи»²¹.

Вопрос выбора места содержания военнопленных стоял достаточно остро до конца войны. В дискуссиях на эту тему высказывались мнения о том, что разместить пленных можно на Дальнем Востоке, поскольку транспортировка пленных в Европейскую часть России требовала как материальных, так и человеческих ресурсов, поскольку во время пути они должны были находиться в сопровождении офицеров и унтер-офицеров. Тем не менее, несмотря на очевидные неудобства отправки военнопленных за Уральские горы, оставлять их на Дальнем Востоке также было нельзя.

Генерал-адъютант Е.И. Алексеев в телеграмме с просьбой указать места отправки военнопленных японцев и «лиц желтой расы» писал:

«... генерал-адъютант Куропаткин полагает нежелательным направлять их в Европейскую Россию и в Забайкалье и считает наиболее целесообразным высылать их в Амурскую область и размещать по станциям от Покровской до Благовещенска и в самом Благовещенске. Со своей стороны я не считаю возможным направлять их в Благовещенск, так как там будет затруднительно их окарауливать и они могут скрыться в Северную Маньчжурию и оттуда портить железную дорогу. Полагаю предпочтительно было бы посылать их в Европейскую Россию.

Прошу Ваше превосходительство не отказать в соответствующем разъяснении по возбуждаемому вопросу»²².

Таким образом видно, что во время войны существовали опасения, что японцы могут совершить побег и осуществлять диверсионную деятельность.

Представим телеграмму генерал-лейтенанта Сухотина от 25.04.1904 Военному министру:

¹⁴ Боткин Е.С. Свет и тени русско-японской войны 1904-5 гг. XXII. О пленных японцах. Тавагауза. 12-ое ноября 1904 г. http://az.lib.ru/b/botkin_e_s/text_1908_svet_i_teni_oldorfo.shtml (дата обращения: 03.05.2023).

¹⁵ Временное положение о военнопленных Русско-японской войны. Указ.соч. С. 41

¹⁶ Временное положение о военнопленных Русско-японской войны. Указ.соч. С. 41.

¹⁷ Временное положение о военнопленных Русско-японской войны. Указ.соч. С. 43.

¹⁸ Временное положение о военнопленных Русско-японской войны. Указ.соч. С. 43.

¹⁹ Временное положение о военнопленных Русско-японской войны. Указ.соч. С.43–44

²⁰ Временное положение о военнопленных Русско-японской войны. Указ.соч. С. 44.

²¹ Временное положение о военнопленных Русско-японской войны. Указ.соч. С. 45.

²² Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л.4–5

«... предупреждаю о молве, что среди пленных есть решившиеся продолжать борьбу, ... не останавливаясь ни перед какими средствами. Не будет ли безопаснее на первое время войны направить пленных ... в отдаленные уезды Сибири?»²³.

Очевидным, на первый взгляд, в таком случае было бы решение разместить пленных в Сибири: она достаточно удалена от театра поенных действий и расположена не так далеко от места пленения, как регионы Европейской России. «Город Томск назначен местом пребывания названных пленных в соответствии с мнением генерал-адъютанта Алексева, и по мнению Главного штаба является для нашего тыла более безопасным пунктом, чем село Лиственничное, находящееся вблизи железной дороги и города Иркутска»²⁴. В.Г. Дацышен со ссылкой на архивные документы сообщает, что в 1904 г. «на квартирном довольствии Томского Городского общественного управления находилось с 4 мая по 29 июня 26 офицеров и 182 нижних чина, с 29 июня по 4 июля – 68 офицеров и 237 нижних чинов, с 4 июля по 8 августа соответственно 68 и 251, с 8 по 14 августа – 38 офицеров и 256 нижних чинов» [Дацышен 2004, с. 53].

Однако, конечно, это нельзя назвать надежной системой централизованного размещения пленных. Также предположим, что охранять японцев при таком размещении было сложно. В итоге Сибирь стала лишь местом временного размещения, так как безостановочного трансфера в западную часть страны Военное ведомство обеспечить не могло. По цифрам также можно увидеть, что офицеров с 8 по 14 августа стало меньше, чем с 4 июля по 8 августа. О массовых смертях среди офицеров японской армии в Томске информации не обнаружено, поэтому можно сделать вывод о том, что офицеров отправили дальше по железной дороге в Европейскую Россию. Основным транспортом, на котором перевозились пленные, был поезд. «Из Владивостока железной дорогой 25 офицеров и 183 матроса, взятых при потоплении японских пароходов близ Гензана направлены мною с согласия наместника в Харбин и далее в Иркутск и Томск. Просьба сделать распоряжение в Иркутске о назначении им места пребывания»²⁵. Военнопленные японцы двигались через восточную Сибирь с марта 1904 г. по сентябрь 1905 г. по Сибирской железной дороге в западном направлении. Военнопленные направлялись до станции Байкал, где передавались в распоряжение начальства Сибирского военного округа [Дацышен 2007, с. 244].

Европейская Россия была выбрана в качестве места итогового водворения пленных. По всей видимости, основная причина состояла в том, что близость к Сибирской железной дороге была недопустима для Военного ведомства. Удаленность от железной дороги представлялась чрезвычайно важным фактором при определении места размещения, поскольку, как уже было сказано, существовали опасения, что пленные могут совершить диверсии. Железнодорожный транспорт играл в русско-японскую войну жизненно важную роль, так как по железным дорогам на фронт доставлялось все необходимое, а обратно шли санитарные поезда. Этим же путем японские военнопленные отвозились в Европейскую Россию. На западе России было легче осуществлять охрану пленных и существовало больше возможностей для централизованного размещения в казармах.

Д.В. Стрельцов говорит о еще одном аргументе в пользу выбора Европейской части: «Пленным нужно было продемонстрировать достаточный уровень экономического и культурного развития страны, а это можно было сделать только в европейской части России, но никак не в Сибири» [Стрельцов 2022, с. 125]. Это интересное предположение. Весьма вероятно, что подобные мысли у власти были, так как демонстрация величия страны всегда имела место в войнах. Безусловно, Российской Империи был важен престиж на мировой арене.

²³ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 20.

²⁴ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 23.

²⁵ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 7.

Это косвенно подтверждается тем, что официальный Петербург стал одним из инициаторов созыва и организаторов Гаагской конференции 1899 г.

Когда завершилась дискуссия о том, где размещать пленных: в Европейской или Азиатской части России, встал вопрос о выборе мест в качестве **сборного пункта**. Приведем отрывок из докладной записки Главному штабу от 24 апреля 1904 г.:

«В случае, если будет признано соответственно размещать военнопленных в Европейской России, полагалось бы, в видах скорейшего освобождения ... Азиатской России от лиц желтой расы, сборным для них пунктом, являющимся более или менее продолжительной задержки их, назначить г. Самару»²⁶. Самара подходила еще и тем, что там располагался сильный гарнизон, который мог справиться с «окарауливанием» пленных²⁷. Были также предложения назначить сборным пунктом Сызрань, расположенную недалеко от Самары, однако это встретило возражения ввиду того, что рядом располагался охраняемый мост через Волгу²⁸.

Однако в конечном итоге, после всех обсуждений сборным пунктом была назначена Пенза, находящаяся в том же Казанском военном округе.

Вышеупомянутый Циркуляр №203 определял, что «из района военных действий лица, подвергнутые военному плену, по распоряжениям Главнокомандующего, доставляются на сборный пункт в город Пензу, где военнопленные поступают в ведение уездного воинского начальника»²⁹. Вместе с этим указывалось, что «на сборном пункте военнопленные отнюдь не задерживаются. По мере прибытия военнопленных, из них формируются, для отправления внутрь Империи, партии, которые распределяются по пунктам, назначенным для постоянного их пребывания, согласно особых указаний Главного Штаба»³⁰. На начальника сборного пункта возлагалась также очень важная информационная функция: «Пензенский уездный воинский начальник, перед отправлением партий военнопленных, обязан сообщать по телеграфу названным войсковым начальникам о числе отправляемых военнопленных по разрядам (генералов, штаб-офицеров, обер-офицеров и нижних чинов)»³¹.

Ввиду того, что в Пензе не существовало военного лечебного заведения, было предложено отправлять больных военнопленных в симбирский, самарский и саратовский лазареты³² или же открыть в г. Пензе один запасной госпиталь³³. Таким образом, несмотря на то что изначально Пенза была не подготовлена для размещения пленных, именно этот город избрали в качестве сборного пункта, куда свозились пленные, а потом распределялись в места окончательного размещения.

Выбор места **постоянного размещения** также предоставлял серьезную проблему для Военного ведомства. Изначально в документах речь не шла о едином пункте окончательного водворения пленных. По нашему мнению, одна из причин заключалась в том, что в июле 1904 г., когда был издан Циркуляр №203, количество пленных, которых должна будет принять Российская Империя, ожидалось более внушительным, чем это оказалось на самом деле, поэтому такие пункты должны были находиться в нескольких городах.

²⁶ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 14.

²⁷ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 14.

²⁸ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 75.

²⁹ Циркуляры Главного Штаба за 1904 год. Циркуляр №203 от 23 июля 1904 года. <http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (дата обращения: 06.05.2023).

³⁰ Циркуляры Главного Штаба за 1904 год. Циркуляр №203 от 23 июля 1904 года. <http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (дата обращения: 06.05.2023).

³¹ Циркуляры Главного Штаба за 1904 год. Циркуляр №203 от 23 июля 1904 года. <http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (дата обращения: 06.05.2023).

³² Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 106.

³³ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 108.

В соответствии с п. 18 Циркуляра №203, «состоящие при войсковых частях военнопленные, согласно ст. 57 Вр. Положения, подлежат размещению в имеющихся, в местах расположения частей, свободных казармах; за неимением же таковых – в частных домах, но непременно казарменным порядком, причем отвод или наем этих помещений производится по правилам Устава о земских повинностях (изд. 1899 г.), на одинаковом основании с войсками»³⁴, что сужало выбор места размещения пленных до мест, где располагались гарнизоны и где можно было бы разместить и охранять несколько сот человек.

Дискуссия о выборе городов отражена в официальных документах. Неподготовленность России к войне косвенно подтверждается тем, что по прошествии нескольких месяцев военных действий места для содержания японцев еще не были четко обозначены. Уже во время войны начался сбор информации, где и в каком количестве можно разместить пленных. Например, 29 мая 1904 г. Штаб Киевского военного округа подал рапорт в Главный Штаб:

«Вр. Командующий войсками предназначил для расквартирования пленных японцев города 1/ Полтаву, 2/ Харьков, 3/ Киев, 4/ Курск.

Перечень городов сделан в той последовательности, которой желательно придерживаться при назначении пунктов пребывания пленных»³⁵. 5 июня 1904 г. Штаб Киевского военного округа по управлению Генерал-квартирмейстера подал новый документ, в котором отмечается: «В виду некоторых соображений хозяйственного свойства временно Командующий войсками округа приказал разработать соображения о размещении в г. Полтаве двух тысяч, в г. Киеве – одной тысячи и в г. Кременчуге – одной тысячи военнопленных японцев.

Пункты показаны в желательной последовательности размещения пленных. В г.г. Курске и Харькове не предполагается вовсе размещать военнопленных»³⁶.

Что касается Московского округа, то здесь были предложены города: Тамбов (до 200 человек), Рязань (до 500), Тула (до 500), Орел (до 500), Владимир (до 500), Нижний Новгород (до 120), Калуга (до 500), Москва (до 500), Ярославль (до 500), Кострома (до 400), Тверь (до 100), Смоленск (до 50).

Кроме того, военнопленные в случае надобности могли быть размещены в некоторых уездных городах губерний округа, а именно: в Моршанске и Козлове Тамбовской губернии до 150 человек в каждом; в городах Старице и Бежецке Тверской губернии и в городе Суздаль Владимирской губернии до 250 чел.³⁷

В Петербургском военном округе предлагалось размещение в селе Медведь Новгородской губернии, в Пскове и Архангельске. Всего же в этих городах места были для 214 офицеров и 10 420 нижних чинов³⁸.

Интересным представляется указание от 10 июля 1904 г.:

«... С разрешения Военного министра размещение пленных в намеченных пунктах района Петербургского военного округа будет производиться в третью очередь, после использования в этом отношении пунктов, намеченных в Московском и Киевском военных округах»³⁹.

Еще одним важным этапом стал сентябрь 1904 г., когда, согласно Императорскому указу от 9 сентября 1904 г., было решено «не размещать военнопленных в местностях, лежащих на пути следования наших войск на Дальний Восток»⁴⁰. То есть Москву не признали местом,

³⁴ Циркуляры Главного Штаба за 1904 год. Циркуляр №203 от 23 июля 1904 года. <http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (дата обращения: 06.05.2023).

³⁵ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 42.

³⁶ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 45.

³⁷ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 49.

³⁸ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 59.

³⁹ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 68.

⁴⁰ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 160.

подходящим для размещения пленных. Скорее всего, это было связано с теми же опасениями относительно того, что японцы в плену могут совершать диверсии.

В документе от 22 сентября 1904 г. генерал-майор Лопушанский писал: «Во исполнение такового высочайшего указания Военный министр приказал распределить военнопленных по возможности по глухим местам при условии нахождения там воинских частей.

Выяснение таких пунктов в пределах Московского военного округа, в котором в настоящее время размещены военнопленные, потребует значительного времени, и принимая во внимание сообщение Петербургского военного округа о возможности размещения военнопленных в селе Медведь и Новгороде, Главный штаб предполагал бы целесообразным ныне же перевезти всех военнопленных в названные два пункта»⁴¹.

Представляется интересным рапорт от 25 ноября 1904 г.:

«После неоднократных обращений к г.г. губернаторам из доставленных ими сведений усматривается, что военнопленные японцы могут быть размещены в следующих губерниях»:

В Костромской губернии:

Кострома	100 нижних чинов
Варнава	
Нерехт	40 нижних чинов
Юрьевец	50 нижних чинов
Кологрив	
Галич	75 нижних чинов
Буй	60 нижних чинов
	60 нижних чинов
	15 нижних чинов

Во Владимирской губернии:

В г. Суздале 250 нижних чинов и 5 офицеров, а всего в пределах Московского военного округа 650 нижних чинов и 5 офицеров.

Начальник штаба

Генерал-майор Барон Рауш фон Траубенберг».⁴²

26 сентября Петербургским военным округом в Главный Штаб был подан рапорт о необходимости приведения в порядок зданий для размещения японских военнопленных в селе Медведь. Сообщалось, что для этого требуется 2 недели⁴³. В рапорте от 8 октября говорилось:

«Помещения для пленных японцев в с. Медведь будут готовы:

Для офицеров к 10-му, для нижних чинов к 14-му октября. К этим же срокам помещения будут снабжены кроватями, постельными принадлежностями и мебелью, применительно к табели, приложенной к статье 637-й Устава о Земских повинностях изд. 1899 г., а именно на каждого офицера по стулу и скамейке и на двух офицеров по одному комоду или шкафу и вешалке»⁴⁴.

Также Петербургский военный округ предлагал возможность размещения пленных в Архангельске при Архангелогородском пехотном резервном батальоне, где можно было

⁴¹ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 162.

⁴² Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 176.

⁴³ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 185.

⁴⁴ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 195.

разместить нижние чины, однако офицеров пришлось бы размещать на частных квартирах⁴⁵. Кроме того, был вариант размещения пленных в Муравьевских казармах⁴⁶. Однако оба эти варианта не реализовались, так как казармы были заняты русскими войсками⁴⁷ и могли принять не такое большое количество японцев, как село Медведь.

Штаб Киевского военного округа отчитался о том, что размещение пленных в Кременчуге не представляется возможным, так как там находятся значительные интендантские, артиллерийские и войсковые склады и запасы, а также железнодорожный мост через реку Днепр⁴⁸.

В итоге к ноябрю 1904 г. выбор сократился до двух военных округов (Петербургского и Киевского), а внутри округов до нескольких мест, где можно было разместить пленных.

Что касается фактического размещения пленных, то В.Г. Дацышен пишет, что в первые месяцы войны японцы были размещены в различных городах Сибири, в частности, в Томске и Красноярске. А с лета 1904 г. пленные японцы вывозились в Европейскую Россию, минуя Томск [Дацышен 2007, с. 245].

Пока между военными округами и Главным штабом шла переписка о возможности размещения японцев в тех или иных казармах, японцы направлялись в различные города Европейской России. Как уже было сказано, основной сборный пункт находился в Пензе, откуда пленных переводили для окончательного водворения в города Московского, Киевского и Петербургского военного округов (до осени 1904 г.).

Однако после указа Николая II японцы были переведены из Московского военного округа. Таким образом, после октября 1904 г. основная часть японцев находилась в селе Медведь Новгородской Губернии. Также в архиве была обнаружена информация о нахождении японцев в г. Кобеляки, расположенном недалеко от Полтавы. Однако 9 октября 1904 г. начальнику штаба Киевского военного округа было послана телеграмма о безотлагательности отправления находящихся в Кобеляках военнопленных в село Медведь Новгородской губернии⁴⁹. 10 октября в Главный штаб пришел ответ о том, что распоряжение о безотлагательности перевозки не может быть выполнено ввиду забастовки служащих Харьковской Николаевской железной дороги⁵⁰. Позже было сообщено, что «военнопленные японцы отправлены в Медведь 25 октября шесть сорок вечера»⁵¹. Сложно однозначно сказать, почему было принято решение о переводе японцев из Киевского военного округа в Петербургский. Возможно, это было связано с еврейскими погромами в Киеве в августе 1904 г. и необходимостью использовать войска не для охраны военнопленных, а для подавления погромов.

Таким образом, к концу октября 1904 г. основная часть японских военнопленных находилась в селе Медведь. Кроме того, были военнопленные, которые оставались на лечении в Маньчжурии.

Отдельно скажем о том, каковы были условия размещения японцев в селе Медведь в расположении 199-го пехотного резервного Свирского полка. В качестве основного источника информации послужил официальный отчет по командировке генерал-майора Гершельмана. В нем сообщается, что к декабрю 1904 г. в казармах с. Медведь содержалось 418 человек, среди которых: 388 японцев, 4 англичанина, 21 кореец и 5 китайцев (4 человека находились в госпитале г. Новгорода). 15 декабря в с. Медведь был доставлен Майор Генерального Штаба

⁴⁵ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 213.

⁴⁶ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 213.

⁴⁷ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 220.

⁴⁸ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 215–216.

⁴⁹ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 273.

⁵⁰ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 274.

⁵¹ Ф. 400, Оп.3, Д. 2566. Л. 275.

Того с женой⁵². Все, за исключением женщины-японки, состояли в японской армии. Британцы вчетвером жили в отдельной комнате [Хохлов 2017, с. 193].

«Все военнопленные состоят в ведении особого штаб-офицера; ротами заведуют старшие штабс-капитаны; на должностях фельдфебелей, каптенармусов, взводных унтер-офицеров и кашеваров, – состоят унтер-офицеры и вице-унтер-офицеры и рядовые полка. Отдельные начальники назначены из состава военнопленных; помощники кашеваров также выбраны из японцев»⁵³. Интересным представляется положение о том, что сами военнопленные японцы были назначены начальниками. Это положение регламентировалось пунктом 12 Циркуляра №203: «Если взводы, составленные из военнопленных, подразделены на отделения и десятки, то отделенные и десяточные начальники могут назначаться из числа военнопленных»⁵⁴. На наш взгляд, несмотря на то, что определение военнопленных в одно место размещения требовало значительных сил и затрат, единообразную организацию размещения и быта в разных местах Империи осуществить было сложнее.

Офицеры содержались отдельно от нижних чинов и для них был выделен отдельный флигель. Для штаб-офицеров в распоряжении было по комнате для каждого, обер-офицеры делили комнату на 3–7 человек⁵⁵. Также приводится описание комнат: высокие потолки, помещения просторные и удобные⁵⁶.

Кроме того, сообщается о том, что офицеры спят на железных кроватях с тюфяком и подушками из перьев, нижние чины на нарах с соломенными тюфяками и подушками. У каждого имеется одеяло, две простыни и наволочки. Офицерские комнаты: шкафы для платья, комоды, малые столы, стулья и стенные вешалки. Помещения нижних чинов мебелью не обставлены⁵⁷.

В отчете приводится также много других деталей, раскрывающих особенности распорядка дня, материального довольствия, медицинской помощи, однако они не относятся к теме вопросов размещения пленных и анализ этих данных достоин отдельной статьи.

Выводы

В первые месяцы войны не существовало четкого понимания того, где размещать плененных японцев. Точность в определении правил обращения с военнопленными внесло Временное положение о военнопленных, появившееся в мае 1904 г. и основанное на материалах Гаагской конференции 1899 г. Система учета пленных была несовершенна в течение всей войны. До октября 1904 г. японцы, проследовав через Дальний Восток и Сибирь, размещались в разных городах Московского, Казанского, Киевского и Петербургского военных округов. После октября 1904 г. они все были переведены в село Медведь Новгородской губернии, где им были выделены просторные казармы и предоставлены достойные условия размещения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дацышен В.Г. Депортированные и военнопленные японцы в Сибири в 1904–1905 гг. // Ежегодник Япония. 2007. С. 240–248.

⁵² Ф. 400, Оп. 3, Д. 2574. Л. 1.

⁵³ Ф. 400, Оп. 3, Д. 2574. Л. 2.

⁵⁴ Циркуляры Главного Штаба за 1904 год. Циркуляр №203 от 23 июля 1904 года. <http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (дата обращения: 06.05.2023).

⁵⁵ Ф. 400, Оп. 3, Д. 2574. Л. 2

⁵⁶ Ф. 400, Оп. 3, Д. 2574. Л. 2.

⁵⁷ Ф. 400, Оп. 3, Д. 2574. Л. 2-3.

Дацышен В.Г. Японцы в Сибири конец XIX – начало XX в. // Известия Восточного института. 2004. С. 48–65.

Стрельцов Д.В. Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии // Ежегодник Япония 2022. Т. 51. С. 122–136. DOI: 10.55105/2687-1440-2022-51-122-136.

Хохлов И.В. Военнопленные русско-японской войны 1904–1905 гг. в селе Медведь Новгородской губернии // Ежегодник Новгородского государственного объединённого музея-заповедника, 2015. Великий Новгород. 2017. С. 189–201.

References

- Datsyshen V.G. (2004). Yaponsy v Sibiri konets XIX – nachalo XX v. [The Japanese in Siberia. Late 19th – Early 20th Centuries]. *Izvestia Vostochnogo instituta*, 48–65. (In Russian).
- Datsyshen, V.G. (2007). Deportirovannye i voennoplennye yaponsy v Sibiri v 1904–1905 gg. [Deported and Captured Japanese in Siberia in 1904–1905]. *Yearbook Japan*, 36, 240–248. (In Russian).
- Hohlov, I.V. (2017). Voennoplennye russko-yaponskoi voyny 1904-1905 gg. v sele Medved' Novgorodskoi gubernii [Prisoners of War of the 1904–1905 Russo-Japanese War in the Village of Medved of the Novgorod Province]. *Ezhegodnik Novgorodskogo gosudarstvennogo ob'edinennogo muzeya-zapovednika. 2015*, 189–201. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2022). Yaponskie voennoplennye russko-yaponskoi voyny v Arakcheevskikh kazarmakh Novgorodskoi gubernii [Japanese Prisoners of the Russo-Japanese War in the Arakcheev Barracks of the Novgorod Province] Yaponskie voennoplennye russko-yaponskoj vojny v Arakcheevskikh kazarmah Novgorodskoj gubernii. *Yearbook Japan*,. 2022. Vol. 51., 122–136. <https://doi.org/10.55105/2687-1440-2022-51-122-136> (In Russian).
- Hohlov I.V. Voennoplennye russko-yaponskoj vojny 1904-1905 gg. v sele Medved' Novgorodskoj gubernii. *Ezhegodnik Novgorodskogo gosudarstvennogo ob'edinyonnogo muzeya-zapovednika. 2015*. Velikij Novgorod, 2017. 189-201. (In Russian).

* * *

- Kida, Y. (2004). Nichiro sensō no horyo mondai to kokusaihō [The Problem of Prisoners of War During the Russo-Japanese War and the International Law]. In *The Military History № 40 (2-3)* (pp. 212–227). Tokyo: Kinseisha. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 15.05.2023

Received: 15 May 2023

Принята к публикации: 11.07.2023

Accepted: 11 July 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-76-87

Методология исследования мифов (*синва*) в работах историка Цуда Сокити (1873–1961)

К.В. Шуплецова

Аннотация. В данной статье рассматриваются подходы историка Цуда Сокити к исследованию мифов о богах, описанных в историко-мифологических сводах «Кодзики» и «Нихон Сёки». Цуда Сокити оставил след в японской исторической науке как ученый, применивший новые подходы к исследованию древних мифов. Историк применил накопленные знания, полученные в результате изучения передовых западных методов исследования, которые предложили Б. Чемберлен, Л. Ранке, и по-новому взглянул на древние исторические источники «Кодзики» и «Нихон сёки».

В период Мэйдзи был установлен государственный контроль над историческими исследованиями и сложилась официальная идеология, выстроенная вокруг фигуры императора. В частности, считалось, что события эры богов, описанные в древнейших письменных памятниках, являются подтверждением божественного происхождения императорского рода. Однако историк усомнился в истинности событий, относящихся к эре богов, и предпринял попытку прояснить причины возникновения мифов. Цуда не считает мифы полностью вымышленными историями, предполагая, что в их основе могли быть заложены реальные события, однако отрицает реальность существования богов.

Историк сравнил мифы в двух памятниках и выделил основную сюжетную линию, посвященную богам-предкам императора, и вторичную. Применяя сравнительный метод, историк сделал вывод о китайском влиянии на официальную мифологию древнеяпонского государства, а также определил другие причины возникновения изменений в сюжетах мифов. Цуда видит истоки мифов в народных преданиях и считает их важным этнографическим материалом. Историк определил несколько функций мифов: политическая, моральная (или религиозная), функция объяснения физических явлений и происхождения топонимов и имен. Ключевой функцией мифов, по его мнению, является именно политическая, так как повествование мифов выстроено вокруг божественных потомков императора. Целью мифов являлось укрепление императорского рода среди знати, возвышение его фигуры и создание образа «праведного» правителя посредством доказательства кровного родства с главной богиней японского пантеона Аматаэрасу.

Ключевые слова: Цуда Сокити, японская историческая наука, японский император, японские мифы, «Кодзики», «Нихон сёки».

Автор: Шуплецова Ксения Васильевна, аналитик экспертно-аналитической группы центра «Государство и религия в Азии», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32); ассистент, Институт мировой экономики и бизнеса, Российский университет дружбы народов (адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6). ORCID: 0000-0002-1056-4788; E-mail: k.shupletsova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шуплецова К.В. Методология исследования мифов (*синва*) в работах историка Цуда Сокити (1873–1961) // Японские исследования. 2023. № 3. С. 76–87. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-76-87.

The methodology of research of Japanese myths (*shinwa*) in the studies of historian Tsuda Sōkichi (1873–1961)

K.V. Shupletsova

Abstract: This article discusses the approaches of the historian Tsuda Sōkichi to the study of the myths about the gods described in the historical and mythological records “*Kojik*” and “*Nihon chok*”. Tsuda Sōkichi left his mark on Japanese historical science as a scientist who applied new methods to the study of ancient myths. The historian applied the accumulated knowledge gained as a result of studying the advanced Western research methods proposed by B. Chamberlain, L. Ranke, and took a fresh look at the ancient historical sources “*Kojik*” and “*Nihon shok*”.

During the Meiji period, the state established control over historical research and an official ideology developed around the figure of the emperor. In particular, the events of the era of the gods, described in the oldest written monuments, were believed to be the confirmation of the divine origin of the imperial family. However, the historian doubted the truth of the events relating to the era of the god, and made an attempt to clarify the origins of the myths. S. Tsuda does not consider myths to be entirely fictional stories, suggesting that they could be based on real events, but he denies the reality of the existence of gods

The historian compared the myths in the two monuments and singled out the main storyline, dedicated to the emperor’s ancestral gods, and the secondary one. Using the comparative method, the historian draws a conclusion about the Chinese influence on the official mythology of the ancient Japanese state, and also determines other reasons for the changes in the plots of myths. S. Tsuda sees the origins of myths in folk tales and considers them important ethnographic material. The historian identified several functions of myths: political, moral (or religious), the function of explaining physical phenomena and the origin of toponyms and names. The key function of myths, in his opinion, is precisely the political one, since the narrative of myths is built around the divine descendants of the emperor. The purpose of the myths was to strengthen the imperial family among the nobility, to exalt his figure, and to create the image of a “righteous” ruler by proving blood relationship with the main goddess of the Japanese pantheon Amaterasu.

Keywords: Tsuda Sōkichi, Japanese historical science, Japanese emperor, Japanese myths, *Kojiki*, *Nihon shoki*.

Author: Shupletsova Ksenia V., analyst of the expert analytical group, Center “State and Religion in Asia”, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 117997, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32), Assistant, Institute of World Economy and Business, Peoples’ Friendship University of Russia (address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklay st., 6). ORCID: 0000-0002-1056-4788; E-mail: k.shupletsova@iccaras.ru

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Shupletsova K.V. (2023). Metodologiya issledovaniya mifov (*shinwa*) v rabotakh istorika Tsuda Sokiti (1873–1961) [The methodology of research of Japanese myths (*shinwa*) in the studies of historian Tsuda Sōkichi (1873–1961)]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2023, 3, 76–87. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-76-87.

Введение

Цуда Сокити (1873–1961) – японский историк, известный своим новаторским подходом к изучению древних текстов. Немалую часть своих исследований он посвятил японским мифам. Так называемая эра богов (*дзиндай* или *ками-но ё*), которая описывалась в основных историко-мифологических сводах «Кодзики» и «Нихон сёки», оказалась в фокусе научных изысканий

историка. Он стремился не только определить, отражают ли мифы исторические факты, но также обозначить их истоки и цель создания.

После реставрации Мэйдзи в 1868 г. перед японским правительством стояла задача объединить японское общество и обосновать роль императора, чтобы легитимизировать его правление после многовекового нахождения у власти самураев. Основанием для законности императорской власти стали считаться древние тексты, в том числе историко-мифологические своды «Записи о деяниях древности» («Кодзики») и «Анналы Японии» («Нихон сёки»), составленные в VIII в.

В традиционной японской исторической науке сложилась концепция, согласно которой императорский двор был основан в результате восточного похода мифического императора Дзимму, чьим предком являлся Ниниги-но микото¹. Японские историки официального толка выстраивали свои штудии вокруг данной концепции и не подвергали ее сомнению.

Однако Цуда Сокити усомнился в существующих догматах. Он задавался вопросами: действительно ли японский императорский род восходит к Дзимму? Не был ли опровергнут данный тезис в период Камакура? Как соотнести древнюю историю с современностью? [Ooi 2016, p. 58].

В древней истории Цуда Сокити видел истоки не только японского государства, но и японского народа. В поисках ответов на свои вопросы Цуда Сокити приступил к исследованию «Кодзики» и «Нихон сёки».

Основные вехи толкования эры богов до периода Мэйдзи

Сложность анализа историко-мифологических сводов заключалась в том, что часть свитков была посвящена деяниям богов. Многие изложенные там «события» представлялись абсурдными для мышления человека XIX–XX вв. Попытки толковать их продолжались уже не один век, и к началу XX в. уже сформировался ряд представлений о том, как толковать события эры богов.

До XVII в. японские историки в основном занимались изучением «Нихон сёки», считая его более детальной и точной хроникой. С появлением печатной версии «Кодзики» в 1644 г. начались попытки изучить и прокомментировать «Записки о деяниях древности». Например, Араи Хакусэки (1657–1725), конфуцианский мыслитель, в труде «О древней истории» (*Косицу*) (1730) разъяснял суть мифов как «деяния людей», которые были позже приписаны богам. В своем труде историк предпринял попытку рационально объяснить факты, изложенные в свитках, посвященных «эре богов». Хакусэки полагал, что деяния богов были совершены людьми, и «эра богов» на самом деле являлась «эрой людей». Например, Такама-но хара – Небесная долина, где якобы проживали японские боги, по мнению историка, является реальным местом на земле. Подобрал иероглифы, похожие по звучанию на данный термин, Хакусэки посчитал, что эта местность находилась у побережья провинции Хитати². Также Хакусэки выдвинул теорию, что иероглиф «ками» (神), имеющий значение «божество», созвучен со словом «ками», которое в древности имело значение «уважаемый человек» и записывалось иероглифами 加美. Труд «О древней истории» являлся попыткой рационально объяснить мифы с точки зрения человека, живущего в XVIII в. [Brownlee 1997, p. 45–49].

В период Токугава мыслители школ Кокугаку и Мито часто обращались к историческим источникам, стремясь восстановить ход японской истории. Одним из представителей школы

¹ В японской мифологии – внук богини солнца Аматэрасу-оомиками – предка императорского дома, который сыграл ключевую роль в мифе о схождении сонма богов с Небес на Землю.

² Современная префектура Ибараки.

Кокугаку являлся Мотоори Норинага (1730–1801), который более 30 лет исследовал «Кодзики». Он обращал внимание на взаимосвязь мифов, описанных в источнике, и синто, пытаясь восстановить истинно японские верования [Михайлова 1988, с. 99–100].

Предшественник и наставник Мотоори Норинага Камо Мабути считал, что для изучения «Кодзики» необходимо «избавиться от *карагокоро* (китайского духа) и найти истинный дух японской древности» [Matsumoto 1970, p. 69]. Таким образом, он противопоставлял японское китайскому, что подчеркивает восприятие «Кодзики» как исконно японского исторического источника, не испытывавшего китайского влияния.

В своей работе «Кодзики-дэн» («Комментарии к Кодзики») Мотоори Норинага реконструировал первоначальное звучание текста «Кодзики», провел детальный филологический разбор текста, а также дал комментарии к нему. Мотоори была присуща вера в истинность описанных в мифе событий. По его мнению, свод являлся эталоном японской древней мысли, не испытал китайского влияния, мифы и легенды представлены в нем в первоначальном варианте, не претерпев никаких изменений. По итогам своей работы над «Кодзики», Мотоори Норинага продумал свою концепцию «Пути Японии в древности» или «Пути богов», которая включала божественное происхождение Японии и японского императора, заложив основы синтоизма как религии [Михайлова 1988, с. 59–60].

Таким образом, к XIX в. в Японии уже сложились определенные представления об анализе и комментировании исторических текстов, которые сформировали базу для дальнейшего развития японской исторической науки.

Восприятие исторической науки в период Мэйдзи

Правительство Мэйдзи, стремясь утвердить свою власть, уделяло особое внимание исторической науке. В 1869 г. был издан императорский рескрипт о создании специального органа, главной функцией которого являлось продолжение исторической традиции Японии, прервавшейся вместе с установлением власти сёгуна Камакура. Образцом исторической мысли считались официальные хроники *Риккокуси* («Шесть исторических хроник»), составленные в периоды Нара и Хэйан.

Большинство историков начала периода Мэйдзи происходили из той же социальной и интеллектуальной среды, что и политики. Они поддерживали восстановление императорской власти и были противниками военной власти *бакуфу*, стремились отразить в научных трудах законность института императорской власти и возвысить фигуру императора [Mehl 2002, p. 227–228]. Они обратились к древним текстам, которые подтверждали легитимность императорского дома. Объектом их штудий являлись прежде всего император и государство. Цель исторических исследований заключалась в восстановлении хронологической последовательности фактов и установлении их подлинности [Mehl 2002, p. 239].

Однако это порождало проблему: как установить подлинность исторических фактов в условиях господства идеологически ориентированной версии официальной истории? В частности, как интерпретировать мифы в «Кодзики» и «Нихон сёки», когда официальная история гласит, что император является потомком богини солнца Аматаэрасу? Чтобы разобраться с этими вопросами, японские историки обращались к достижениям западной исторической науки [Ooi 2016, p. 74–75].

В XIX в. японская историческая наука познакомилась с западной историографией, которая оказала немалое влияние на ее развитие. После Реставрации Мэйдзи в 1868 г. в Японию приезжали иностранцы, которые изучали японскую литературу и историю, не оставив без внимания древние тексты. В их числе был английский японовед Бэзил Холл Чамберлен (1850–1935) – профессор японского языка и филологии Токийского императорского университета,

который перевел «Записи о деяниях древности» на английский язык. Он являлся сторонником идеи, что мифы являются продуктом вымысла и не имеют никакого отношения к реальности [Суровень 1998, с. 176].

Большее влияние на японскую историческую науку оказали немецкие историки. Немецкая историческая мысль проникла в Японию благодаря Людвигу Рису (1861–1928), который служил профессором истории в Токийском императорском университете в 1887–1902 гг. [Mehl 2002, p. 225]. Людвиг Рис передавал идеи другого известного немецкого историка Леопольда фон Ранке, чьи концепции значительно повлияли на развитие европейской исторической науки. Л. Ранке в своих трудах разработал понятие «историзма» – рассмотрения событий в контексте эпохи. Он подчеркивал, что историческая наука стремится не только восстановить последовательность исторических фактов (к чему стремилась японская историческая наука), но и отразить взгляды историка на события и их взаимосвязь между собой. Такой подход позволял понять, к каким последствиям приводит событие, в чем отражается его влияние в дальнейшем. Важную роль он отводил самому историку: исследователь должен отображать в трудах собственное понимание и интуитивное восприятие событий [Ranke 1973, p. LI–LIV].

Исследование мифов Цуда Сокити

Цуда Сокити владел английским и немецким языками и был знаком с достижениями западной исторической науки: читал труды Б. Чэмберлена и Л. Ранке. В своих дневниках он отмечал, что до эпохи Мэйдзи в Японии установился метод исследования, когда ученый читал книги и формировал свое знание за счет прочитанного. «Чтение книг являлось не способом изучения, а целью» [Ooi 2016, p. 57]. Таким образом, мнение ученого «пряталось» за идеями предшественников. Сам же Цуда считал, что в исторических исследованиях должно отражаться видение ученого на события (к чему призывал Л. фон Ранке), а также должна проявляться исследовательская проницательность, чтобы видеть истоки событий настоящего в прошлом, чем он и руководствовался в своих изысканиях [Ooi 2016, p. 57].

В 1908 г. Цуда Сокити начал заниматься исследованиями в Токийском подразделении Маньчжурской железнодорожной компании, которое возглавлял Сиратори Кураити (1865–1942), чьи взгляды оказали серьезное влияние на формирование Цуда как исследователя. Сиратори обучался за границей, был знаком с достижениями европейской исторической мысли. Вернувшись из Европы в Японию, он был поражен тем, насколько европейская мысль опередила японскую, и что европейцы знают о Японии и ее соседях больше, чем сами японцы [Ooi 2016, p. 85]. Знания, полученные за рубежом, во многом сформировали его представления об истории как науке. Сиратори не рассматривал мифы как часть исторического процесса. По его мнению, мифы, изложенные в «Кодзики» и «Нихон сёки», являлись религиозными представлениями людей прошлого, с помощью которых они пытались объяснить этот мир. Историк считал, что не следует изучать мифы в качестве исторического источника [Brownlee 1997, p. 187–189].

В 1913 г. Цуда Сокити, впервые усомнившись в официальных подходах к исследованию «эры богов», написал работу «Новое исследование “Эры богов”» («Дзиндай-си но атарасии кэнкю:»). К 1919 г. он обновляет метод исследования в работе «Новые исследования “Нихон сёки” и “Кодзики”» («Нихон сёки оёби Кодзики-но синкэнкю:»). Наконец, к 1924 г. он суммирует свои идеи в трудах «Исследование “Эры богов”» («Дзиндай-си-но кэнкю:») и «Исследования Нихон сёки и Кодзики» («Нихон сёки оёби Кодзики-но кэнкю:»). В них историк сосредотачивает свое внимание на разделении событий, описанных в историко-мифологических сводах, на две части – мифы и реальные события. Особое внимание он уделяет именно мифам (*синва*) –

повествованию о богах. Цуда рассматривает их не в качестве реальных исторических фактов или же «выдумок» прошлого, но как ценный исторический источник, основываясь на котором можно сделать выводы о политической культуре VIII в., а также как этнографический материал. [Tsuda 1913, p. 11–14]

Цуда Сокити отвергает гипотезу Араи Хакусэки, что деяния богов в действительности являлись деяниями людей. Он видит в этом попытку «рационально объяснить нерациональное», что противоречит принципу историзма. Он отмечает, что в японских мифах совершенно не фигурирует «народ». Известно, что боги Идзанами и Идзанаги создали землю, но отсутствует информация о том, как они создали человека. Ученый делает вывод: так как в мифах нет ни одного упоминания о людях (*хито*) и отсутствует повествование о народе, нет необходимости делить героев мифов на богов и людей. «Эра богов» получила такое название лишь потому, что она описывает деяния богов, люди в этой эре не играют никакой роли. По этой же причине Цуда считает, что нельзя мифы приравнивать к историческим фактам. Все факты о жителях Японских островов, которые отражены в китайских источниках, также не были упомянуты в свитках, посвященных богам [Tsuda 1924, p. 566–568].

Цуда настаивает на необходимости анализировать мифы с точки зрения человека, живущего в VIII в., т.е. в момент написания исторических источников, применяя принцип историзма, о котором писал Л. фон Ранке. [Tsuda 1919]. В равной степени историк сомневался в религиозной функции мифов, о которой рассуждал Мотоори Норинага. Историк считал, что эпоха богов не является частью исторического процесса. Более того, он был уверен, что это понимали не только его современники, но даже составители «Кодзики» и «Нихон сёки» тысячу лет назад [Tsuda 1913, p. 5].

Однако отбрасывать изучение мифов по причине их фиктивности является ошибочным. Мифы были созданы на основе существующих в народе преданий. Предания создавались на основе реальных событий, и в них действительно можно найти элемент исторического факта. Цуда сомневается, что народная культура к началу VIII в. могла развиваться до такой степени, чтобы самостоятельно встроить в народные предания богов *синто*. Еще более сомнительным ему кажется объяснение, что боги в действительности выступали героями легенд. Историк считает, что правящая элита, познакомившись с китайскими мифами и легендами, создала мифы в политических целях, взяв за основу распространенные в народе сказания. Вследствие этого мифы не являются пересказом исторических событий, но одновременно с тем их нельзя назвать полной выдумкой [Tsuda Sōkichi 1913, p. 243].

Цуда Сокити, отвергая идеи своих предшественников, стремился достичь собственного понимания мифов о богах. Для понимания истинной функции мифов историк проводит их сопоставительный анализ, опираясь на «Кодзики» и «Нихон сёки».

Исследователь обращается к стилю повествования событий и отмечает, что стиль изложения легенд о богах и событий после прихода к власти первого японского императора Дзимму различается. Причину этого историк видит в том, что легенды о богах являются плодом творчества составителей сводов, следовательно, мифы не являются реальными историческими событиями. В их основе можно найти отражения реальных фактов, именно поэтому с этнографической точки зрения они представляют интерес для исследователя. Например, свитки, повествующие о походах Ямато Такэру³ и походе в Силла государыни Дзингу (201–269), могли быть составлены по мотивам событий, произошедших ранее. В момент, когда записывались хроники, в памяти составителей еще были свежи воспоминания о каких-то реальных военных походах, которые нашли свое отражение в этих легендах. Таким образом, само по себе событие, изложенное в свитках, не является правдой: Ямато

³ Легендарный воин-полководец, сын императора Кэйко, который жил в I в. Согласно японской мифологии, покорил страну народа *кумасо* на острове Кюсю и племена *эмиси* на востоке острова Хонсю.

Такэру и государыня Дзингу не совершали такие походы. На основе воспоминаний о других военных походах и были созданы мифы, которые укрепляли власть императорского двора. Получается, что походы Ямато Такэру и Дзингу нельзя назвать историческими фактами, но можно предположить, что в них запечатлелись некие события из прошлого [Tsuda 1913, p. 6–7, 11–14]. Таким образом, Цуда Сокити подчеркивает необходимость внимательно изучать мифы для понимания событий дописьменной эпохи.

Историк предлагает следующий метод исследования мифов. Наиболее эффективным методом анализа источника является не только выделение различий, но и сопоставление схожих элементов. Обнаруживая сходства в разных версиях легенд в «Кодзики» и «Нихон сёки», можно установить их первоначальный вариант [Tsuda 1913, p. 23–24].

Цуда считал, что многое могло быть добавлено в мифологические сюжеты составителями хроник в ходе работы над сводами. Например, имена богов могли быть добавлены в повествование уже после возникновения легенд. Историк отмечает, что нередки случаи, когда мифы были изменены и в значительной степени отделились от первоначального варианта: это заметно по различным вариациям одной и той же легенды. Примеров совпадений или различий в сводах встречается великое множество. Цуда Сокити предлагает искать только совпадающие сюжеты и отбрасывать различия. Именно совпадение, присутствующее в каждой из версий, показывает, какой была легенда первоначально [Tsuda 1913, p. 30–32].

Например, в «Нихон сёки» есть семь версий первого мифа, где перечисляются имена и последовательность появления богов. Одна из версий идентична изложению «Кодзики». В каждой из семи вариаций фигурирует бог – Кунитокотати (Кунисокотати) – бог Вечного Установления Земли, поэтому можно предположить, что повествование о нем было сложено первоначально.

Цуда приводит также другой пример. Три божества (Амэ-но-минака-нуси-но ками – Бог-Правитель Священного Центра Небес, Така-ми-мусуби-но ками – Бог Высокого Священного Творения и Камимусуби-но ками – Бог Божественного Творения) встречаются лишь единожды, как боги явившиеся в Такама-но хара – Равнине Высокого Неба, обители японских богов. Так как они не играют значимой роли в дальнейшем развитии мифологического повествования, Цуда делает вывод, что они не являются важной частью истории эры богов и появились в мифологии позже остальных божеств [Tsuda 1913, p. 24–25].

Рассмотрим другой пример – мифы о рождении богов Луны, Солнца и Сусаноо-но микото. В «Кодзики» их рождение охарактеризовано так:

«И вот, имя божества, что явилось, когда [бог Идзанаги] свой левый глаз омывал, [было] Аматаэрасу оо-ми-ками – Великая Священная Богиня, Освещающая Небо.

Имя бога, что явился затем, когда свой правый глаз омывал, [было] Цукуёми-но микото – Бог Счета Лун.

Имя бога, что явился затем, когда свой нос омывал, [было] Такэхая-Суса-но-о-но микото – Доблестный Быстрый Ярый Бог-Муж» [Кодзики 1993, с. 51].

В «Нихон сёки» этот миф представлен иначе:

«В одной книге сказано: Изанаки-но микото рек: «Хочу я породить чудесное дитя, которое будет править Обиталищем», – и взял в левую руку зеркало из белой меди, [зеркало же] превратилось в божество. Его именуют Опо-пирумэ-но микото.

Потом он взял зеркало из белой меди в правую руку, и оно превратилось в божество. Его именуют Тукуюми-но микото.

Еще он повертел головой, оглянулся и в мгновение ока возникло божество. Его именуют Сусаново-но микото.

И вот, Опо-пирумэ-но микото и Тукуюми-но микото оба по природе своей сияющие и прекрасные. Поэтому [боги пожелали], чтобы они освещали Небо-Землю...» [Нихон сёки 1997, с. 122]

В «Кодзики» и «Нихон сёки» мифы о рождении богов различаются, однако Цуда стремился выяснить, чем они схожи: боги Солнца и Луны родились одновременно, а бог Сусаноо был рожден немного позже. Совпадает и соотнесенность Солнца с «левым», а Луны – с «правым» [Tsuda 1913, p. 25–26].

Анализируя таким образом мифы, Цуда Сокити стремился выделить одинаковые элементы сюжета, которые, по его мнению, и присутствовали в исходном варианте мифа.

Миф о рождении детей богов Сусаноо и Аматаэрасу практически идентичен в обоих источниках: совпадает информация, из чего были они порождены. Из меча – боги женского пола, из жемчужин (яшмы) – боги мужского пола. Цуда считает, что такое совпадение является показательным, и, скорее всего, этот сюжет сохранился в первоначальном виде [Tsuda 1913, p. 28–29].

Цуда Сокити предлагает применять свой метод сравнения к анализу историко-мифологических сводов и других источников VIII в. С его помощью можно выделить сюжеты, встречающиеся чаще всего. Легенды сохранили народные представления древности, по которым можно восстановить мышление людей того периода. Дополнительно привлекая материалы из других древних источников, исследователь реконструирует, как видели историю богов в период создания историко-мифологических сводов [Tsuda 1913, p. 33].

В результате своего анализа Цуда выделил девять основных мифологических сюжетов, которые формируют историю эры богов. Большинство из них повествуют о богине солнца Аматаэрасу и ее потомках. Начиная с появления Земли и заканчивая схождением богов на землю, «сквозной» сюжет раскрывает родственную связь императора Дзимму с главной богиней японского пантеона.

Цуда считает, что основным повествованием эры богов можно считать только те мифы, которые встречаются одновременно в «Кодзики» и «Нихон сёки». Многие детали можно не принимать во внимание, так как они незначительно влияют на основной сюжет или даже вносят в него противоречия. Цуда Сокити полагает: причина этого кроется в том, что в них были включены различные народные предания и легенды, которые никак не были связаны с культом богини Аматаэрасу и императорской семьей [Tsuda 1913, p. 42]. Цуда называет «эру богов» «эрой богов – основателей императорского рода», предназначение которой состоит в том, чтобы подтвердить божественное происхождение императорского дома [Tsuda 1924, p. 566–568].

Критически важным для истории императорского двора является сюжет, посвященный схождению на землю внука богини Солнца Ниниги-но микото, который, как считалось, дал начало императорскому роду. Цуда Сокити отмечает сохранение чистоты крови божественных браков, так как все боги являлись потомками Идзанами и Идзанаги. Подобно тому, как второе поколение богов управляло морями и горами, японский императорский род руководит всей страной. А страна потомков богини Солнца по праву считается «Срединной страной» (представление о Японии, заимствованное из Китая) [Tsuda 1913, p. 157].

Проведя подробный анализ мифов, Цуда Сокити установил несколько их функций.

Во-первых, «эра богов» – в первую очередь, история божественных потомков императорской семьи. Для мышления людей древности божественное происхождение власти являлось основанием для ее легитимности. Центральной задачей мифов являлось создание образа императора-бога, который обладает властью по праву крови.

Во-вторых, Цуда предполагал, что некоторые мифы были добавлены к центральному повествованию об императорской фамилии. Например, легенда о походе бога Идзанаги в страну мертвых Ёми-но куни является сюжетом, раскрывающим идею жизни и смерти, добра и зла, который показывает непобедимость смерти. Миф не имеет прямого отношения к главному сюжету о божественных предках императорской фамилии, но сохраняет элементы народных преданий. Историк делает вывод: одной из задач мифов эры богов являлось

сближение народа и императорского рода путем использования преданий, которые известны простым людям [Tsuda, Sōkichi 1913, p. 161].

В-третьих, задачей некоторых мифов являлось объяснение происхождения топонимов или имен. Например, местность Идзумо получила название от песни «Там, где восемь облаков встают...».

«В одной [книге сказано]: и тогда Такэ-сусаново-но микото, сложив песню, рек:

Там, где восемь облаков встают,

В Идзумо, – [дом] с изгородью в восемь слоев, —

Чтобы жену поселить, —

[Дом] с изгородью в восемь слоев строю!

Этот [дом] с изгородью в восемь слоев! —

так он спел, говорится [в той книге]» [Нихон сёки 1997, с. 141].

В-четвертых, в тексте сводов встречается большое количество имен богов, которые не играют большой роли в повествовании. Их упоминание в свитках может ограничиться одним разом. Такие боги, по мнению Цуда Сокити, выполняют религиозную функцию. Однако историк находит религиозную роль мифов ничтожной по сравнению с другими целями, которые преследовали составители источников.

Цуда Сокити приводит несколько факторов трансформации мифов.

Мифы, которые, по мнению Цуда Сокити, не совсем стройно встраиваются в основное повествование эры богов, были добавлены позднее. Историк предполагает, что самые первые мифы были записаны в последнюю очередь, так как фигурирующие там боги не встречаются в дальнейшем повествовании.

Историк считает, что первоначально в народных преданиях существовали представления, ограниченные территорией Японии. Поэтому изначально существовал только миф о сотворении Японских островов. Но по мере развития знаний и расширения сведений об окружающем мире возникла необходимость добавить сюжет о сотворении мира. Так появилось объяснение появления всего сущего. Мифы приобретают функцию объяснения природы вещей: богами заложен единый порядок управления на земле, именно боги являются правителями неба и земли. Такие представления, по мнению Цуда Сокити, были привнесены из Китая. Отражение в легендах различных представлений и трактовок привело к возникновению многочисленных вариаций мифов [Tsuda 1913, p. 158–159].

Китайское влияние привело не только к формированию новых элементов мифа, но и к изменению уже существующих. Например, в «Кодзики» супруга Хоходэми-но микото (Небесного Юноши-Священного Бога, Явившегося из Огня), потомка богини Аматэрасу и сына бога Ниниги-но микото, Тоётама-но бимэ во время родов обращается в крокодила, а в «Нихон сёки» в дракона – существо китайской мифологии. По мнению Цуда, это является ярким примером того, как китайские верования нашли отражение в Японии.

Цуда Сокити предполагает, что некоторые изменения произошли в процессе устной передачи мифов. Переходя из уст в уста, повествование обрастало новыми подробностями, и до составителей сводов оно доходило уже в трансформированном виде. В таком случае сложно отследить и установить первоначальный вариант сюжета [Tsuda 1913, p. 165].

По мнению Цуда Сокити, мифы подвергались изменениям и со стороны правящей элиты, преследовавшей политические цели. Представители аристократии переделывали мифы, чтобы улучшить родословную и укрепить свои позиции при дворе. В мифах встречаются боги, которые напрямую не связаны родственными узами с императорской семьей, но все же являются богами, и, следовательно, их потомки тоже имеют авторитетное происхождение. Например, в «Кодзики» встречаются боги, которые, спустившись с небес, встали во главе земель и стали предками местной знати [Tsuda 1924, p. 451–452].

«И вот, тот бог Амэ-но-коянэ-но микото.
 Есть предок мурадзи [из рода] Накатоми.
 Бог Футодама-но микото.
 Есть предок атаэ [из рода] Имубэ.
 Богиня Амэ-но-удэумэ-но микото.
 Есть предок кими [из рода] Сарумэ.
 Богиня Исикоридомэ-но микото.
 Есть предок мурадзи [из рода] Кагамицукури.
 Бог Таманоя-но микото.
 Есть предок мурадзи [из рода] Тамано» [Кодзики 1993, с. 86].

Почему же эру богов относили к официальной истории Японского государства? Цуда Сокити видит в этом стремление государственной идеологии укрепить представление об императоре как о потомке Аматаэрасу. Составители сводов пытались представить это наиболее «логичным» для себя образом. Благодаря этому появилось разделение на небесных и земных богов. Так как император живет на земле, а не на небе, то нужно объяснить, как его предки спустились в земной мир. Поэтому Такама-но хара, где обитала Аматаэрасу, располагается на Японских островах. И страна, и боги, проживающие там, стали частью мира людей. Более того, мифы повествуют о предках императора – настоящего и живого человека, проживающего среди людей, хоть и являющегося живым богом. Поэтому представление о мифах, как об истории предков императора, стало частью древней истории Японского государства. Цуда Сокити отмечает, что предки являются вымышленными и выполняют скорее политические функции, нежели чем религиозные. Например, в современности богам поклоняются, просят их о помощи и защите. Однако в мифах наблюдается обратная картина: боги представлены в меньшей мере как фигуры культа, и в большей – как предки императорской семьи, что имело большое политическое значение [Tsuda 1913, p. 243]. Перед составителями историко-мифологических сводов стояла идеологическая задача сформировать политический, а не религиозный миф, укрепляющий власть императора.

Цель историко-мифологических сводов – показать происхождение императорского дома и представить его в лице объединителя японского народа. Цуда отмечает, что политическая роль сводов крайне велика, хотя и не является единственной. Помимо укрепления позиций императорского дома, были подключены и мифы для подтверждения статуса аристократии [Tsuda 1924, p. 514–515].

Боги в мифах выступают в роли эпических героев, как это представлялось Сиратори Куракити, однако Цуда отмечает, что в мифах совершенно отсутствует отражение жизни народа. Историк отмечает отсутствие в мифах богов, которые могли бы стать отражением желаний и стремлений народа. Богов-героев нельзя назвать народными (*миндзоку*) или национальными (*кокумин*) героями. Цуда отмечает, что, в отличие от народных преданий, герои которых делят с народом его переживания и трудности, мифы, за исключением некоторых любовных историй, содержат лишь эпизоды, посвященные происхождению императорского дома.

Цуда Сокити также отмечает, что по отношению к императору достаточно близким по родству предком являлся Такамимусуби-но ками, который в паре с Аматаэрасу являлся прародителем императорского первопредка Ниниги-но микото. Однако Такамимусуби-но ками не был включен в официальную императорскую генеалогию. Цуда Сокити видит в этом цель составителей мифов укрепить положение единственной богини – Аматаэрасу. Возможно, в этом скрывался и умысел лишить возможности другие роды укрепить свое политическое влияние.

Так как боги являются предками императора, согласно официальной идеологии, они также являются наследниками небесного трона. Император *тэнно* является живым богом – *арахитогами* или *акицуками*. Этот статус передается по праву крови всем наследникам императорского дома [Tsuda 1924, p. 525–527].

По мнению Цуда Сокити, у японского народа образ неба всегда отождествлялся с богами, поэтому неудивительно, что понятие *тэнно* (кит. *тяньхуань*), как термин, обозначающий монарха, смогло прижиться в Японии. Однако возникновение этого понятия в Японии несомненно является отображением сильного влияния китайских идей на правящую элиту [Tsuda 1924, p. 544].

Цуда Сокити подробно описывает, каким образом благодаря мифам возвышается император над своими подданными. Императорский род является самым главным среди остальных родов, ибо их предки достаточно далеки от предков императора (даже если они тоже имеют божественное происхождение). Подобно тому, как божества – предки императорского рода занимают высшее положение в божественной иерархии, император занимает значительно более высокое положение среди других кланов в Японии.

Многие влиятельные семьи имели божественных предков. Это означало, что император и аристократия не отделены друг от друга, но одновременно аристократы по праву крови обладают властью над японским народом [Tsuda 1924, p. 552–553]. При таком подходе получалось, что японские аристократы обладали властью в единстве с императором, но в случае необходимости (например, если была совершена политическая ошибка) можно было снять ответственность с императора, отделяя правителя от знати и перекладывая вину на аристократию. Это позволяло создать образ идеального правителя, не совершающего ошибок [Tsuda 2019, p. 23–25].

Заключение

Цуда Сокити провел детальный анализ основополагающих японских историко-мифологических сводов, обращая внимание на поиск совпадающих элементов. Выделяя общее, историк стремился установить первоначальные варианты легенд, которые легли в основу мифов. Следующим шагом его исследований стало установление причин, вызвавших вариативность мифов, изложенных в «Кодзики» и «Нихон сёки». Установление причин и знание исторического контекста способствовали пониманию целей конструирования мифов. Разделив мифы на две линии повествования – «основную», посвященную императорскому роду, и «вторичную» – Цуда Сокити пришел к выводу, что цель исторических хроник состоит в укреплении власти императора и создание образа императора-бога, объединяющего страну и возвышающегося над остальными родами. Такой политический миф позволил сконструировать прочную базу для власти императора, благодаря которой институт императорской власти смог сохраниться в Японии до наших дней. Помимо основной идеологической функции мифы несли в себе знания о народных представлениях прошлого, что представлялось Цуда Сокити не менее важным материалом для исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кодзики – Записи о деяниях древности / пер. Е.М. Пинус. Санкт-Петербург: ШАР. 1993.
- Нихон сёки – Анналы Японии: в 2 т. Т. 1. Свитки I–XVI. / пер. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. Санкт-Петербург: Гиперион. 1997.
- Михайлова Ю.Д. Мотоори Норинага. Жизнь и творчество (из истории общественной мысли Японии XVIII в.). Москва: Наука. 1988.
- Суровень Д.А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода Каму-Ямато-Яварэ-бико // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург. 1998.

REFERENCES

- Kodziki – Zapisi o deyaniiakh drevnosti* [*Kojiki – Records of the deeds of antiquity*]. (1993). Translated by E.M. Pinus. Saint Petersburg: SHAR. (In Russian).
- Mikhailova, Y.D. (1988). *Motoori Norinaga. Zhizn' i tvorchestvo (iz istorii obshchestvennoi mysli Yaponii XVIII v.)* [Motoori Norinaga. Life and Work (From the History of Social Thought in Japan in the 18th Century)]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Nihon syoki – Annaly Yaponii: v 2 t. T. 1. Svitki I-XVI [*Nihon Shoki – Annals of Japan: in 2 vols. Vol. 1. Scrolls I–XVI*]. (1997). Translated by L.M. Ermakova, A.N. Meshcheryakov. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Suroven, D.A. (1998). Osnovanie gosudarstva Yamato i problema Vostochnogo pokhoda Kamu-Yamato-Yavare-biko [Foundation of the Yamato State and the Problem of the Kamu-Yamato-Yaware-biko Eastern Campaign]. In *Istoriko-yuridicheskie issledovaniya rossiiskogo i zarubezhnykh gosudarstv* [Historical and Legal Research of Russian and Foreign States]. Yekaterinburg. (In Russian).
- * * *
- Brownlee, J.S. (1997). *Japanese Historians and the National Myths, 1600–1945: The Age of the Gods and Emperor Jinmu*. UBC Press.
- Matsumoto, Shigeru. (1970). *Motoori Norinaga 1730–1801*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Mehl, M. (2002). German Influence on Historical Scholarship in Meiji Japan – How Significant Was It Really? In *The Past, Present and Future of History and Historical Sources. A Symposium to Commemorate 100 years of Publications of the Historiographical Institute*. Tokyo: Historiographical Institute, The University of Tokyo.
- Ooi, Kensuke. (2016). *Tsuda Sōkichi, Dai Nihon teikoku-to-no taiketsu. Tenno-no gunpuku-wo nugaseta otoko* [Tsuda Sōkichi: Confrontation With the Great Japanese Empire. The Man Who Removed the Emperor's Military Uniform]. Tokyo: Bensei shuppan. (In Japanese).
- Ranke, L. (1973). *The Theory and Practice of History*. New York: the Bobbs-Merrill company, Inc.
- Tsuda, Sōkichi. (1913). *Jindaishi-no atarashii kenkyū* [The New Research of the God Era]. Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).
- Tsuda, Sōkichi. (1919). *Jindaishi-no kenkyū hō* [The Methods of research of the God Era]. *Rekishi-to chiri* [History and Geography], 3. Retrieved May 16, 2023, from https://www.aozora.gr.jp/cards/001535/files/53731_47830.html. (In Japanese).
- Tsuda, Sōkichi. (1924). *Jindaishi-no kenkyū* [The Research of the God Era]. Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).
- Tsuda, Sōkichi. (2019). Kenkoku-no jijyō to bansei ikkei-no shisō [Foundation of the State and the Idea of Continuity of the Imperial Family]. In *Kojiki oyobi Nihon shoki-no kenkyū* [The Research of *Kojiki* and *Nihon Shoki*]. Tokyo: Mainichi wanzu. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 17.05.2023

Received: 17 May 2023

Принята к публикации: 11.07.2023

Accepted: 11 July 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-88-102

Подход НАТО к выстраиванию сотрудничества с Японией: трудности и перспективы

Ф.О. Трунов

Аннотация. Со времени создания НАТО и встраивания Японии в сообщество «либеральных демократий» эти игроки в сфере безопасности и обороны практически не взаимодействовали друг с другом. В Европе при поддержке США профильное сотрудничество стран Запада осуществлялось, прежде всего, на многосторонней основе, а на Дальнем Востоке – преимущественно на двусторонней. Импульс к сближению Альянса и официального Токио придало современное формирование нового миропорядка в целом и не-Запада в особенности. В данной ситуации США стали продвигать вариант интегрирования систем «сдерживания» РФ и КНР, что неизбежно требовало налаживания сотрудничества НАТО с Японией.

В статье предпринята попытка исследовать трудности, ход и перспективы этого процесса по состоянию на начало 2020-х гг. Используются положения теории альянсов и метод сравнительного анализа.

Отмечены военно-практические сложности присоединения европейских стран – участниц НАТО к «сдерживанию» КНР в условиях их полноценной встроенности в конфронтацию с РФ. При направляющей роли США был реализован ряд стимулирующих тактик. Во-первых, рост военного потенциала НАТО как организации резко опережал прирост национальных вооруженных сил, тем открывая возможность применения ресурсов блока сразу в двух конфронтациях. Во-вторых, это меры по увеличению интереса европейских стран – участниц Альянса к Дальнему Востоку как новому направлению глобальной деятельности блока, чему способствовал экстренная эвакуация миссии НАТО из Афганистана (2021).

Рост интереса европейских игроков к Индо-Тихоокеанскому региону (ИТР) сопровождался, однако, их стремлением к стратегическим действиям в национальном качестве, без привлечения эгиды НАТО. На изменение этого была направлена линия США по расширению системы профильных форматов в ИТР (активизация QUAD, создание AUKUS и Partners in the Blue Pacific) с участием представленных в регионе англо-саксонских стран и Японии. Последние тем не только усиливали свою вовлеченность в «сдерживание» КНР, но и стали активнее стимулировать к этому европейских игроков.

В 2022–2023 гг. наладился и интенсифицирован процесс политического сотрудничества НАТО и Японии с подготовкой «эффекта переплескивания» на собственно военную сферу. Показаны варианты развития кооперации сторон, прежде всего, по линии ВМС.

Ключевые слова: Североатлантический альянс, США, европейские государства-члены, Япония, конфронтация, «сдерживание», Россия, Китай, Байден, Столтенберг, Кисида.

Автор: Трунов Филипп Олегович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (адрес: 117418, Москва, Нахимовский проспект, 51/21). ORCID: 0000-0001-7092-4864; E-mail: ltrunov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Трунов Ф.О. Подход НАТО к выстраиванию сотрудничества с Японией: трудности и перспективы // Японские исследования. 2023. № 3. С. 88–102. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-88-102.

NATO's approach to develop cooperation with Japan: Difficulties and prospects

Ph.O. Trunov

Abstract. Since NATO's establishment and Japan's incorporation into the community of "liberal democracies" these actors hardly cooperated in the sphere of security and defense. In European part of the collective West, cooperation in the security field, with US participation, was multilateral, while, in the Far East, it was bilateral. But the present-day formation of the new world order and the non-West as its part gives a strong impetus to the rapprochement between NATO and Japan. In the new situation, the USA has begun to promote the idea of integrating the systems of deterring Russia and containing China. This inevitably requires substantial NATO-Japan cooperation.

The article explores the difficulties, progress, and perspectives of the process by the early 2020s. For this, the author uses the theory of alliances and the method of comparative analysis.

The paper presents the practical military difficulties for European NATO member states' joining the containment of China at the same time as these countries are fully involved in the process of deterrence of Russia. In this situation, the USA encouraged their partners. Firstly, the military potential of NATO as an organization has been growing more rapidly than the strength of the member states' national armed forces. This means that the Alliance can take part in two confrontations simultaneously. Secondly, this is the arising strategic interest towards the Far East as the new direction of NATO's global activity. One of the reasons for this was the hasty evacuation of the NATO mission from Afghanistan (2021), which meant the loss of the Alliance's strategic influence in the Middle East and the necessity to compensate for this loss.

But the growing interest of European actors towards the Indo-Pacific region (IPR) was combined with their activity in their national capacities, without involving the auspices of NATO. Trying to change this tendency, the USA have expanded the system of formats in the sphere of security and defense (the activation of QUAD, the creation of AUKUS and the Partners in the Blue Pacific) with the membership of Anglo-Saxon states and Japan. These actors have not only increased their own involvement in the containment of China, but also stimulated European players' interest towards this.

In 2022–2023, the process of political cooperation between NATO and Japan has adjusted and intensified. The parties have prepared the spill-over effect of the cooperation into the military sphere. The paper shows the variants of this cooperation, primarily in the naval field.

Keywords: North Atlantic Alliance, the USA, European member states, Japan, confrontation, deterrence, containment, Russia, China, Biden, Stoltenberg, Kishida.

Author: Trunov Philipp O., Candidate of Sciences (Political Sciences), Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (address: 51/21, Nakhimovskiy prospect, Moscow, 117418, Russian Federation). E-mail: ltrunov@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Trunov Ph.O. Podkhod NATO k vystraivaniyu sotrudnichestva s Yaponiei: trudnosti i perspektivy [NATO's approach to develop cooperation with Japan: Difficulties and prospects]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 3, 88–102. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-88-102

До конца 2010-х гг. Североатлантический альянс и Япония в военно-стратегическом отношении представляли автономные части «коллективного» Запада, весьма слабо взаимодействовавшие между собой. Помимо своей зоны ответственности, НАТО активно оперировала на Балканах (с 1990-х гг.), в XXI в. – на Среднем и Ближнем Востоке, но отнюдь не в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). В свою очередь, Япония в своей стратегической активности практически не выходила за пределы ИТР [Добринская 2020, с. 722–723].

Данное положение объяснялось рядом причин. Это географически детерминированные особенности взаимодействия официального Токио с державами исторического Запада (в частности, с нацистской Германией во Второй мировой войне). После Второй мировой войны Япония в согласии с США и другими странами «западного лагеря» пошла по пути воссоздания своего военного потенциала (именуемого Силами самообороны), однако не была де-юре (с закреплением в Конституцию) и де-факто готова использовать его на существенном отдалении от национальных границ и тем более вне Дальнего Востока. Огромную роль играл и фактор США как основного направляющего процессов внутри «коллективного» Запада. В европейской его части Белый дом предпочитал реализовывать многостороннее сотрудничество с континентальными государствами-партнерами в рамках НАТО, после окончания холодной войны раздвигая географические границы данной кооперации на восток в самых различных отношениях (на Восточную Европу, Ближний и Средний Восток). Напротив, в дальневосточной части «коллективного» Запада официальный Вашингтон сосредоточился на выстраивании системы двусторонней кооперации либо создании форматов с весьма ограниченным (3–5 стран-участниц) составом (пример – ANZUS). Этот параллелизм двух стратегий обеспечивал США широкую свободу маневра, в т.ч. в плане использования своих дипломатических и военных возможностей. Так, в предшествующую конфронтацию Запад – Восток США одновременно «сдерживали» СССР в Европе (прежде всего, с территории ФРГ и с использованием ее ресурсов) и на Дальнем Востоке, опираясь здесь, прежде всего, на Японию и дополнив это фактором сближения с Китаем с 1972 г. и до конца 1980-х гг.¹

Драйвером для стимулирования Белым домом к более тесному сотрудничеству в сфере безопасности и обороны двух групп государств «либеральной демократии» – европейских континентальных (прежде всего, по линии НАТО) и дальневосточных – стал фактор формирования нового миропорядка, особенно возникновение феномена не-Запада. Ключевую роль в институционализации последнего играют Россия и Китай, тесно координирующие соответствующие усилия. Это воспринималось Соединенными Штатами как вызов своей настоящей и особенно перспективной роли на глобальном уровне с поиском «зеркального» ответа. В условиях старта конфронтации Евро-Атлантического сообщества с РФ и глубокого проседания отношений США, группы их партнеров в ИТР с КНР Белый дом стал проявлять растущую заинтересованность в переходе НАТО и Японии к полноценному сотрудничеству. Причем речь, прежде всего, шла об использовании возможностей Альянса как структуры на дальневосточном направлении – для «сдерживания» КНР, а также РФ и КНДР; в меньшей степени – о вовлечении официального Токио в реализацию мер по противодействию России в Европе.

НАТО традиционно являлась ключевым носителем военной мощи Евро-Атлантического сообщества; данная роль блока закономерно резко упрочилась в условиях делегирования ей ключевой нагрузки в «сдерживании» РФ. Так, были весьма существенно увеличены силы быстрого реагирования Альянса (II стратегической эшелон войск в его подчинении)², созданы

¹ Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2011. С. 261–433.

² NATO Response Force. 2022. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (дата обращения 31.05.2023).

с последующим динамичным наращиванием силы передового развертывания (I эшелон)³. На саммите блока 2022 г. был определен огромный объем войск, используемых под эгидой НАТО или предназначенных (резервируемых) под это, – 800 тыс. военных, в т.ч. 300 тыс. со сроком развертывания в срок до 1 месяца⁴. Исходя из положений вновь принятой на этой же встрече (2022) новой стратегической концепции Альянса, столь большие ресурсы в его распоряжение предоставляются для «сдерживания» не только России, но и иных влиятельных незападных держав – прежде всего, Китая⁵. В связи с этим для НАТО Япония представляла объект повышенного интереса не только вследствие своей географии, характера отношений с КНР, но и мощью национальной «военной машины». Так, вооруженные силы (ВС) официального Токио по боевым возможностям (как в количественном, так и качественном отношении) отнюдь не уступают ВС любой из европейских держав НАТО⁶.

Задача статьи – исследовать сложности выстраивания и перспективы сотрудничества Североатлантического альянса и Японии. На фоне обширного корпуса научных исследований, посвященных деятельности НАТО вне зоны ее ответственности [Johnston 2017, p. 163–184; Sloan, 2020, p. 275–350], современной внешней политики официального Токио [Киреева 2020; Стрельцов 2022] работы, исследующие диалог двух данных акторов, практически отсутствуют. Лишь рефреном эта проблематика изучается в отдельных изысканиях по вопросам безопасности и обороны применительно к ИТР в целом [Арзаманова 2022, с. 263–267; Heiduk 2022, p. 12–15]. Данная слабая исследованность объясняется тем, что как таковое полноценное сотрудничество стало возникать только в 2022–2023 гг., однако имеет перспективу динамичного развития. Статья представляет попытку частично восполнить этот пробел, опираясь на положения теории альянсов [Истомин 2021] и метод сравнительного анализа.

Об особенностях взаимодействия Японии и держав исторического Запада в военно-политической сфере

Уже с начала XX в. а официальный Токио нарабатывал опыт стратегической координации усилий с конкретными державами исторического Запада (соглашение с Великобританией в преддверии русско-японской войны 1904–1905 гг.), в дальнейшем – уже их объединениями (прежде всего, Антантой). Причем Япония неизменно ограничивала свою военную активность Восточной Азией, т.е. «домашним» регионом. Так, в Первую мировую войну поддержка императорскими войсками союзников по Антанте свелась лишь к быстрому слому сопротивления германских колоний в Китае и на Тихом океане⁷. В ходе организации иностранной интервенции в Россию официальный Токио вновь действовал лишь на отечественном Дальнем Востоке, внося здесь определяющий вклад⁸, тем вызвав обеспокоенность США.

Развертыванием «ползучей» и в открытых формах агрессии, начиная с «маньчжурского инцидента» 1931 г. Япония первой вошла в круг держав-агрессоров. Институционально их лагерь получил оформление в виде «Антикоминтерновского пакта» (1936). На первых этапах

³ NATO's military presence in the east of the Alliance. 2022. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения 31.05.2023).

⁴ New NATO Force Model. 8.07.2022. https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения 31.05.2023).

⁵ NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels: NATO HQ, 2022. P. 3–5.

⁶ См.: [Анищенко, 2020]; Defence expenditure of NATO countries (2014–2022). Communiqué PR/CP (2022) 105. Brussels: NATO, 2022. P. 8, 12.

⁷ Атлас офицера. М.: Военно-топографическое управление, 1974. С. 229.

⁸ Там же, с. 241.

Второй мировой войны, накануне и в первом периоде Великой Отечественной войны нацистская Германия и ее дальневосточный союзник де-факто недостаточно тесно координировали свои планы, каждый рассчитывая лишь собственными силами добиться максимума завоеваний⁹. С 1942 г. возможности для потенциально тесного сотрудничества стали все более сокращаться уже вследствие поражений держав «Оси».

Показателен кейс противодействия агрессии Японии со стороны ведущих «западных демократий». Будучи разгромлена в 1940 г. как метрополия, Франция в своих дальневосточных колониях не смогла организовать сопротивления. Великобритания была намного более настойчива в этих попытках, борясь на грани поражения с официальным Токио в Восточной Азии даже в условиях угрозы вторжения вермахта на Британские о-ва. Основную нагрузку в противодействии Японской империи после нападения на Перл-Харбор (1941) приняли на себя США – выиграв сражения за атолл Мидуэй (1942) и Гуадалканал (1942–1943), они перешли к постепенному наступлению на противника. Вместе с тем, как это подчеркивается в отечественной историографии, важнейшую роль в разгроме японского милитаризма сыграла Красная Армия, нанеся сокрушительный удар по Квантунской группе армий (1945), тем самым заставив официальный Токио пойти на капитуляцию¹⁰.

В послевоенный период Япония пошла на долгосрочное качественное переформатирование отношений с США и «западными демократиями» в целом, заняв положение встроенного в их лагерь, ведомого Белым домом. Притом теснейшие двусторонние отношения официального Токио с Соединенными Штатами сочетались с весьма низким уровнем институционализации многосторонних контактов официального Токио – прежде всего, с «либеральными демократиями» в Европе. Так, в отличие от ремилитаризации ФРГ, что стартовала после вступления страны в НАТО и при условии предельной интегрированности (де-факто 100 %) бундесвера в блок¹¹, воссоздание военной мощи Японии проходило лишь на основе договоренностей с США в национальном качестве [Анищенко 2020]. Притом градус напряженности, который характеризовал участие Западной Германии и Японии в конфронтации с СССР и его союзниками, был заметно выше в случае ФРГ.

Вместе с тем, в постбиполярных реалиях Силы самообороны практически не участвовали в миротворческой деятельности и в целом ограниченно использовались в отдалении от территории страны [Добринская 2020], в то время как вооруженные силы стран – участниц НАТО, в том числе ФРГ, весьма активно применялись за пределами зоны ответственности Альянса – прежде всего, в зонах вооруженных конфликтов на Среднем (Афганистан, с 2000-х гг.) и Ближнем (Ирак и Сирия, со второй половины 2010-х гг.) Востоке.

Трудности на пути установления сотрудничества НАТО и Японии

Старт сближения НАТО и Японии являлся важной, но все же частной составляющей запуска более общего процесса – использования потенциала Альянса в Индо-Тихоокеанском регионе в целом, прежде всего, в контексте «сдерживания» КНР и иных влиятельных незападных игроков. Очевидно, что инициировать оба процесса, особенно второй (большой), должны были именно США. Притом само по себе обращение официального Вашингтона к европейским

⁹ Так, одной из основных причин заключения Японией договора о нейтралитете с СССР от 13 апреля 1941 г. являлось отсутствие раскрытия Германией планов по подготовке нападения на Советский Союз. Тем самым официальный Берлин чрезмерно переоценил свои возможности, рассчитывая стать де-факто единоличным победителем (и тем основным поработителем) СССР.

¹⁰ Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1973. С. 552-573.

¹¹ The Bundeswehr on operations. Berlin: Federal Ministry of Defence, 2009. P. 12-16.

государствам-партнерам по НАТО с просьбой о подключении Альянса к «сдерживанию» КНР стало бы проявлением если не слабости, то зависимости от них. Особенно заметной она оказалась в том случае, если бы в ответ не последовало однозначно положительной, причем консенсусной, реакции. Уже в силу чувствительности возможного имиджевого урона Белый дом при любой администрации едва ли мог допустить такой вариант.

Со времени окончания предшествующей конфронтации Запад – Восток влияние США внутри Евро-Атлантического сообщества существенно ослабло в пользу европейских партнеров (прежде всего, ведущих континентальных игроков – Германии, Франции). Стремление официального Вашингтона к изменению данной тенденции, меняя формы (мягкое лидерство при Б. Обаме, жесткая гегемония Д. Трампа, «мягкая гегемония» Дж. Байдена), в основе своей оставалось неизменным. Соответственно, Белый дом должен был или стимулировать партнеров самих инициировать использование эгиды НАТО на Тихом океане, или как минимум обеспечить безусловную поддержку ими таких предложений со стороны США. Поэтому две изначальные, теснейшим образом связанные между собой задачи для Белого дома, – это зондаж позиции партнеров в увязке с созданием рамочных (точнее, направляющих) условий в самом ИТР и вне его, которые должны обеспечить принятие европейскими государствами-партнерами по НАТО подхода официального Вашингтона.

До рубежа 2010-х – 2020-х гг. вопрос о «китайской угрозе» и тем более конкретизации форм противодействия ей как минимум официально не поднимался на саммитах НАТО. Почему? Во-первых, значимым был фактор объемных и разветвленных торгово-хозяйственных связей абсолютного большинства государств «западной демократии» в Европе с КНР. Так, на фоне сильной экономической взаимозависимости Германия еще в 2011 г. учредила формат межправительственных консультаций с Китаем [Цзык 2019, с. 215–216]. Данный механизм продолжал успешно функционировать как минимум до начала 2020-х гг., до того времени не получив аналога в диалоге официального Берлина с Токио. Среди прочего неготовность к частичному разрушению торгово-хозяйственных связей европейских государств-членов НАТО с КНР объяснялась фактором уже начавшегося глубокого проседания экономических отношений с РФ, в увязке со значимостью сохранения важного источника дохода, необходимого для роста военных трат без урезания социальных статей.

Во-вторых, значимы были ограничители сугубо военного характера. В середине 2010-х – начале 2020-х гг. скорость прироста численности личного состава крупнейших (свыше 100 тыс. чел. личного состава) национальных вооруженных сил (ВС) государств-членов НАТО была низкой (1–2 % в год), иногда – отрицательной¹². Исключение составляла лишь Польша¹³, чья «военная машина» была предельно сосредоточена на «сдерживании» России. Первоочередность последней задачи для европейских стран – участниц НАТО в увязке со сложностью наращивания своих вооруженных сил до предела снижала возможности их практического участия в еще одной конфронтации – с Китаем. Косвенное подтверждение тому – заметное сокращение численности военнослужащих европейских государств-членов НАТО, применяемых вне зоны ответственности Альянса в целом, в том числе непосредственно в составе его миссий. Так, если к 2014 г. за пределами Евро-Атлантического сообщества использовалось порядка 7 тыс. военнослужащих бундесвера, то в 2014–2015 гг. этот показатель упал вдвое (до 3,5 тыс.) [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath 2018, p. 8–11], а в начале 2020-х гг. – до 2 тыс. чел.¹⁴ Скачкообразный рост обязательств по линии НАТО внутри зоны ответственности в условиях ограниченности

¹² Рассчитано на основе: Defence expenditure of NATO countries (2014-2022). Communique PR/CP (2022) 105. Brussels: NATO, 2022. P. 12.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (Stand: 23. Januar 2022). <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (дата обращения 31.05.2023).

полностью боееспособных частей и подразделений вынуждал государства-члены блок резко сокращать активность вовне оной.

Однако предпринятые по инициативе или самой активной поддержке США меры смогли обеспечить невозможное на первый взгляд «окно возможностей» в смысле направления ресурсов НАТО на Дальний Восток. На фоне медленного роста национальных ВС огромной, резко опережавшей данный показатель, была скорость увеличения войск в подчинении самого Альянса как института – непосредственно находившихся в данный момент в составе его группировок или как минимум зарезервированных под это применение. Так, на 2013 г. из войсковых механизмов в распоряжении блока (не считая заграничных миссий) находились лишь силы быстрого реагирования (СБР) штатной численностью в 13 тыс. военнослужащих¹⁵. С учетом 7-летнего цикла ротации это означало закрепление для использования под эгидой НАТО порядка 90 тыс. военнослужащих. В распоряжении блока как структуры имелись и другие военные компоненты (например, объединенные штабы, силы AWACS), однако они были существенно меньше по размеру, чем СБР. В целом можно утверждать, что к 2014 г. общий объем сил, имевшийся в распоряжении Альянса, едва ли значительно превышал 100 тыс. солдат и офицеров. Резкий рост СБР (штатная численность – уже 40 тыс. с 2015 г.)¹⁶, развертывание регулярно наращиваемых сил передового развертывания, учреждение резервов под эгидой Альянса своим закономерным следствием имели определение на саммите 2022 г. показателя в 800 тыс. военнослужащих как четко установленного нового объема войск, имевшегося в распоряжении НАТО¹⁷. Обладание такой мощью позволяло ему не только полномасштабно участвовать в «сдерживании» России, но и подключиться к выполнению данной функции по отношению к Китаю. Переход к решению второй задачи технически облегчался неравномерностью нагрузки на конкретные виды войск при выполнении первой. Так, наиболее полно в противодействии РФ в составе группировок НАТО в Европе были задействованы сухопутные войска. Несколько иной была ситуация с ВМС. Притом уже в силу географических особенностей ИТР логично, что именно на военно-морские силы должна была ложиться основная нагрузка в «сдерживании» КНР в кооперации с Японией.

Не менее важно изменение подхода США к миссиям НАТО вне зоны ответственности Альянса – прежде всего, в Афганистане. С 2000-х гг. Средний, в меньшей степени Ближний Восток являлся основным региональным направлением военно-стратегической активности Альянса за пределами Евро-Атлантического сообщества. Притом это положение оставалось неизменным после перехода Запада к конфронтации с РФ (с заранее запланированным сокращением выделяемых сил и средств в момент окончания деятельности ISAF и старта миссии Resolute Support в 2014/2015 г.)¹⁸. О важности этого трека свидетельствует и тот факт, что он был одним из немногих, где в первые два десятилетия XX в. а наблюдалась активная политическая кооперация НАТО с Японией. Однако выход администрации Д. Трампа на сделку с афганским «Талибаном» (запрещенная в РФ террористическая организация) 29 февраля 2020 г., итоговое решение уже аппарата Дж. Байдена в пользу ее имплементации от 14 апреля 2021 г. привели к экстренному (де-факто же к 1 июля 2021 г.) полному свертыванию многостороннего военного присутствия НАТО¹⁹. На практике эти шаги вызвали глубокое разочарование у европейских стран – участниц блока (прежде всего, Германии и Италии).

Притом какой-либо полноценной альтернативы утраченному афганскому треку деятельности Альянса как провайдера стабильности и безопасности в реалиях начала

¹⁵ NATO Response Force. 2022...

¹⁶ Ibid.

¹⁷ New NATO Force Model. 8.07.2022...

¹⁸ Resolute Support Mission in Afghanistan (2015-2021). 2022. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_113694.htm (дата обращения 31.05.2023).

¹⁹ Ibid.

2020-х гг. не просматривалось. Одновременно едва ли можно считать, что США, как и европейские государства-члены НАТО, были готовы отказаться от глобализации деятельности блока как таковой – речь шла о смене ее основного вектора как функционально (переход от урегулирования вооруженных конфликтов к «сдерживанию» незападных оппонентов), так и географически. Отнюдь не случайно, что именно в первом полугодии 2021 г. – времени уже шедшего (с администрации Д. Трампа) и завершившегося аннулирования присутствия НАТО в Афганистане – США резко активизировали зондаж и получили от европейских партнеров формальное согласие на их будущее подключение к «сдерживанию» КНР. Притом со стороны Германии и Франции готовность к этому была впервые обозначена 5 февраля 2021 г.²⁰ – в момент, когда администрация Дж. Байдена взяла время на изучение «сделки» с талибами, что неправильно трактовалось официальным Берлином как сигнал к готовности сохранить совместное присутствие в Афганистане. По прошествии шока от его демонтажа США совместно с Великобританией приступили на саммите G7 11–13 июня 2021 г., накануне аналогичного мероприятия уже на уровне НАТО, к формированию коалиции государств и структур, готовых противодействовать усилению КНР. Помимо Австралии, Индии, ЮАР на указанное мероприятие G7 была приглашена и Япония [Dieter 2021, p. 1] – иными словами, был сделан важный шаг на пути ее фактического сближения с Североатлантическим альянсом. Тем самым Белый дом содействовал смещению фокуса стратегического внимания НАТО со Среднего Востока на Индо-Тихоокеанский регион, де-факто предлагая европейским партнерам рассматривать возможность подключения к «сдерживанию» Китая на Дальнем Востоке альтернативой военной активности, осуществляемой на протяжении двух десятилетий (2001–2021) в Афганистане.

Почему только администрация Дж. Байдена, а уже не одна из ее предшественниц поставила и стала решать в открытой плоскости вопрос об использовании эгиды НАТО на Дальнем Востоке, хотя конфронтация США с КНР стала отчетливой уже с середины 2010-х гг.? Белый дом при Б. Обаме понимал невозможность участия европейских государств-членов Альянса сразу в двух конфронтациях на самых ранних стадиях их развития. Не исключено также, что в тех реалиях «сдерживание» КНР Белый дом стремился осуществлять лишь своими и ближайших партнеров в ИТР силами, одновременно будучи заинтересован в предельной сфокусированности европейских государств-членов НАТО на противодействии РФ в различных измерениях. Показательно в связи с этим, что США при Б. Обаме не стали входить в состав «Нормандского формата», делегировав в нем представительство от Запада германо-французскому тандему.

При Д. Трампе ситуация оказалась намного более противоречивой. После вступления в должность 45-й президент США смягчил свое изначально весьма негативное отношение к НАТО как многосторонней структуре. Притом Д. Трамп стал стремиться к монетаризации (коммерциализации) обязательств США перед партнерами по блоку, пытаясь увеличить степень их ориентированности на Белый дом и одновременно оптимизировать использование собственных сил и средств непосредственно под эгидой Альянса. При инициировании и ведении торгово-хозяйственных (таможенных) конфликтов с Китаем, наращивании полупериметра его «сдерживания» в регионе США опирались на собственные силы и средства, а также возможности партнеров в Индо-Тихоокеанском регионе – прежде всего, Австралии и Японии. Поэтому декларативно и фактически США до окончания президентства Д. Трампа (2017–2021) не демонстрировали интереса к использованию эгиды НАТО на Дальнем Востоке, однако потенциально линия 45-го президента США в отношении европейских партнеров вела

²⁰ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Macron anlässlich des Deutsch-Französischen Verteidigungs- und Sicherheitsrates am 5. Februar 2021. 5.02.2021. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-macron-anlaesslich-des-deutsch-franzoesischen-verteidigungs-und-sicherheitsrates-am-5-februar-2021-1851512> (дата обращения 31.05.2023).

к росту их готовности поддержать такое решение, чем и воспользовалась уже администрация Дж. Байдена.

С одной стороны, в начале 2020-х гг. интерес европейских государств-членов НАТО к стратегическому закреплению в ИТР в целом и сближению с Японией в частности заметно возрос. С другой, – на практике эти игроки предпочитали действовать в национальном качестве. Показателен кейс развития диалога в сфере безопасности и обороны Японии и Германии, чей старт стратегического проникновения в ИТР пришелся на начало 2020-х гг. В 2020–2023 гг. для официального Берлина Токио из положения одного из основных партнеров²¹ в регионе превратился в ключевого²². ФРГ умело дополняла подъем диалога в общеполитической области его развитием в военной сфере. В апреле 2021 г. стороны запустили формат встречи по формуле «2+2», т.е. с участием министров иностранных дел и глав военных ведомств²³. Военно-дипломатическая миссия фрегата «Бавария» в ИТР (август 2021 г. – февраль 2022 г.) своими важнейшими элементами имела заход в порт Токио (в ознаменование к 160-летию установления отношений) и участие в учениях ANNUALEX с участием ВМС Японии и США²⁴. 28 апреля 2022 г., в день законодательного одобрения Бундестагом возможности поставок вооружений и военной техники (ВиВТ) официально Киеву, О. Шольц прибыл с визитом в Японию, согласовав с Ф. Кисида запуск формата межправительственных консультаций²⁵. В сентябре – октябре 2022 г. ВВС ФРГ отработали трансконтинентальную переброску группы самолетов на Японские о-ва (с базированием на аэродром Хякури)²⁶. Следует подчеркнуть, что все данные шаги осуществлялись Германией в национальном качестве, что показывало сдержанное отношение к использованию эгиды НАТО. Еще более иллюстративны визиты лидеров крупнейших европейских континентальных стран – участниц НАТО и ЕС в Китай – канцлера О. Шольца (4 ноября 2022 г.), президента Франции Э. Макрона (6 апреля 2023 г.). Эти шаги были нацелены на недопущение резкого спада отношений с КНР.

Особенности сближения НАТО с Японией в 2022–2023 гг.

Указанные тактики европейских континентальных держав – участниц НАТО вели к затягиванию на продолжительный срок (до нескольких лет и даже более) промежуточного этапа, предшествующего полноценному использованию возможностей блока на Дальнем Востоке.

В определенной мере этому содействовала позиция официального Токио в вопросе выбора форм оказания поддержки Киеву в условиях проведения РФ вынужденной специальной

²¹ Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020. S. 6-20.

²² Rede von Bundeskanzler Scholz auf der Asien-Pazifik-Konferenz der Deutschen Wirtschaft am 14. November 2022 in Singapur. 14.11.2022. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzler-scholz-auf-der-asien-pazifik-konferenz-der-deutschen-wirtschaft-am-14-november-2022-in-singapur-2142644> (дата обращения 31.05.2023).

²³ Außen- und sicherheitspolitische Konsultationen zwischen Japan und Deutschland. 13.04.2021. <https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/japan-node/aussen-sicherheitspolitische-konsultationen-mit-japan/2453644> (дата обращения 31.05.2023).

²⁴ Marinemanöver: Die „Bayern“ bei ANNUALEX 2021. 9.12.2021. <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/manoever-fregatte-bayern-annualex-2021-5311952> (дата обращения 31.05.2023).

²⁵ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida zum Besuch von Bundeskanzler Scholz in Japan am 28. April 2022 in Tokio. 28.04.2022. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesident-kishida-zum-besuch-von-bundeskanzler-scholz-in-japan-am-28-april-2022-2028824> (дата обращения 31.05.2023).

²⁶ Besuch in Japan krönt Rapid Pacific 2022. 28.09.2022. <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/besuch-in-japan-kroent-rapid-pacific-2022-5507982> (дата обращения 31.05.2023).

военной операции. Будучи единственным дальневосточным игроком, принимавшим активное участие в консультациях «либеральных демократий» по Украине, не в пример остальным Япония как минимум до лета 2023 г. ограничивалась в основном дипломатической и финансовой помощью²⁷, направлением гражданских грузов. Иными словами, речь не шла о поставках вооружения и военной техники, а также инициативном участии японских войск (по аналогии с Финляндией и Швецией до момента подачи ими заявок на вступление в НАТО) в комплектовании различных, особенно военно-морских, группировок Альянса внутри зоны ответственности и прилегающих акваториях. Это более сдержанная, чем у акторов Евро-Атлантического сообщества позиция, де-факто облегчала отстаивание заинтересованными европейскими государствами-членами Альянса зеркального подхода к «сдерживанию» КНР – точечного объема участия в данном процессе.

Стимулирование партнеров к пересмотру этого положения осуществлялось США с помощью двух тактик. Одна из них – расширение, совершенствование системы форматов с участием Белого дома, в т.ч. де-юре неформальных, в сфере безопасности и обороны в ИТР. Этот процесс стартовал еще при Д. Трампе, будучи развит и продолжен при Дж. Байдене. В самом конце 2010-х гг. было активизировано использование QUAD (Австралия, Индия, США, Япония), запущенного по инициативе премьер-министра Японии С. Абэ при поддержке администрации Дж. Буша-старшего еще в 2007 г. Вместе с тем, дружественная линия официального Нью-Дели по отношению к РФ, его участие в БРИКС на практике снизила потенциальные возможности по использованию QUAD как механизма «сдерживания» КНР [Худайкулова, Рамич 2020, с. 26–36]. Таковыми де-факто явились вновь созданные форматы с исключительным членством США, англо-саксонских стран в целом, а также официального Токио как их ближайшего партнера: AUKUS (Австралия, Великобритания, США) с учреждением 15 сентября 2021 г. и Partners in the Blue Pacific (Blue Pacific Alliance) (указанный триумвират игроков, Новая Зеландия и Япония) 24 июня 2022 г.²⁸ Де-факто данные структуры выполняли двойную функцию: не просто противодействие усилению КНР, но стимулирование к участию в этом европейских государств-членов НАТО, заинтересованных в стратегическом проникновении в ИТР. Показательна хронологическая взаимосвязь создания данных форматов с фиксированием на доктринальном уровне роста стратегического внимания Альянса к Дальнему Востоку. Так, учреждение AUKUS произошло после Брюссельского саммита НАТО 14 июня 2021 г. (и предшествующей встречи G7) [Dieter 2021, р. 1–3], на котором усиление влияния КНР впервые было обозначено в качестве угрозы²⁹. А создание Partners in the Blue Pacific произошло буквально накануне нового форума G7 и Мадридского саммита Альянса 28–30 июня 2022 г., на котором «китайский вызов» был включен в новую стратегическую концепцию блока³⁰. А уже в сентябре 2022 г. на фоне роста военной активности ФРГ и Канады на Дальнем Востоке страны – участницы Blue Pacific Alliance пригласили крупнейшее европейское государство – член НАТО и пятую (последнюю) из англо-саксонских стран к укреплению сотрудничества с форматом³¹, тем самым задавая рамочное условие для активизации использования блока

²⁷ См., например: Япония предоставит помощь Украине. 20.02.2023. <https://ria.ru/20230220/pomosch-1853177085.html> (дата обращения 31.05.2023).

²⁸ Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP). 24.06.2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/> (дата обращения 31.05.2023).

²⁹ Brussels Summit Communiqué. 14.06.2021. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (дата обращения 31.05.2023).

³⁰ NATO 2022 strategic concept... P. 3-5.

³¹ Joint Statement on Partners in the Blue Pacific Foreign Ministers Meeting. 22.09.2022. <https://www.state.gov/joint-statement-on-partners-in-the-blue-pacific-foreign-ministers-meeting/> (дата обращения 31.05.2023).

в ИТР. Эта линия не могла не оказывать влияние на содержание диалога Японии с европейскими «либеральными демократиями» – прежде всего, Германией³².

Другая тактика – сближение с официальным Токио по линии центрального аппарата Североатлантического альянса. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг инициировал прецедентное приглашение премьер-министра Японии (а также правительственных делегаций Австралии, Новой Зеландии и Южной Кореи) на саммит Альянса, который проходил в Мадриде в 2022 г.³³ Тем самым в присутствии премьер-министра Ф. Кисида на высшем доктринальном уровне – в стратегической концепции, принимаемой обычно на 10–15 лет – Китай был обозначен источником угроз³⁴; притом сама Япония не была упомянута в документе³⁵. Это отнюдь не означало отсутствия стратегического интереса со стороны блока к ней, но позволяло гибко подходить к сотрудничеству, определяя приемлемые для всех сторон скорость и формы данного процесса.

Показательна интенсификация диалога в первом полугодии 2023 г. 31 января – 1 февраля в Японию прибыл с визитом Й. Столтенберг, посетив столицу и авиабазу Ирума, через которую направлялась техническая помощь ВСУ³⁶. В начале апреля 2023 г. в штаб-квартиру НАТО вновь были приглашены правительственные делегации Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Японии – переговоры с участием всех четырех состоялись 5 апреля³⁷. Им предшествовала встреча главы японского МИД Ё. Хаяси с генеральным секретарем Й. Столтенбергом 4 апреля 2023 г.³⁸ – в день официального расширения Альянса на Финляндию. Тем самым была подчеркнута взаимосвязь стремления НАТО к сильному укреплению позиций в Северной Европе, т.е. вблизи Арктики, и на Дальнем Востоке, к середине 2020-х гг. превращавшихся в основные направления деятельности блока вне зоны ответственности. Символично и иное: 4 апреля 2023 г. Й. Столтенберг провел встречи не только с главой внешнеполитического ведомства Японии, но и США Э. Блинкеном³⁹, что позволило четко выявить ключевого лоббиста роста стратегической активности Альянса на Дальнем Востоке. В ходе переговоров Й. Столтенберг неоднократно подчеркивал, что «у НАТО нет более близкого и дееспособного партнера, чем Япония»⁴⁰. В своих выступлениях Й. Столтенберг последовательно проводил мысль о необходимости объединения в целом ряде вопросов «сдерживания» РФ и КНР, наиболее дружественных им игроков⁴¹.

НАТО как организация рассчитывала на большую помощь Японии в противодействии России, особенно в смысле усиления поддержки официальному Киеву. Показательно, что между

³² Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida zum Besuch von Bundeskanzler Scholz in Japan am 28. April 2022 in Tokio. 28.04.2022...

³³ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at Keio University. 1.02.2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_211398.htm?selectedLocale=en (дата обращения 31.05.2023).

³⁴ NATO 2022 strategic concept... P. 3-5.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at Keio University. 1.02.2023...

³⁷ Statement of the NATO Secretary General with representatives of Australia, New Zealand, Japan and South Korea. 5.04.2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_213474.htm?selectedLocale=en (дата обращения 31.05.2023).

³⁸ Joint statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with the Minister of Foreign Affairs of Japan, Yoshimasa Hayashi. 4.04.2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_213469.htm?selectedLocale=en (дата обращения 31.05.2023).

³⁹ Joint statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with the U.S. Secretary of State, Antony Blinken. 4.04.2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_213418.htm?selectedLocale=en (дата обращения 31.05.2023).

⁴⁰ Secretary General in Tokyo: No NATO partner is closer or more capable than Japan. 31.01.2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_211272.htm?selectedLocale=en (дата обращения 31.05.2023).

⁴¹ Statement of the NATO Secretary General with representatives of Australia, New Zealand, Japan and South Korea. 5.04.2023...

двумя фазами интенсификации сотрудничества официальных Брюсселя и Токио (февраль и апрель 2023 г.) состоялась заранее не обозначенная поездка премьер-министра Ф. Кисиды на Украину 21 марта 2023 г.⁴² – как хронологически совпадающая антитеза официальному визиту председателя КНР Си Цзиньпина в РФ.

В свою очередь, уже в кратко- и особенно среднесрочной перспективе Альянс был готов оказывать растущую стратегическую поддержку Японии в ее «домашнем» регионе – на Дальнем Востоке. Официальным Брюсселем стал ставиться вопрос об открытии своего представительства на территории партнера⁴³ – тем более, что сам официальный Токио имел таковое при штаб-квартире Североатлантического альянса. Вместе с тем, данный план вызвал критику со стороны Франции⁴⁴, вновь показывая еще не раздвинутые пределы готовности ведущих европейских континентальных стран – участниц НАТО к использованию эгиды Альянса в ИТР.

В военном отношении сотрудничество официальных Брюсселя и Токио было на начало 2020-х гг. ограниченным по объему и качеству. Так, Япония в качестве наблюдателя (направление штабного офицера) приняла участие в носивших провокационный характер учениях НАТО Sea Breeze 21 (28 июня – 10 июля 2021 г.), которые проводились в Черном море и прилегающей части Украины⁴⁵. В июне 2022 г. японские корабли провели совместные маневры с 2-й постоянной военно-морской группой (ПМГ) НАТО в Средиземном море⁴⁶. Тем самым стали возникать прецеденты военного сотрудничества сторон, готовые перерасти в тенденцию. Намного более тесной была кооперация сторон в киберсфере: японские представители участвовали в работе центра повышения соответствующих компетенций НАТО в Таллине (Эстония) и ежегодно проводимых на его основе профильных учений Cyber Coalition⁴⁷.

К середине 2023 г. наметилось стремление центрального аппарата Североатлантического альянса обеспечить «эффект переплескивания»: распространить подъем отношений с Японией в политической сфере на военную. Еще в 1950-е гг. по этому пути в диалоге с официальным Токио весьма успешно пошли США, в начале 2020-х гг. (хотя и в совершенно иных объемах) – ФРГ. Важным шагом на этом пути стал визит делегации управления по военному сотрудничеству НАТО в Токио 24–26 апреля 2023 г.⁴⁸

Содержание переговоров позволяло вскрыть основные перспективные направления стратегической кооперации сторон:

– возможность соучастия Японии в миссиях НАТО по миротворчеству и поддержанию мира. Сам официальный Токио проявлял к этому растущий интерес [Добринская 2020], подкрепляя его развитием профильной (специализированной) компоненты вооруженных сил. Вместе с тем, здесь трудность заключалась в самом блоке, а, точнее, заметном снижении его участия в урегулировании вооруженных конфликтов в Азии на начало 2020-х гг.;

⁴² Премьер Кисида расскажет парламенту о своем визите на Украину. 22.03.2023. <https://ria.ru/20230322/kisida-1859725347.html> (дата обращения 31.05.2023).

⁴³ Токио обсуждает с НАТО открытие представительства альянса в Японии. 9.05.2023. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17708165> (дата обращения 31.05.2023).

⁴⁴ Позиция Франции осложняет открытие первого представительства НАТО в Японии – СМИ. 06.06.2023. <https://www.ng.ru/news/768186.html> (дата обращения 31.05.2023).

⁴⁵ Япония решила поучаствовать в Sea Breeze-2021, в качестве наблюдателя. 2.07.2021. <https://rossaprimavera.ru/news/66d85864> (дата обращения 31.05.2023).

⁴⁶ NATO ships train with Japan Maritime Self-Defense Force in Mediterranean Sea. 9.06.2022. <https://mc.nato.int/media-centre/news/2022/nato-ships-train-with-japan-maritime-selfdefense-force-in-mediterranean-sea> (дата обращения 31.05.2023).

⁴⁷ NATO military delegation heads to Japan for staff talks. 3.05.2022. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_214295.htm?selectedLocale=en (дата обращения 31.05.2023).

⁴⁸ Ibid.

– гармонизация действий в области военного планирования. Речь, во-первых, шла об обозначенной Японией при Ф. Кисида самоцели по выходу уровня ежегодных военных расходов на отметку в 2 % от ВВП к 2027 г. [Sakaki 2023, p. 1] – задаче, должной быть выполненной государствами – членами НАТО на отрезке 2014–2023 гг. Иными словами, официальный Токио стал активнее использовать проектные установки Альянса по развитию профильной мощи в своем планировании и деятельности. Во-вторых, речь шла об обмене опытом в области строительства вооруженных сил. В целом блок обладал намного большим опытом в деле развертывания и функционирования различных многосторонних группировок (с ротацией конкретных контингентов, но четко определенным составом комплектующих стран-участниц), но с отдельными значимыми исключениями. Так, в подчинении НАТО не имелось оперативных групп, составленных в основном из фрегатов, – класса корабля, ответственного за обеспечение присутствия в Мировом океане в XXI в. (соответствующие войсковые механизмы Альянса состояли преимущественно из корветов и минных тральщиков). В свою очередь, Япония нарабатывала здесь существенные практики, притом применительно к Тихому океану. Помимо обмена информацией, передача опыта должна была быть осуществлена в ходе учений – прежде всего, военно-морских, воздушных и с использованием подразделений сил специальных операций.

Наиболее возможной формой стартового использования войск под эгидой НАТО на Дальнем Востоке в кооперации с Японией станет подключение Альянса к проведению крупных учений вблизи нее – вероятнее всего, это будут ANNUALEX. Они проводятся ежегодно с 1996 г. совместно 7-м оперативным флотом США и ВМС Японии, обычно в Филиппинском море. В 2021 г. был создан прецедент участия в ANNUALEX кораблей двух стран-участниц (помимо самих США) – Германии и Канады, но в национальном качестве. В дальнейшем именно этот факт стал важнейшей причиной приглашения именно двух данных государств к углублению сотрудничества с Partners in the Blue Pacific осенью 2022 г.⁴⁹

В дальнейшем возможно развертывание оперативных военно-морских групп НАТО (по образцу ПМГ), т.е., прежде всего, с участием ведущих европейских государств-членов блока, в координации с ВМС Японии и кораблями 7-го оперативного флота США, действующими в национальном качестве. Наиболее вероятное направление появления таких групп НАТО – Филиппинское море; в более отдаленной, в случае институционализации конфронтации с КНР и РФ – в Восточно-Китайском и Японском морях. Не исключено также развертывание патрульной миссии ВВС (по аналогии с Миссией по воздушному патрулированию стран Балтии) с базированием на аэродромы Японии (прежде всего, Хякури (Ибараки)). В свою очередь, уже отрабатываемыми на практике «зеркальными» мерами со стороны Японии может стать подключение кораблей ее ВМС к оперированию постоянных морских и контрминных групп НАТО (прежде всего, 2-й ПМГ) к югу от зоны ответственности – в первую очередь в Средиземном море.

Заключение

Налаживание сотрудничества НАТО как организации с Японией представляет собой пример переформатирования отношений внутри «коллективного» Запада, будучи нацелено на повышение контролируемости им формирования нового миропорядка. Стремление связать воедино (функционально и географически) выстраивание двух конфронтаций – с РФ и КНР – потребовало слома стереотипов, демонстрации взаимозависимости и обеспечения взаимосвязанности между европейскими «либеральными демократиями» и официальным

⁴⁹ Joint Statement on Partners in the Blue Pacific Foreign Ministers Meeting. 22.09.2022...

Токио. Направляющая роль в этом процессе принадлежала США, в определенной мере – тесно связанным с ними генеральным секретариатом НАТО.

По сути, исследуемый процесс проходил два подготовительных этапа. Первый из них – это пробуждение и фиксирование интереса у широкого круга стран – участниц Альянса к «сдерживанию» КНР в ИТР в целом, непосредственно военному сотрудничеству с Японией. Стартовав во второй половине 2010-х гг. во многом в латентных формах, этот этап завершился в самом начале 2020-х гг. Одновременно за НАТО был закреплен такой объем сил и средств, который позволял ей потенциально приступить к решению данных задач в будущем. Второй этап – это подготовка непосредственного активирования эгиды НАТО для использования в ИТР в кооперации с Японией как наиболее ценным партнером для Альянса. В собственно военном отношении эта фаза еще далека от завершения, в политическом – приблизилась к окончанию.

То, насколько динамично и в каких формах (сам факт прецедентного участия НАТО в учениях в регионе, развертывания здесь первой миссии, географии ее оперирования, состава) будет развиваться политическое и военное сотрудничество Альянса с Японией, явится индикатором успешности укрепления ведущих позиций США в сообществе «либеральных демократий» и тем его переформатирования в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анищенко А.Э.* Основные этапы формирования сил самообороны Японии и новые тенденции их модификации // *Хроноэкономика*. 2020. № 4. С. 38–43.
- Арзаманова Т.В.* Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // *Актуальные проблемы Европы*. 2022. № 4. С. 258–284. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>
- Добринская О.А.* Вопросы миротворчества во внешней политике Японии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. № 4. С. 721–737. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-721-737>
- Истомин И.А.* Управление обязательствами в асимметричных альянсах // *Международные процессы*. 2021. № 1. С. 26–55. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.1>
- Киреева А.А.* Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // *Японские исследования*. 2020. № 1. С. 21–47. <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10002>
- Стрельцов Д.В.* Российско-японские отношения после Абэ: новый стресс-тест? // *Японские исследования*. 2022. № 2. С. 120–133. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2022-2-120-133>
- Худайкулова А.В., Рамич М.С.* “КВАД 2.0”: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 3. С. 23–43. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.03>
- Цвык А.В.* Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: актуальные проблемы и новые возможности // *Актуальные проблемы Европы*. 2019. № 4. С. 210–228. <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.12>

REFERENCES

- Anischenko, A.E. (2020). Osnovnye etapy formirovaniya sil samooborony Yaponii i novye tendentsii ikh modifikatsii [Basic Stages of the Japan Self-Defense Forces' Formation and New Tendencies of Their Modification]. *Khronoekonomika* [Chronoeconomics], 4, 38–43. (In Russian).

- Arzamanova, T.V. (2022). Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovaniya Germanii v Indo-Tikhookeanskom regione v usloviyakh vozvrashcheniya sopernichestva velikikh derzhav [Some Aspects of German Strategic Planning in the Indo-Pacific Region Facing the Return of Great Power Rivalry]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 4, 258–284. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>
- Dobrinskaya, O.A. (2020). Voprosy mirotvorchestva vo vneshnei politike Yaponii [Peacekeeping in the Foreign Policy of Japan]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the RUDN University. Series: International Relations], 4, 721–737. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-721-737>
- Istomin, I.A. (2021). Upravlenie obyazatel'stvami v asimmetrichnykh al'yansakh [Management of Security Commitments in Asymmetric Alliances]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 1, 26–55. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.1>
- Khudaykulova, A.V., Ramich, M.S. (2020). “KVAD 2.0”: chetyrekhstoronnii dialog dlya kontrbalansirovaniya KNR v Indo-Tikhookeanskom regione [“QUAD 2.0”: Quadrilateral Dialogue for Counterbalancing China in the Indo-Pacific]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 3, 23–43. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.03>
- Kireeva, A.A. (2020). Novaya istoricheskaya vekha v kitaisko-yaponskikh otnosheniyakh: naskol'ko gluboko poteplenie i chto za nim stoit? [A New Historic Era in China-Japan Relations: How Deep is the Rapprochement and What Are the Reasons?]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 1, 21–47. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10002>
- Streltsov, D.V. (2022). Rossiisko-yaponskie otnosheniya posle Abe: novyi stress-test? [Russian-Japanese Relations After Abe: A New Stress Test?]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2, 120–133. (In Russian). <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2022-2-120-133>
- Tsvyk, A.V. (2019). Strategicheskoe partnerstvo Germanii i Kitaya na sovremennom etape: aktual'nye problemy i novye vozmozhnosti [Strategic Partnership of Germany and China Today: Current Problems and New Opportunities]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current Problems of Europe], 4, 210–228. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.12>

* * *

- Dieter, H. (2021). First Summit of the Anti-China Coalition. *SWP Comment*, 36. DOI: 10.18449/2021C36
- Glatz, R., Hansen, W., Kaim, M., Vorrath, J. (2018). *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel*. Berlin: German Institute for International and Security Affairs SWP. (In German).
- Heiduk, F. (2021). *Security in the Indo-Pacific*. Berlin: German Institute for International and Security Affairs SWP.
- Johnston, S.A. (2017). *Strategy and Organization in the Atlantic Alliance Since 1950*. Baltimore: The Johns Hopkins University.
- Sakaki, A. (2023). Japans sicherheitspolitische Neuausrichtung. *SWP-Aktuell*, 23. (In German).
- Sloan, S. (2020). *Defense of the West: Transatlantic Security from Truman to Trump*. Manchester: Manchester University Press.

Поступила в редакцию: 07.06.2023
Принята к публикации: 11.07.2023

Received: 07 June 2023
Accepted: 11 July 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-103-111

**Колониальное развитие Тайваня глазами
современных японских исследователей
(на примере книги Т. Ватанабэ «Мэйдзийские японцы,
создавшие современный Тайвань»)
Рецензия на: Watanabe T. The Meiji Japanese
who made modern Taiwan**

В.А. Перминова

Аннотация: В рецензии представлен обзор монографии известного японского ученого-экономиста, профессора Университета Такусёку Тосио Ватанабэ, посвященной исследованию колониальной истории Тайваня первой половины XX в. Автор книги представил яркую картину того, как японцам удалось кардинальным образом трансформировать всю экономику острова и перенести «мэйдзийскую» модель модернизации в свою колонию.

Ключевые слова: Тайвань, Япония, модернизация, Мэйдзи, колония.

Автор: Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, участник научного коллектива проекта «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии» МГИМО МИД России, доцент Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: verger177@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Перминова Вера Александровна. Колониальное развитие Тайваня глазами современных японских исследователей (на примере книги Т. Ватанабэ «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань»). Рецензия на: Watanabe T. The Meiji Japanese who made modern Taiwan. Translated by Robert D. Eldridge. Lanham ML: Lexington Books, 2022. 168 p. // Японские исследования. 2023. № 3. С. 103–111. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-103-111.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 23-18-00109 «Нарративы «исторических обид» в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии»).

**Colonial development of Taiwan as viewed
by contemporary Japanese scholars
(using the example of the book by Toshio Watanabe
The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan)
Review of: Watanabe T. *The Meiji Japanese
Who Made Modern Taiwan***

V.A. Perminova

Abstract: This review analyzes the monograph by a famous Japanese economist, professor of Takushoku University Toshio Watanabe, which focuses on the colonial history of Taiwan in the first half of the 20th century. The author provides a vivid picture of the Japanese transforming the entire economy of the island and “transplanting” the model of Meiji modernization into their colony.

Key words: Taiwan, Japan, modernization, Meiji, colony.

Author: Perminova Vera A., PhD (History), Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; member of the research team of the project “Narratives of “historical grievances” in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”, MGIMO University; Associate Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: verger177@yandex.ru.

For citation: Perminova V.A. (2023). Kolonial’noe razvitiye Taivanya glazami sovremennykh yaponskikh issledovatelei (na primere knigi T. Vatanabe «Meidziiskie yaponsy, sozdavshie sovremennyy Taivan’»). Retsenziya na: Watanabe T. The Meiji Japanese who made modern Taiwan [Colonial development of Taiwan as viewed by contemporary Japanese scholars (using the example of the book by Toshio Watanabe The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan). Review of: Watanabe T. *The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan*]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 3, 103–111. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-103-111.

Acknowledgements: This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00109 “Narratives of “historical grievances” in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”).

Книга Тосио Ватанабэ «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань» посвящена исследованию колониальной истории Тайваня первой половины XX в., а точнее изучению роли Японии в модернизации острова. На примере известных японских ученых и инженеров, работавших на Тайване в то время, а также талантливых администраторов, которые внесли наибольший вклад в развитие колонии – таких как Кодама Гэнтаро и Гото Симпэй – Т. Ватанабэ постарался представить яркую картину того, как мэйдзийским японцам удалось кардинальным образом трансформировать всю экономику острова. В качестве подтверждения эффективности колониальной политики автор книги приводит сообщения из западной прессы начала XX в. о результатах освоения острова, где Японскую империю признают успешной колониальной державой, способной эффективно управлять «дикими» территориями. В заключении Т. Ватанабэ проводит сравнение колониального Тайваня и колониальной Кореи, отвечая на вопрос, почему управление Тайванем оказалось более успешным и современные тайваньцы в большей мере настроены прояпонски, чем жители Кореи.

Книга состоит из десяти глав (включая вступление и заключение), однако тематически ее можно условно разделить на несколько частей – адаптация японского сорта риса на Тайване и использование этих наработок в других странах Азии (главы 1, 2), строительство

ирригационной системы (главы 4, 5), краткий экскурс в историю Тайваня (глава 3), особенности управления Тайванем под руководством Кодама Гэнтаро и Гото Симпэй (глава 6), восприятие японской политики в США и Англии (глава 7), сравнение колониального опыта Тайваня и Кореи (заключение).

Культивация риса «хораи»

Одним из ярких ученых, работавших на Тайване в колониальный период, был Исо Эйкити (Iso Eikichi), который вывел производство риса на принципиально новый уровень. Он прибыл на остров в 1912 г. для решения вопроса недостатка риса в масштабах всей империи – в самом начале XX в. и особенно после окончания русско-японской войны 1904–1905 гг. Япония испытывала серьезную нехватку в этом продукте. Как отмечает Т. Ватанабэ, увеличение урожайности тайваньского риса, в первую очередь, помогло урегулировать рисовый кризис в метрополии, и, во-вторых, в значительной мере способствовало модернизации рисового производства в колонии. Э. Исо работал на сельскохозяйственной экспериментальной станции в пригороде Тайбэя, почти в это же самое время его коллега Суэнага Мэгуму (Suenaga Megumu), прибывший на остров двумя годами ранее, проводил подобные исследования в г. Цзяи (Каги)¹.

Т. Ватанабэ довольно подробно описывает научную работу, которую провели Э. Исо и М. Суэнага, прежде чем пришли к выводу о том, что следует адаптировать под тропические условия Тайваня именно японский сорт риса, а не заниматься селекцией местных сортов [Watanabe, 2022, р. 7]. Как замечает автор, культивация японского сорта, который с немалым трудом можно было выращивать в тропиках, была вызвана, в первую очередь, тем, что этот продукт должен был в основном поставляться в Японию (с. 7–8). Тайваньские сорта риса для жителей метрополии не подходили по вкусовым качествам, поэтому реализация такого масштабного проекта, как кардинальное повышение урожайности риса и экспорт его в Японию, могла быть оправдана с материальной точки зрения только в том случае, если этот рис будут покупать японцы, а в перспективе, если эксперимент будет удачным, – и другие страны Азии. Таким образом, первоочередной задачей повышения урожайности риса на Тайване было не накормить местное население, которое вполне было готово потреблять местные сорта, а, главным образом, экспортировать рис за пределы колонии. Напомним, что такое стремительное увеличение производства не сказывалось на увеличении потребления продукции внутри колонии – заниженные властями цены на рис и, как следствие, сокращение доходов крестьян явилось причиной того, что средний объем потребления риса на человека сократился почти на треть – крестьяне вынуждены были сбывать на рынке по невысокой цене часть потребляемого семей риса и восполнять недостаток другими продуктами [Чэнь Бишэн 1982, с. 207].

Т. Ватанабэ пишет, что японский сорт риса стал популярен среди фермеров на Тайване и полюбился местным жителям [Watanabe 2022, р. 12–13]. Это, вероятно, так, однако этой популяризации немало способствовали конкретные административные меры, которые стимулировали местных фермеров выращивать именно этот сорт риса. Как отмечает Т. Ватанабэ, еще на протяжении нескольких лет после того, как в 1926 г. сорт *хораи* был официально анонсирован на XIX ежегодной конференции Ассоциации поставщиков риса Японской империи, Э. Исо пришлось еще много работать над тем, чтобы урожайность такого прихотливого сорта не зависела от погодных условий и была стабильно высокой. Как замечает автор, в некоторых областях, где выращивали *хораи*, иногда погибало от 40 до 100% урожая (с. 14–15), поэтому методы культивации и конкретный вид этого сорта Э. Исо усовершенствовал

¹ Позднее, с 1915 г. оба ученых работали вместе в районе г. Тайчжун (Тайтю), где сложились более благоприятные условия для выращивания риса.

вплоть до окончания японского правления и даже позднее – уже при китайских властях. Вместе с тем, Э. Исо и М. Суэнага удалось достичь впечатляющих результатов – урожайность риса в 1920-е гг. заметно повысилась, что позволило не только обеспечить метрополию рисом, но и экспортировать тайваньскую продукцию за пределы империи.

Примечательно, что Э. Исо и после окончания Второй мировой войны продолжал научную работу по усовершенствованию культивации риса *хораи* в условиях тропиков. Он доработал текст своей диссертации, добавив туда самые последние наработки, чтобы его трудами могли в полной мере воспользоваться последующие поколения (с. 2–3). Очевидные успехи Исо Эйкити в культивации нового сорта риса признавали и китайские власти, пришедшие на Тайвань на смену Японии в 1945 г. Э. Исо был среди 20 тыс. японских специалистов, которым власти КР разрешили остаться на острове. Он проработал в Агентстве сельского хозяйства и лесопользования консультантом еще 12 лет – вплоть до 1957 г., после чего вернулся в Японию. Ученый заслуженно пользовался на Тайване уважением на протяжении всего времени пребывания на острове.

Продолжением работы, начатой Э. Исо и М. Суэнага на Тайване, можно считать разработку нового сорта риса Институтом международных исследований риса (основан в 1960 г. на Филиппинах). Именно этот новый сорт, индонезийский (Сорт высокой урожайности IR8), был впоследствии успешно культивирован во многих азиатских странах. Таким образом, тайваньский рис *хораи* стал прототипом нового сорта, который впоследствии «накормил» всю Азию, сотворив тем самым «зеленую революцию» (с. 23).

Ирригационные системы

Стремительное повышение урожайности риса на Тайване во второй половине 1920-х гг. стало возможным благодаря реализации крупного инженерного проекта – строительства ирригационной системы в долине Цзянань на западе острова. Строительство водоотводных каналов, которые подводили воду к полям в засушливый период и отводили ее в период дождей, позволил значительно увеличить площадь обрабатываемой земли в этом районе – с 5 тыс. га до более чем 100 тыс. га и собирать урожай три раза в год. Под руководством известного японского инженера Хатта Ёити в период с 1920 по 1930 г. на реке Цзэнвэнь была сооружена плотина Ушаньтоу, выше по течению реки образовалось водохранилище. Помимо этого, для лучшего распределения воды по равнине Цзянань и увеличения поливных площадей был сооружен тоннель – довольно сложный в инженерном отношении проект, аналогов которому в то время практически не было (Т. Ватанабэ говорит о подобных тоннелях в США и Японии, однако их строительство было завершено позднее тайваньского проекта (с. 86)).

Т. Ватанабэ довольно подробно описывает процесс исследования японскими инженерами равнины и поиск подходящего места для строительства дамбы (с. 69–76). Примечательно, что плотина Ушаньтоу была сооружена на месте старой дамбы, построенной голландцами за 300 лет до прихода туда японцев – со времен голландского присутствия осталась старая кирпичная кладка, на которую обратили внимание инженеры во время обследования территории. В монографии также приводится детальное описание принципа строительства плотины, размещены чертежи и копии записей из блокнота Хатта Ёити (с. 62–63). Учитывая сложность инженерных сооружений (особенно, что касается тоннеля) и специфику оборудования (насосы для ирригации и буровое оборудование для тоннеля) Ё. Хатта принял решение ознакомиться с американскими разработками в этой области, поскольку на тот момент только в США производились насосы и буровое оборудование нужной мощности и надлежащего качества. В результате, после необходимых исследований территории и измерений местности, подлежащей искусственной ирригации, Ё. Хатта в сопровождении еще двух инженеров

на полгода отправился в США, после чего была организована доставка американского оборудования на Тайвань.

Такой основательный подход к реализации столь масштабного инженерного проекта не оставляет сомнений в том, что Ё. Хатта был ученым мирового уровня, а его активная поддержка администрацией колонии – свидетельством того, что власти были готовы пойти на значительные траты, будучи уверенными в том, что этот проект окупит себя в будущем и выведет сельское хозяйство острова на принципиально новый уровень развития. Автор монографии напоминает, что власти продолжали поддерживать строительство под руководством Ё. Хатта после того, как в конце 1922 г. при бурении тоннеля произошел взрыв газа, в результате которого погибли несколько десятков человек, финансирование не было прекращено и после значительного сокращения дотаций из метрополии после крупнейшего землетрясения в Японии в сентябре 1923 г. (Великое землетрясение Канто) (с. 88, 92).

Управление островом под руководством Кодама Гэнтаро и Гото Симпэй

В главе 6 Т. Ватанабэ рассматривает правление четвертого генерал-губернатора Тайваня Кодама Гэнтаро и его ближайшего помощника – главы гражданской администрации Гото Симпэй в качестве примера наилучшей модели администрации. По мнению автора, подлинная модернизация колонии началась лишь с приходом к власти в 1898 г. Г. Кодама и С. Гото, тогда как все усилия предыдущих губернаторов (С. Кабаяма, Т. Кацура, М. Ноги) были, главным образом, направлены на то, чтобы поддерживать внутреннюю стабильность на острове (с. 5–6, с. 120).

Хотя продолжение борьбы с «непокорными» группами населения еще оставалось в числе основных задач при администрации Г. Кодама и С. Гото, власти приступили к «научному» управлению, проведя полномасштабное обследование земель и изучение традиций и обычаев местного населения. К числу важных мер, проведенных в период 1898–1906 гг. автор справедливо относит начало развития сахарного производства, железнодорожное строительство, модернизацию портов в г. Цзилуне и Гаосюне, реализацию санитарно-эпидемиологических мер, введение начального школьного образования, введение монополий и борьбу с опиекурением, учреждение Банка Тайваня и реформирование всей валютно-финансовой системы. Примечательно, что такие административные меры как введение системы «баоцзя» (круговой поруки) и наделение губернатора полномочиями самостоятельно издавать законы («Закон №63»), которые были закреплены в законодательстве колонии почти сразу – в 1898 г., обычно представляются в китайской и тайваньской историографии как отрицательные стороны японского правления. Однако автор монографии причисляет их к необходимым мерам, которые обусловлены, в первую очередь, продолжением борьбы с «местными бандитами», которые отказывались подчиняться властям колонии (с. 127–129). Неслучайно в том же году начал действовать закон о наказании за бандитизм, нарушение которого грозило повстанцам смертной казнью. Т. Ватанабэ подчеркивает, что все эти меры были призваны создать условия для скорейшего начала модернизации колонии, что принципиальным образом отличает правление Г. Кодама и С. Гото от их предшественников, неизбирательно применявших силу в отношении местного населения (с. 5–6, 120).

Что касается личных качеств Г. Кодама и С. Гото, автор книги справедливо отмечает, что они привлекали к работе талантливых людей – известных ученых и инженеров, грамотно организовывали их работу и не боялись ставить амбициозные, а порой и грандиозные задачи. Так называемый научный подход проявлялся не только в готовности поддержать развитие какой-либо отрасли, но и в том, что японцы были готовы потратить время и силы на изучение

опыта других колониальных стран, использовать передовые технологии и технику на Тайване (примером могут служить поездки за рубеж для знакомства с американской техникой Хатта Ёити в 1922 г. и изучение опыта выращивания яванского сахарного тростника ученого Нитобэ Инадзо в 1901 г.).

Следует отметить, что Т. Ватанабэ обо всех японцах, жизнь и работу которых на Тайване он рассматривает в книге, говорит как о людях высоко нравственных, преданных своему делу, неутомимых тружениках и людях, готовых пожертвовать многим ради реализации грандиозных проектов по модернизации колонии. Книга изобилует подробностями из жизни этих ученых – приводится описание бесед с коллегами, процесс убеждения руководства в необходимости утвердить конкретный план работы, описываются некоторые детали их семейной жизни, помимо этого особый упор сделан на эмоциональной составляющей – автор стремится представить наглядную картину того, как ученым было непросто работать. Неоднократно в разных главах Т. Ватанабэ повторяет, насколько сложные задачи перед ними стояли, вновь и вновь напоминает читателю о сложностях работы селекционера и, в частности, работы по адаптации японского риса в условиях тропиков. Очевидно, таким образом автор хотел продемонстрировать не только формальную сторону работы ученых, но и показать читателю судьбу каждого из этих ученых.

В качестве одного из примеров можно было бы рассмотреть эпизод, где Т. Ватанабэ рассказывает о сложности для Исо Эйкити принять решение остаться на Тайване после капитуляции Японии в 1945 г. (с. 2–4). Автор объясняет это, главным образом, высокими моральными качествами ученого и желанием работать на благо Тайваня даже после ухода отсюда японских властей. Вероятно, здесь еще следует учесть амбиции Э. Исо как ученого, который, действительно, стремился довести начатую работу до конца и опробовать на практике новые идеи. Как представляется, таких возможностей для масштабной реализации всех его научных идей, как на Тайване, у него больше нигде не было.

Тайвань до прихода японцев и в период японского правления

В главе 3 автор представил небольшой экскурс в историю Тайваня до прихода туда японцев. Описывая состояние экономики острова в цинский период, Т. Ватанабэ делает вывод о том, что реальная модернизация началась на Тайване только при японских властях: «условия, в которых можно было начать осуществлять управление островом, и которые позволили осуществить социальную интеграцию непокорного острова, были сформированы только Японией» (с. 48). Автор подчеркивает, что цинские власти, хотя и присоединили к империи остров, не собирались его развивать. Японцы же не только смогли полностью подчинить себе Тайвань, но и сделали все возможное для его процветания. В выводах Т. Ватанабэ также пишет о том, что, в отличие от других колониальных держав, японцы были нацелены не на эксплуатацию, а на модернизацию (с. 153). С этими утверждениями можно вполне согласиться, но с некоторыми оговорками. Действительно, японцы первыми из иностранных властей смогли установить свой контроль почти над всей территорией острова (за исключением небольшой части горных районов), однако говорить о социальной интеграции населения в период японского правления, как представляется, довольно сложно. Объединение под началом японских властей различных групп населения на базе японского языка и культуры, несомненно, являлось одной из главных задач колониальной политики, однако едва ли можно отнести интеграцию к результатам этой политики. Утверждение об отсутствии намерений у Японии эксплуатировать ресурсы колонии, как представляется, также не вполне объективно отражает суть колониальной политики. Вероятно, именно стремление к максимально эффективной эксплуатации колонии обусловило намерение властей провести полномасштабную модернизацию. Иными словами, «дивиденды»

от приобретения колонии могли стать максимально большими лишь в случае интенсивного развития всех отраслей на качественно новом уровне.

Отдельные эпизоды тайваньской истории описаны в книге Т. Ватанабэ не вполне точно. В частности, это касается первой японской военной экспедиции на Тайвань 1874 г. и Муданьского инцидента², послужившего поводом для ее организации. Автор говорит о том, что китайские власти отказались возместить убытки за убийство японских рыбаков «дикими» племенами Тайваня под предлогом того, что Тайвань является «чужой землей» (*foreign land*), жители которой не подчиняются цинским властям (с. 48). Использование такой терминологии создает у читателя впечатление, что китайские власти не считали остров территорией, входящей в состав империи, что в большей мере оправдывает действия японцев, отправивших военную экспедицию на «нейтральную», никому не подконтрольную землю. Вместе с тем, цины, несомненно, считали остров своей территорией, однако решили не возмещать Японии убытки за Муданьский инцидент под предлогом того, что «дикие» племена, населяющие горные районы острова, не подчиняются китайским властям (в отличие от китайцев, проживающих в равнинной части). Оценивая причины военной экспедиции на Тайвань, Т. Ватанабэ справедливо замечает, что Муданьский инцидент был использован Японией как предлог для оккупации (*occupation*, с. 48) острова. Говоря о результатах, автор отмечает, что японская сторона, «наказав» тайваньцев за убийство рыбаков, удовлетворилась денежной компенсацией, которую она требовала перед началом военной операции (с. 48). К этому все же следует добавить, что Япония, по сути, не смогла завоевать остров в 1874 г., хотя такие цели ставились перед военной экспедицией. Значительную роль сыграл особый влажный климат Тайваня, где были распространены многие тропические болезни – потери среди японского контингента от этих болезней более чем в 40 раз превышали потери в ходе вооруженных столкновений. Если же рассматривать Муданьский инцидент и последовавшую через три года экспедицию 1874 г. в более широком контексте, то можно отметить, что «защита» рыбаков с островов Рюкю послужила формальным поводом также и к тому, чтобы Япония объявила рюкюсцев своими подданными (в июле 1872 г. территория королевства Рюкю императорским эдиктом была провозглашена частью Японской империи), а по итогам военной экспедиции 1874 г. она окончательно закрепила свой суверенитет над островами, объявив их своей префектурой.

Отдельные термины, использованные в книге, также вызывают вопросы. В частности, автор признает, что все годы сопротивления местного населения установлению японской власти, по сути, были вторым этапом японо-китайской войны (с. 49) – иными словами, речь идет о полномасштабном сопротивлении тайваньцев, а не о локальных очагах нестабильности. При этом те, кто оказывал сопротивление японцам, названы «местными бандитами» (*local bandits*), «убийцами, ворами, мародерами», которых «было очень сложно отличить от мирного населения, т.к. в любой подходящий момент они вновь брали в руки оружие и оказывали сопротивление» (с. 50–51). К «бандитам» относились все – и китайцы, и аборигены: карта антияпонских восстаний «Сопротивление бандитов японским силам в 1896–1932 гг.» (с. 52) демонстрирует места столкновения японцев с китайцами, с аборигенами, а также совместное сопротивление китайцев и аборигенов. Очевидно, такая трактовка, использованная Т. Ватанабэ, относится лишь к колониальному периоду, когда японские власти проводили четкую границу между лояльным режимом населения и повстанцами, которые именовались «бандитами» и попадали под действие принятого в 1898 г. закона о наказании за бандитизм (по данным автора книги только за 1901–1902 гг. по этому закону было приговорено к смертной казни 12 тыс. тайваньцев (с. 127)).

² Японская карательная экспедиция на Тайвань 1874 г. была организована с целью наказать «дикие племена» горцев, населявших восточное побережье острова, по вине которых в 1871 г. погибли японские рыбаки после кораблекрушения (т.н. Муданьский инцидент).

Примечательно, что еще один термин – «аборигены» – Т. Ватанабэ называет «унизительным» для коренных народностей Тайваня, хотя период, который автор описывает с использованием этого термина, относится к до-японской эпохе – периоду миграции материковых китайцев из южных провинций на Тайвань и оттеснению «диких» племен с равнины в горы (с. 47). Известно, что сами японцы также использовали термин «аборигены» применительно к народностям малайского происхождения, проживающим на острове.

Говоря о переходе Тайваня под юрисдикцию Китая в 1945 г., Т. Ватанабэ замечает, что переход под власть китайцев «не отвечал реальным желаниям и устремлениям тайваньцев» (с. 18). Не совсем понятно, на основе каких данных автор сделал такое предположение. Жители Тайваня, действительно, испытали чувство разочарования в политике и методах управления китайских властей, однако это произошло значительно позднее – после подавления Гоминьданом антиправительственного восстания в феврале 1947 г. Едва ли можно говорить о нежелании местного населения возвращаться в состав Китая на момент окончания Второй мировой войны. Пятьюдесятью годами ранее по условиям Симоносекского договора Тайвань перешел к Японии, при этом нежелание тайваньцев менять администрацию с китайской на японскую проявлялось значительно сильнее – антияпонская вооруженная борьба местного населения продолжалась в течение нескольких лет.

В целом, Т. Ватанабэ вполне справедливо отмечает все положительные стороны японского правления, в частности, модернизацию колонии по образцу реформ Мэйдзи, но обходит стороной неприглядные стороны этого правления. Одновременно с этим, при описании периода китайского управления (в эпоху Цин и после окончания Второй мировой войны) Т. Ватанабэ делает акцент исключительно на отрицательных сторонах. В частности, говоря о послевоенном Тайване, автор не упоминает о значительном развитии фермерства и промышленности в 1950-е – 1970-е гг., хотя именно эти преобразования позволили острову перейти к наукоемким отраслям производства и войти в число «азиатских тигров». Демократические преобразования под руководством Ли Дэньхуэя в 1990-е гг., о которых автор говорит как о восстановлении социальных норм и порядка, «привитых» Тайваню японцами и нарушенных Гоминьданом (с. 155), как представляется, не могли состояться без достижения к 1980-м гг. определенного уровня экономического развития.

Тайвань и Корея под управлением Японии

Сравнивая колониальное правление в Корее и на Тайване, Т. Ватанабэ отмечает, что привнесение Японией новых социальных норм и социального порядка было по-разному воспринято населением этих двух регионов (с. 156). Действительно, Тайвань, который был длительное время периферией Китайской империи, на момент перехода к Японии не обладал государственностью, в состав населения входили разные этнические группы, говорящие на разных языках и не составляющие в культурном плане единое, «монолитное» общество. В Корее ситуация была прямо противоположной, поэтому довольно успешно реализуемая на Тайване японская («мэйдзийская») модель модернизации встретила ожесточенное сопротивление со стороны корейского общества. Заметим, что навязывание японской культуры и языка в Корее стало одним из сильнейших факторов роста национализма, являвшегося основой антияпонского сопротивления в колонии. Т. Ватанабэ в своей книге не упоминает об этом факторе, обращая внимание лишь на специфику государственного уклада в Корее («иерархически выстроенное государство, базирующееся на принципах неоконфуцианства», «деспотичное управление с жесткой иерархией в обществе» (с. 156)).

Подводя итог, Т. Ватанабэ говорит о том, что японское правление оказалось наиболее эффективным из всех, что были когда-либо на Тайване (вплоть до вступления острова на путь

демократического развития в конце 1980-х – 1990-х гг.), автор также считает, что японская модель колониального освоения оказалась лучше всех остальных – европейских – колониальных режимов (с. 153). Главной причиной этого, как считает Т. Ватанабэ, являлось то, что японцы не были нацелены на эксплуатацию, как другие колониальные державы, а стремились «перенести японскую модель современной цивилизации на Тайвань», учитывая при этом местные традиции и обычаи (с. 153). Своеобразными проводниками японской модернизации на Тайване стали мэйдзийские японцы – наиболее талантливые управленцы, инженеры и ученые, которые смогли заложить основу дальнейшего развития острова. С этими выводами, несомненно, можно согласиться, однако хотелось бы уточнить, что период, рассматриваемый автором монографии как принципиальный для дальнейшего освоения острова и в каком-то смысле даже переломный, имея ввиду тот факт, что Тайвань наконец начал приносить прибыль метрополии, ограничивается по сути лишь первыми 15–20 годами (если учитывать только период правления Г. Комада и С. Гото, то только первые 11 лет). При этом автор дает оценку всему периоду колониального правления без учета последующих десятилетий. Тайвань находился под управлением Японии 50 лет, из которых последние 10–15 лет (начиная с 1930-х гг.) были отмечены гораздо более жесткими методами ассимиляции местного населения, отменой многих демократических послаблений, на которые пошли власти в 1920-е гг., мобилизацией всех ресурсов и населения в период военных действий Японии в Азии.

Как представляется, период администрации мэйдзийских японцев, действительно, заложил основу для дальнейшего развития Тайваня, наглядно продемонстрировал, что Япония собиралась сделать остров полноценной частью своей империи, для чего прилагала немало усилий и не жалела материальных средств. Другой вопрос, каких результатов удалось достичь японцам к концу колониального правления, были ли реализованы амбициозные задачи, сформулированные мэйдзийскими японцами? При ответе на эти вопросы, по всей видимости, придется учитывать специфику управления островом не только в начале XX в., но и в 1920-е – 1940-е гг.

Монография Т. Ватанабэ, несомненно, заслуживает внимания, она является значительным вкладом в исследования колониального Тайваня, в которой автор представил живую картину экономической модернизации острова. Книга Т. Ватанабэ хотя и содержит специфичные трактовки отдельных эпизодов тайваньской истории, которые вполне укладываются в традицию японской историографии по колониальному периоду, в ней собраны ценные материалы, касающиеся жизни и работы известных японских ученых и исследователей, посвятивших всю свою жизнь модернизации Тайваня, а также особенностей управления островом в начальный период его освоения.

REFERENCES

- Chen Bisheng. (1982). *Taiwan difang shi* [Local History of Taiwan]. Beijing: Zhongguo kexue chubanshe. (In Chinese).
- Watanabe, T. (2022). *The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan*. Translated by Robert D. Eldridge. Lanham ML: Lexington Books.

Поступила в редакцию: 23.05.2023

Received: 23 May 2023

Принята к публикации: 11.07.2023

Accepted: 11 July 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-112-119

**Открывая неизвестные страницы истории айнов
Рецензия на книгу В. В. Щепкина
«Айны глазами японцев:
неизвестная коллекция А. В. Григорьева»**

Е.С. Юкляевских

Аннотация. Статья представляет обзор книги В.В. Щепкина «Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А.В. Григорьева» (2022). Основу рецензируемого издания составили переводы японских сочинений и книг XVIII–XIX вв. об айнах, которые долгое время оставались без должного внимания со стороны исследователей. В нем представлены не только перевод и анализ содержания документов, но также история их создания. Особое внимание уделяется личности А.В. Григорьева, благодаря которому была собрана коллекция рукописей. Несомненным достоинством работы является то, что в ней демонстрируется эволюция образа айнов в глазах японских деятелей, которые, как отмечает В.В. Щепкин, сначала воспринимали их как «диких варваров», но со временем обрели уважение к чужой культуре и языку.

Ключевые слова: айны, айнская культура, письменные источники, период Токугава, этнографическая коллекция, Хоккайдо, российско-японские отношения.

Автор: Юкляевских Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения УрФУ (адрес: 620002, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19); E-mail: e.s.chekunkova@urfu.ru;

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Юкляевских Екатерина Сергеевна. Открывая неизвестные страницы истории айнов. Рецензия на книгу В.В. Щепкина «Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А.В. Григорьева» // Японские исследования. 2023. № 3. С. 112–119. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-112-119.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-01705), <https://rscf.ru/project/22-28-01705/>

Unknown pages of history of the Ainu
Review of the book *Ainu Through the Eyes of Japanese:*
An Unknown Collection
by A.V. Grigoriev by Vasily V. Shchepkin

E.S. Yuklyaevskikh

Abstract. The article reviews the book by Vasily Shchepkin *Ainu Through the Eyes of Japanese: An Unknown Collection* by A.V. Grigoriev (2022). The book is based on 18th and 19th-century Japanese manuscript materials and blockprints about the Ainu people, which for a long time remained without proper attention from the research community. It presents not only translations of the manuscripts, but also analyzes the history of their creation and examines the evolution of the image of the Ainu in Japanese society. Particular attention is paid to the personality of Alexander V. Grigoriev, who assembled the Ainu collection of rare materials in 1879–1880.

Keywords: Ainu, Ainu culture, written sources, Tokugawa period, ethnographic collection, Hokkaido, Russia-Japan relations.

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Yuklyaevskikh E.S. (2023). Otkryvaya neizvestnye stranitsy istorii ainov. Retsenziya na knigu V. V. Shchepkina «Ainu glazami yaponsev: neizvestnaya kolleksiya A. V. Grigor'eva» [Unknown pages of history of the Ainu. Review of the book *Ainu Through the Eyes of Japanese: An Unknown Collection* by A.V. Grigoriev by Vasily V. Shchepkin]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 3, 112–119. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-112-119.

Acknowledgements: this research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 22-28-01705), <https://rscf.ru/project/22-28-01705/>

История изучения айнов в России насчитывает уже несколько столетий. За этот период отечественными исследователями и путешественниками был собран богатый этнографический, лингвистический и фольклорный материал, часть из которого, однако, не была опубликована. На восполнение этого пробела нацелена рецензируемая книга, вышедшая в 2022 г. Она основывается на сочинениях японских ученых и путешественников периода Токугава об айнах. Среди произведений есть как рукописные, так и опубликованные ксилографическим способом. Автор упоминает о том, что все ксилографические издания относятся к периоду после 1855 г., а все книги, созданные до этой даты – рукописные.

Японские сочинения, о которых идет речь, попали в Россию благодаря секретарю Русского географического общества, этнографу А.В. Григорьеву и были собраны им во время экспедиции в Японию 1879–1880 гг. Как следует из повествования, с частью сочинений А.В. Григорьев, возможно, познакомился в Центральной библиотеке Хакодате, но большинство из них либо приобрел в книжных лавках, либо получил в качестве подарка. Все эти произведения являются уникальным источником информации об айнах и их отношениях с японцами в период XVIII – первой половины XIX в., когда российские и западные ученые практически не имели возможности находиться в айнских землях.

Не вызывает сомнений тот факт, что сочинения представляют большую историческую ценность и вносят существенный вклад в сохранение культурного наследия айнов, что является крайне актуальной проблемой в настоящее время. Многие традиции и обычаи народа были утрачены под влиянием ассимиляционной политики правительства Японии. В то же время рассматриваемые тексты содержат важный материал о ритуалах, обычаях, одежде, внешнем

виде и жилищах айнов. Они успели запечатлеть образ этноса до того, как его жизненный уклад начал стремительно меняться.

Таким образом, рецензируемое издание впервые вводит в научный оборот богатейшую коллекцию редких японских рукописей. Некоторые из них происходят из личных библиотек высокопоставленных чиновников центрального правительства Японии, например Мидзуно Тадакуни, главы Совета старейшин в 1839–1843 гг., и Токугава Наримаса, возглавлявшего боковую ветвь Таясу правящего дома Токугава в 1786–1836 гг. В настоящее время рукописи, ксилографы и карты, собранные А. В. Григорьевым, хранятся в Институте восточных рукописей Российской академии наук.

Трудно переоценить работу, которую проделал В. В. Щепкин, создавая книгу. Как указано в примечаниях, сочинение одного и того же японского ученого могло сохраниться во множестве списков с разными названиями, к текстам прилагались более поздние уточнения или переиздания. Автор также упоминает, что хотя у части рукописей были черновые варианты переводов, они содержали большое количество ошибок. Поэтому приходилось переводить материалы заново и снабжать их комментариями.

Действительно, книгу отличают подробные комментарии и примечания. В ней содержатся исторические справки о японских исследователях, времени и обстоятельствах создания книг. Во вступительных главах имеются интересные данные о том, как рукописи попали в руки А. В. Григорьева. При прочтении произведения становится очевидно, что автор не только тщательно изучил содержание японских сочинений, но, привлекая обширный круг источников и литературы, провел расследование и обнаружил подробности их истории.

Несомненным достоинством работы является также то, что повествование удачно дополняют красочные иллюстрации: рисунки, карты и прочие материалы, содержащиеся в коллекции А. В. Григорьева. Все это делает издание крайне увлекательным для чтения, позволяет читателю самостоятельно ознакомиться с тем, как выглядят оригиналы архивных документов, вдумчиво изучить фотографии.

Рецензируемое издание построено следующим образом: сначала идет предисловие автора, затем две вводные главы, после чего начинается самая важная часть – переводы на русский язык сочинений семи японских авторов об айнах. Завершает книгу послесловие, список использованных источников и литературы, а также указатели имен и топонимов.

Первая глава «Незапланированная экспедиция: А. В. Григорьев в Японии» кратко, но емко рассказывает о биографии А. В. Григорьева и его блистательной карьере в Русском географическом обществе. Он содействовал изучению малых народов Дальнего Востока и совершил несколько экспедиций. Особую ценность для исследования представляет его поездка в Японию 1879–1880 гг., которая, хотя и была спонтанной, оказалась крайне плодотворной.

В первой главе книги описываются подробности экспедиции А.В. Григорьева. Восстановлена хронология его передвижений по Японии, для чего привлечены данные японской периодической печати, материалы архива РГО, отечественные и зарубежные исследования. Отмечается, что большую часть времени А.В. Григорьев проводил в Хакодате и других населенных пунктах острова Хоккайдо – традиционных местах проживания айнов. Это, с точки зрения автора, могло оказать влияние на путешественника и пробудить его интерес к данному этносу. Подчеркивается, что именно айны стали важнейшей темой материалов, которые Григорьев собирал в течение года пребывания в стране.

Вторая глава «Япония и земли айнов в XVII–XIX вв.» делится на пять параграфов и рассказывает об истории развития отношений между японцами и их северными соседями, а также представлениях, сложившихся об айнах в VII–XIX вв. Автор плавно вводит читателя в исторический и социальный контекст, знакомит с основными идеями, отраженными в японских исследованиях.

Первый раздел «Японцы и айны эпохи Токугава» затрагивает начальный этап японо-айнских отношений. Утверждается, что военные походы на «восточных варваров», организованные японским правительством с VII в., привели к включению всего острова Хонсю в политико-административную систему Японии. Вызывает интерес замечание о том, что культура айнов оказала влияние на японскую культуру, в частности, на формирование самурайского сословия.

Второй раздел «Княжество Мацумаэ и айны» повествует о формировании северного японского княжества на Эдзо (Хоккайдо) и развитии японо-айнской торговли. Отмечается, что установление контроля японцев над айнами в землях, принадлежавших княжеству Мацумаэ, способствовало увеличению конфликтов. По этой причине произошло одно из наиболее известных восстаний айнов против японской экспансии под предводительством вождя Сякусяин в 1669 г.

Межэтнические военные столкновения привлекли внимание японских государственных деятелей и исследователей. Подробности восстания 1669 г. описаны во второй тетради «Записей рассказов об айнах» Мацумия Кандзан, с переводом которой можно ознакомиться в книге. Мацумия Кандзан делал записи со слов переводчика Канъэмон из Мацумаэ, ставшего очевидцем событий.

В конце раздела делается вывод о том, что благодаря японским торговым домам к началу XVIII в. айнские земли в целом были вовлечены в общепонскую экономику, однако, политическое господство японцев было установлено позднее, под влиянием угрозы присоединения населяемых айнами территорий к России.

В третьем разделе «Земли айнов в японских сочинениях первой половины XVIII в.» рассказывается о росте интереса жителей центральной Японии к северным землям, что привело к увеличению количества сочинений об айнах. Подчеркивается, что наращиванию знаний в данной области способствовало установление прочных торговых связей между княжеством Мацумаэ и районом Кинай в XVIII в. Таким образом, разнообразная продукция острова Хоккайдо вместе с рассказами об особенностях этого региона попадали в Центральные регионы страны по Японскому морю.

Как видно из японских сочинений, опубликованных в книге, Хоккайдо уже в начале XVIII в. был известен своими богатыми природными ресурсами. Так, Сакакура Гэндзио в «Беглых записках о северных морях» упоминает, что «в местных почвах так много признаков золота, что с другими провинциями и не сравниться» [Щепкин, с. 153]. Он также отмечает: «Хотя в стране этой и не родятся пять злаков, блага гор и морей здесь вдвое больше, чем в других провинциях...» [Щепкин, с. 175].

Автор заостряет внимание на том, что с проведением исследований айнских земель появляется идея освоения Хоккайдо. В качестве подтверждения данного тезиса приводятся мнения нескольких японских деятелей того времени (Набика Тэммин, Сато Нобукагэ, Сакакура Гэндзио). Они сходились в том, что освоение северных территорий способствует расширению торговых связей Японии с соседними странами и может быть достигнуто путем развития сельского хозяйства.

В четвертом разделе «Образ айнов в японских сочинениях XVIII – начала XIX вв.» проводится сравнительный анализ представлений об айнах, зафиксированных в источниках.

На различных примерах демонстрируется, что в большинстве японских исследований внешний вид и обычаи айнов описывались как варварские, подчеркивались различия в происхождении между айнами и японцами. Тем не менее, существовали мыслители, которые выходили за рамки традиционных концепций и выдвигали новые идеи. Они искали взаимосвязь между культурой айнов и древней японской культурой, воспринимали земли айнов уже не как неизведанные и дикие территории, а как далекие японские окраины.

Автор обоснованно отмечает, что такие воззрения стали своеобразным идеологическим основанием для присоединения Хоккайдо к Японии. В сочинениях конца XVIII – начала XIX вв. появляется идея колонизации острова и окультуривания местного населения, вдохновленная опытом европейских держав. Как справедливо делается вывод, это было необходимо в условиях продвижения России на Дальний Восток.

В пятом разделе «Земли айнов между Японией и Россией» уделяется внимание изучению роли айнов в развитии российско-японских отношений в последней четверти XVIII – середине XIX вв. Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что этот период стал переломным в истории айнских земель. Раскрывается проблема негативных последствий российско-японских территориальных размежеваний для местного населения.

В то же время в разделе подчеркивается вклад айнов в установление дипломатических и торговых отношений двух стран: они становились проводниками во время экспедиций, выступали в качестве посредников и переводчиков.

Автор констатирует тот факт, что продвижение России вблизи северных границ Японии вызвало бурные дискуссии среди японских интеллектуалов и чиновников по поводу политики в отношении айнов. Это в свою очередь спровоцировало появление ряда новых исследований, некоторые из которых попали в руки А. В. Григорьева.

Переводы семи японских сочинений, о которых уже упоминалось, занимают важнейшую часть книги. Каждый из них открывается детальными пояснениями, комментариями и отсылками к работам других ученых.

Среди авторов сочинений – ученые, военные мыслители, политические и государственные деятели, которые по приказу правительства страны занимались описанием северных территорий. Согласно примечаниям, почти все из них лично посещали земли айнов, становясь участниками экспедиций или инспекционных поездок на Хоккайдо и Курильские острова. Так, Мацумия Кандзан имел опыт посещения княжества Мацумаэ в составе инспекционного отряда в 1710 г. Сакакура Гэндзиро был отправлен на Хоккайдо по приказу правительства в 1736 г. с целью разведать залежи золота. Могами Токунаи участвовал в правительственной экспедиции на Хоккайдо, Кунашир и Итуруп в 1785–1786 гг. Кондо Дзюдзо возглавил один из отрядов следующей экспедиции в 1798 г., которая также обследовала вышеупомянутые территории. В эту же экспедицию вошел еще один автор – Мураками Симанодзё. Следовательно, большинство сочинений рассказывает о личном опыте общения японских чиновников с представителями княжества Мацумаэ и жителями северных территорий.

Переводы сочинений в рецензируемой книге располагаются в хронологическом порядке, первое датируется 1710 г., последнее – 1808 г. Такая последовательность продиктована не только логикой исторического исследования. По мнению В. В. Щепкина, изучение текстов в порядке их появления позволяет увидеть эволюцию образа айнов в глазах японских деятелей, которые сначала воспринимали их как «диких варваров», но со временем обрели уважение к чужой культуре и языку. Действительно, изучая документы можно представить, как менялся фокус японских исследователей и углублялись знания об айнских землях в течение XVIII в.

Первое сочинение Мацумия Кандзан «Записки рассказов об айнах» (1710 г.) описывает народ поверхностно, не вдаваясь в подробности и сакральные значения обрядов.

Возникает впечатление, что японский автор не понимает, кто обитает на ближайших к Хоккайдо островах. Он упоминает об Урупе и торговле между жителями Курильских островов и айнами Хоккайдо. При этом Мацумия Кандзан отмечает «Разумеется, что японцы на остров Ракко¹ не ездят совершенно. Похоже, что и тамошние жители никогда не приезжают в земли айнов» [Щепкин, с. 88]. После этого автор говорит, что айны «Сообщения с иностранцами не

¹ Уруп

знают» [Щепкин, с. 91]. Затем вносит в текст еще один комментарий: «Айны рассказывают, что на островах живут разные необычного вида люди. Есть острова, где вставляют в нос кольца, которые обычно носят в ушах. Есть места, где [у людей] до старости не вырастает ни единого волоса на бороде. А есть чрезвычайно жаркие места, где люди роют норы и живут под землей». Поэтому при прочтении возникает некоторая путаница относительно того, кто обитает на Курильских островах: неизвестные японцам жители или народы, родственные хоккайдским айнам, а также общаются ли айны все-таки с соседями или нет.

Постепенно знания о северных землях накапливаются, появляется более полное описание приграничных территорий. Сочинение следующего автора – Араи Хакусэки «Описание эдзо» написано спустя 10 лет после предыдущего – в 1720 г. Оно уже подробнее рассказывает о быте, обычаях, внешнем виде айнов. Особое внимание в нем уделяется географическим особенностям Хоккайдо. Небольшие главы произведения посвящены Сахалину, Курильским островам и местному населению. Айнов автор характеризует как дикарей, называя «варварами» и сравнивая с животными. О жителях Курил Араи Хакусэки пишет следующее: «Когда здешние люди варят рис и едят его, варвары, собравшись, смотрят на это с большим удивлением. Языка не понимают, вместо слов изображают то, [что хотят сказать], так что понять получается только в общих чертах» [Щепкин, с. 140]. Он неоднократно отмечает и воинственную натуру коренного народа Хоккайдо: «Эдзо подвижны, отважны и сильны. Вместе с тем хорошо владеют луком и стрелами» [Щепкин, с. 135].

Варварами айнов называют и в более поздних сочинениях. В частности, военный мыслитель Хаяси Сихэй в «Описании Эдзо» (1785 г.) говорит о них как о невеждах, не знающих «организации и порядка». Он подмечает также, что айны «отличаются глупостью и добротой» [Щепкин, с. 195]. Стоит отметить высказывание этого автора о жестокости местных японских торговцев по отношению к айнам: «...люди, находящиеся там, все до единого простые торговцы, поэтому их обращение с коренным населением, насколько я слышал, безобразно. Очень бы хотелось, чтобы подобное обращение было запрещено и чтобы сами торговцы осознали необходимость вежливого и добродетельного отношения к местному населению для искренней покорности с их стороны» [Щепкин, с. 190]. Данное замечание очень ценно, так как позволяет увидеть, как айнов воспринимали простые японские граждане. В целом, к сожалению, в представленных сочинениях практически отсутствуют подобные упоминания.

С продвижением России на Курильских островах в сочинениях появляется идея присоединения айнских земель к Японии для обеспечения безопасности государственных границ. Так, уже упомянутый Хаяси Сихэй настаивает на том, что территория острова Хоккайдо может считаться частью Японии: «Эдзо – это окраина нашей славной империи...» [Щепкин, с. 211]. Он убежден, что айнов необходимо цивилизовать, и в таком случае они смогут стать полноценными японскими подданными. Эту точку зрения поддерживает Мураками Симанодзэ в «Своде материалов о восточных айнах» (1808?). Он сравнивает айнов с «малыми детьми», говоря о том, что, если японцы прольют на них «свет цивилизации, они покорно станут подобными людям нашей страны» [Щепкин, с. 264]. В. В. Щепкин упоминает о том, что Кондо Дзюдзо также отстаивал необходимость проведения реформ и переведения Хоккайдо под прямое управление *бакуфу*. Он даже разработал план превращения Итурупа в оборонительную крепость против российского продвижения на юг.

Примечательно сочинение Сакакура Гэндзио «Беглые записки в северных морях» (1739 г.). Автор определяет Хоккайдо как японскую провинцию: «Все карты, которыми обладают местные жители, небрежны. Тем более дело касается столь отдаленных от столицы мест. Хоть это и одна из провинций нашей страны, бывает, что ее даже не указывают [на картах]» [Щепкин, с. 159]. Говоря об айнах, он отмечает их положительные качества: «...местные жители здесь просты душой и не стремятся к увеличению прибыли. Здесь сохранились поистине древние

обычай людей». Ценное замечание о культуре айнов делает и Кондо Дзюдзо в «Письме к Фукукава Косёкэн». Он упоминает следующее: «обычай здесь сохраняются в неизменном виде, а люди сильны духом» [Щепкин, с. 250].

Любопытно, что представленные в книге сочинения могут быть полезны не только для анализа образа айнов, но также для изучения российско-японских отношений. В некоторых рукописях присутствуют комментарии о внешнем виде русских, отражаются взгляды по поводу внешней политики соседнего государства. Так, в «Описании Эдзо» Хаяси Сихэй можно найти следующие строки: «Раз они уже захватили остров Ракко, то могут скоро расположить к себе и Итуруп, а если продвинутся еще дальше на запад, то придут уже на северо-восток Эдзо» [Щепкин, с. 195]; «Противно лишь то, что разбойники Московии могут достичь земель Эдзо раньше и воспрепятствовать приходу торговцев и моряков нашей страны» [Щепкин, с. 215].

Образ айнов в произведениях японских авторов периода Токугава формировался под влиянием изменяющейся геополитической обстановки. Вместе с тем, как отмечает В.В. Щепкин, изучение обычаев аборигенов Хоккайдо стало для японцев первым и крайне важным опытом тесного соприкосновения с представителями других культур. В целом, можно сказать, что айны в этот период времени представляются как дикари, сохраняющие древние традиции. Они подобны наивным детям, которые готовы принять помощь со стороны Японии, и, по мнению японских ученых, должны быть приобщены к цивилизации.

Стоит отметить, что В. В. Щепкин дает исключительно высокую положительную оценку всем японским исследованиям об айнах, содержащихся в коллекции Григорьева. Несомненно, с научной точки зрения они имеют большую ценность. Однако, интересно было бы узнать мнение самих представителей народа о данных произведениях. Многие современные айнские деятели крайне негативно относятся к японским этнографам и антропологам. Существует также ряд ученых, поддерживающих такую критическую точку зрения. В частности, по отношению к Мацуура Такэсиро, давшего название острову Хоккайдо, существуют достаточно неоднозначные мнения, о чем в своих работах пишет, например, исследователь Университета Хоккайдо Т. Цагельник [Tsagel'nik 2020].

Говоря о Мацуура Такэсиро, необходимо также обратить внимание на то, что его сочинения составляют значительную часть коллекции Григорьева, о чем упоминает сам автор. Тем не менее, переводов дневников и книг Мацуура Такэсиро в книге не представлено. Из двадцати трех наименований коллекции в издании опубликовано только семь. Возможно, это связано с тем, что они повторяют друг друга или часть уже была ранее переведена на русский язык. По мнению рецензента, изучение оставшихся работ было бы также очень важно для углубления знаний в области истории японо-айнских отношений.

Таким образом, в книге В.В. Щепкина «Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А.В. Григорьева» представлены переводы ценнейших исторических источников, которые были собраны отечественным путешественником и ученым А.В. Григорьевым еще в XIX в., но оставались без должного внимания на протяжении долгого времени. Благодаря рецензируемому изданию содержание исследований японских авторов периода Токугава стало доступно широкому кругу читателей, что, несомненно, расширяет перспективы для проведения дальнейших научных изысканий. Материалы, представленные в книге, а также ценные комментарии В.В. Щепкина могут быть полезны не только для айноведов, но для всех, кто занимается изучением российско-японских отношений и историей этнических процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Щепкин В.В. Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А.В. Григорьева. Санкт-Петербург: Арка. 2022. 302 с. ISBN 978-5-91208-473-7

REFERENCES

Shchepkin, V.V. (2022). *Ainy glazami yaponsev: neizvestnaya kollektsiya A. V. Grigor'eva* [Ainu Through the Eyes of Japanese: An Unknown Collection by A.V. Grigoriev]. Saint Petersburg: Arka. (In Russian).
Tsagelnik, T. (2020). Discourse of Silencing in the Context of the 150th Anniversary of the Naming of Hokkaido. *Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers: HUSCAP*, March 31, 125–143. Retrieved May 20, 2023, from <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/77222/1/8.pdf>

Поступила в редакцию: 19.06.2023

Received: 19 June 2023

Принята к публикации: 11.07.2023

Accepted: 11 July 2023

Научное издание

**Японские исследования
№ 3, 2023**

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Технический редактор:	М.Е. Заболотникова

Дата публикации:	30.09.2023
------------------	------------

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: japanjournal@mail.ru

Scientific edition

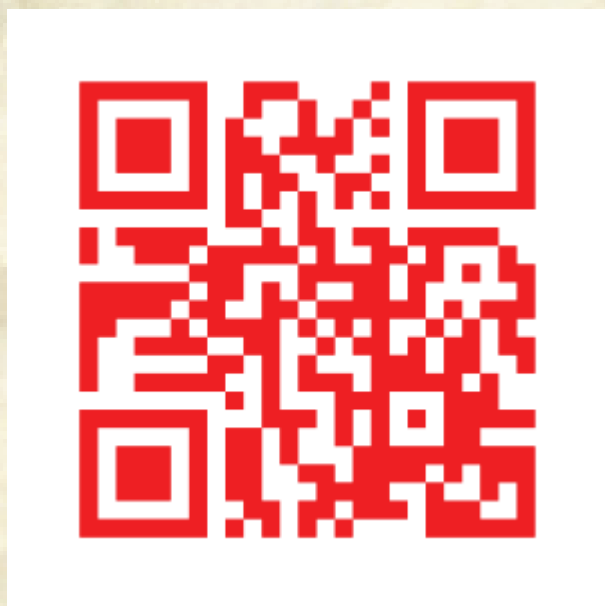
**Japanese Studies in Russia
No. 3, 2023**

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Layout:	M.E. Zabolotnikova

Date of issue:	30 September 2023
----------------	-------------------

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: japanjournal@mail.ru

www.japanjournal.ru

日
本
研
究